

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга шестая

КУК МЭ СЕРГЕЙ

ХУДО КУМЕК ГЕРДО

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга шестая

КУК МЭ СЕРГЕЙ

ХУДО КУМЕК ГЕРДО

Москва

2018

На снимке – мы с тобой. Тебе четырнадцать лет, ты учишься в США – в «Чоут Розмари Холл». Мы стоим, прижавшись друг к другу, у кромки величественного Ниагарского водопада. Жутко холодно.

Как одно мгновение, пролетели двадцать шесть лет. Теперь тебе сорок. Время расцвета! Примерно в этом возрасте я приехал в Москву и начал все с нуля.

Сережка!

Дорогой мой, любимый старший сын!

Разве можно словами выразить, что чувствуешь, видя в возмужавшем сыне собственное отражение? Да, я вижу в тебе себя – только моложе и во многом лучше. Так и должно быть! Значит, все было не зря. Если дети превосходят родителей, значит, мы с мамой все делали правильно. Скажу без ложной скромности: я счастлив, что мы сумели научить тебя больше всего в жизни дорожить тем, что поистине бесценно, – любовью и преданностью близких.

Когда я смотрю на тебя – взрослого, сложившегося, состоявшегося, – мое сердце теплеет. За эти годы ты многого достиг. Более десяти лет назад ты, мой преемник, встал во главе компании и уверенно ведешь ее вперед, развивая наш бизнес и наращивая его мощь. А сколько еще впереди!

Спасибо тебе за то, что честно продолжаешь дело отца. Я уважаю тебя как человека, горжусь тобой как профессионалом и очень тебя люблю.

Кук мэ Сергей! Худо кумек гердо! Сын мой Сергей! Бог в помощь!

Папа

I

Солнце только-только взошло. Дорога в Архипо-Осиповку на рассвете была почти пуста, и машина неслась на предельной скорости. Мы ехали всю ночь, а сна — ни в одном глазу. Какой там сон! Я возвращался из Симферополя окрыленный. Кажется, все снова складывается! Удача, что отвернулась было от меня, похоже, снова на нашей стороне. Не терпелось обрадовать Лиду.

Вот и знакомый поворот. Наконец-то! Водитель просигналил на въезде, шлагбаум поднялся. Мы на месте.

В просторном мраморном вестибюле санатория в этот ранний час было непривычно безлюдно. После гомона птиц — оглушающая тишина. Тебя будто отсекало от мира проблем.

Двери лифта шелкнули за моей спиной, словно ставя точку на прошлом. Наверх!

Бесшумно ступая, я вошел в номер. Лида спала в дальней комнате. Рядом безмятежно посапывали Сережа и Женя.

Я остановился, не решаясь потревожить их сон.

Лида почувствовала мой взгляд, приоткрыла глаза.

– Игорек!

– Здравствуй, родная.

Она вскочила и, приложив палец к губам – «тише, тише», – жестом позвала меня в другую комнату.

– Ну?

От нетерпения у нее перехватило дыхание.

Для пушкого эффекта я театрально выдержал паузу, а потом выпалил:

– Все получилось!

– Ну, рассказывай, рассказывай!

– Был у Первого. Классный мужик. Так душевно поговорили! Дал добро на назначение меня директором ялтинского комбината. Велел Павленко готовить документы для утверждения на бюро горкома. Лида, ты понимаешь? Это победа!

– Здорово! – не скрывая ликования, выдохнула она.

– Да! Осталось только оформить увольнение. И прощай, Ставрополь!

Даже не верилось. Неужели наша черная полоса позади?

Ставрополь с самого начала был для нас временным пристанищем – никто его и не воспринимал иначе. И я, и Лида не сомневались: это лишь шагоч, ступенька. Если угодно – промежуточное отступление, краткая передышка, возможность собраться с силами. Главное – впереди. И вот, кажется, мы близки к цели!

Конечно, все будет непросто, это я отлично понимал. Предстоит разговор с Сидоренко, и наверняка особой радости нам обоим он не доставит. Но что загадывать? У нас оставалась еще пара беззаботных дней в Архипо-Осиповке. Море, солнце, чудесный парк – все было наше. Жизнь заиграла новыми красками.

По возвращении в Ставрополь, забросив Лиду с сыновьями домой, я помчался на комбинат. Сразу же, не откладывая, отправился в кабинет Сидоренко.

– Ну, как съездил? – директор поднял голову от бумаг, грудой лежавших на столе.

Ходить вокруг да около не имело смысла.

– К сожалению, мне придется уволиться, – объявил я. – Хасан полностью подготовлен, вполне способен вести дела сам.

Сидоренко не то чтобы удивился – явно предчувствовал что-то в этом роде, – но недобро прищурился.

– Необходимо сменить обстановку, – пустился я в объяснения. – Это связано с детьми. Врачи обследовали моего младшего и рекомендовали сменить климат. Буду переводиться в Симферопольское объединение. Крымский воздух, сам понимаешь. У сына проблемы с бронхами.

Я выдохнул. Посмотрел Сидоренко прямо в глаза.

– Игорь, ты отдаешь себе отчет, что ты говоришь? Я тебе, конечно, очень благодарен. Ты тут горы свернул. Но, послушай, ты же и года не проработал у нас! – Сидоренко откинулся на спинку кресла, ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, словно ему не хватало воздуха. – Игорь, я тебя понимаю. Но и ты меня пойми. Я тебя рекомендовал на бюро горкома. Я твой друг, я тебе палки в колеса вставлять не буду, но этим людям я не указ. Если захотят – легко смогут достать тебя по своим каналам. Это комитетчики. Все поднимут: и где отец, и то, что ты еврей, и за что у тебя был выговор. Никто по сей день понять не может, как ты удержался в партии. Поверь мне – это опасно. Знаешь, что я тебе скажу? – голос его зажурчал вкрадчиво. Он встал из-за стола, обошел его кругом и остановился напротив меня. – Повремени, а? Я бы на твоём месте годика два поработал. Потом уйдешь.

– Речь о моем сыне! Мы его еле выходили. В Москву возили. Это же не мой каприз. Это настоятельная рекомендация врачей.

Повисло тягостное молчание. Лицо Сидоренко как-то враз осунулось, черты заострились.

– Игорь, – выдохнул он, – не морочь мне голову. Наверняка нашел, где зацепиться. Думаешь, не знаю, кто тебя там толкает? Твой Павленко. Эх-х-х, – он с укоризной посмотрел на меня.

– Да какое там... мне сейчас не до этого. Да и кто меня утвердит? Все знают о моем положении. А ты бы лучше вот о чем подумал – грядут выборы директоров. Это ведь вопрос ближайших месяцев. Я-то сам в них участвовать не планировал, но ко мне уже подходили люди, говорили, что хотят меня выдвинуть. Тебе это нужно? Мне проще уйти в сторону – и все. Для всех так лучше будет.

– Кто подходил? – глаза его сузились.

Я неопределенно пожал плечами. Ну не ждет же он, в самом деле, что я ему сейчас фамилии назову?

Сидоренко растерянно помолчал, потом заговорил – торопливо, сбивчиво, глотая слова.

– Но ты же не будешь выдвигаться? – он перевел дух, собрался и попытался вернуть свое привычное, чуть насмешливое выражение лица. – Да, в конце концов, если и выдвинешься, тебе не светит. Шансов – ноль. Выборы выборами, а утверждать на должность все равно будут там, – он красноречиво закатил глаза.

– Почему же? Выговор с меня снят. Официально я чист.

– Ты что, не понимаешь? Ты куда пришел?

– Куда? – я простодушно воззрился на него.

– А я тебе скажу куда. Ты пришел в образцовую партийную организацию. Это визитная карточка страны. Родина Михаила Сергеевича Горбачева. Здесь такие шутки не пройдут.

– Да пойми же ты! – я начал терять терпение. – Мой отъезд связан только с детьми. Не с работой. Понятно, что где-то пристроюсь. Может быть, и в Крыму.

– На рядовую должность-то?

Я улыбнулся.

– Не имеет значения, какая должность. Не оформишь перевод, я все равно уволюсь. Можешь сделать перевод – сделай.

– Я сделаю, – он доверительно положил мне руку на плечо. – Только запомни, – голос его звучал ровно, но стальные нотки в нем проскальзывали, – пойдешь на повышение, – он поднял вверх палец, – они тебя утопят.

Он неожиданно обмяк, словно выдохся. Устало плюнулся обратно в кресло.

Пожалуй, стоит, подумал я, сказать то, о чем Сидоренко в любом случае узнал бы.

– Да, я обсуждал с Павленко возможность моего перевода и взял у него запрос. Там нет ни должности, ничего. Я вообще сейчас не буду с месяц работать – займусь детьми, семьей.

– Что ж, я тебя предупредил, – директор с отсутствующим видом забарабанил пальцами по столу. – Расстанемся по-хорошему. Неизвестно, как жизнь повернется. Пиши заявление.

Дома все было вверх дном – Лида разбирала вещи после нашего приезда.

– Ну как?! – ей не терпелось узнать новости.

– Жесткий был разговор. Сидоренко говорит, риск большой. Если узнают, что в Крыму я пошел на повышение, могут здорово насолить.

– И что делать?

– Наверное, имеет смысл предложить Павленко поменять с назначением. Пусть поверят, что я никуда не стремлюсь. Глядишь, забудут про меня. В общем, я забрал документы и написал заявление о переводе.

II

На следующее утро я вылетел в Симферополь. Дорога вымотала меня, словно марш-бросок в полной выкладке. Пока добрался до мясного объединения, казалось, прошла вечность.

Увидев меня на пороге своего кабинета, Павленко встал из-за стола, вышел мне навстречу. Энергично пожал руку.

– Ну как? Переводом или через землетрясение пришлось увольняться?

– Тьфу-тьфу – переводом. Но отпустили с боем.

Павленко хлопнул меня по плечу.

Он усадил меня перед собой и начал с места в карьер:

– Принимай комбинат. Я готовлю документы на бюро.

– Виктор Иванович, погоди...

– Что такое? – он насторожился.

– Понимаешь, Сидоренко обрисовал ситуацию так, что в Ставропольском горкоме могут посчитать, будто

я их кинул. Как только они узнают, – а они сразу узнают, – что я директор в Ялте, это воспримут как вызов и перекроют мне все пути.

– Каким образом?

– Спустят бумагу из органов – и конец. Тут каждая мелочь в дело пойдет, все припомнят. Тогда уж точно хана. Ты не представляешь, как Сидоренко уламывал меня не увольняться.

– Да плюнь ты на это. Мы тебя утверждаем. Снять тебя с этого места будет не так-то просто. Ты что, не понимаешь? Перевод ты принес. Первый дал добро, утверждаем на бюро, я подписываю приказ, мы тебя сажаем в кресло – какие вопросы?

– Но Сидоренко...

– Да мало ли что он там несет, твой Сидоренко? Не слушай эту чушь. Блефует он. Даже если бумаги придут, Первый скажет: «Пришел парень, характеристику дали, партийное взыскание снято. Я его утвердил». У него появится право и возможность защищать тебя! – Павленко перевел дух. – Отец сидит... – повторил он, кипя от возмущения. – И что? Где такой закон, по которому можно снять человека с должности, если у него сидит отец? Перестань. Правовая основа должна же быть. Назначим тебя – и отыграть назад уже будет ой как стремно. Тут такие серьезные формальные основания потребуются, каких у них в помине нет и не будет никогда. Дело будет уже сделано.

– Виктор Иванович, – взмолился я, – ради бога, не дави. Дай мне время подумать. До завтра.

Я вернулся в гостиницу.

Минут десять бесцельно слонялся по номеру. Зачем-то включил чайник, тут же забыл об этом и недоуменно воззрился на него, когда вода забулькала. Раздраженно выдернул вилку из розетки. Чертыхнулся про себя. Или вслух? Какой, к дьяволу, чайник? Надо принять реше-

ние. Собраться с мыслями, разложить по полочкам все за и против, ничего не упуская из виду, и сделать правильный выбор. Так что решение это, как ни крути, будет судьбоносным.

Несколько часов назад, входя в кабинет к Павленко, я ни на секунду не сомневался: сейчас важно затаиться, подождать, не делать резких движений. Время для радикальных шагов еще не пришло. Но слова Павленко, надо признать, звучали убедительно и уверенность мою несколько поколебали. Опытный аппаратчик, тертый калач, не первый год в номенклатурных кругах – в наивности и склонности к прекрасномудушным мечтаниям его уж точно не заподозришь. Знает, о чем говорит. Положиться на него? Плюнуть на все угрозы, пойти ва-банк? И будь что будет? М-да... А что будет? И вот на этом месте в памяти всплыл голос Сидоренко. Он стучал в висках, звучал как живой, я даже оглянулся – радио, что ли, само собой включилось некстати? «Гарантирую... Утопят... Отец сидит...» Этот голос, эти интонации – безошибочно узнаваемые, ни с кем не путаешь. По спине поползли мурашки.

Я и не заметил, как стемнело. В сумерках метался по комнате, словно по клетке, то и дело натываясь на стул.

Голова шла кругом. Что я затеял? Кому вздумал противостоять? С какой машиной собираюсь сразиться? Какие еще несчастья призываю на свою голову? Ведь получил уже сполна. Должность потерял, все, что выстраивал с таким трудом, потерял.

Все несчастья последнего времени снова и снова крутились в памяти.

Говорят, все, что нас не убивает, делает нас сильнее. Ха! Черта с два! Когда жизнь бьет тебя наотмашь – раз, другой, третий, и все больнее, по нарастающей, – в какой-то момент ты начинаешь рефлекторно уворачиваться от ударов. Сначала появляется осторожность. Ты уже

не готов бросаться вперед очертя голову. Все с оглядкой. А потом тебя захлестывает страх. Страх перемен. Страх риска. Любого резкого движения. Ты словно цепенеешь, не в силах пошевелиться. Этот страх никого не делает сильнее. Только слабее. Только слабее.

Липкий, подлый, ледящий, высасывающий все силы, в тот момент он владел мною целиком и полностью, и решение, в сущности, принял за меня он. Мой страх. Тогда, в том полутемном гостиничном номере (даже зажечь свет я не удосужился), казалось яснее ясного: вот вроде бы все только-только улеглось, я почти выбрался из трясины. Масштабы, конечно, не сравнить с прежними, зато худобно, но как-то существуем. И теперь главное – не спугнуть. Переждать. Тихо-тихо, без кавалерийского наскока, крошечными шажками, постепенно двигаться вперед. Пересидеть в укромном уголке, где я никому не буду нужен, никто меня доставать не станет. На директорскую должность пока не замахиваться. Тогда это казалось единственно правильным решением. Так я и объявил на следующий день Виктору Павленко. Восторга у него такая моя позиция, разумеется, не вызвала.

Даже не особенно стараясь скрыть досаду, Павленко хлопнул меня по колену.

– Делай как знаешь, но я считаю, что его угрозы – пустое сотрясение воздуха. Первопричина в том, что они не хотят тебя отпускать. Ты у них рабочая лошадка.

Он достал из ящика стола несколько листов, наскоро пробежал текст глазами.

– Вот все бумаги на тебя уже подготовил. Очень жаль, что приходится откладывать.

Разочарованно бросил стопку на стол. Листы рассыпались веером.

– Я все решил, – повторил я упрямо.

Павленко прошелся взад-вперед по кабинету.

– Хорошо, давай подождем.

– Приткни меня куда-нибудь.

– Куда хочешь?

– Да без разницы.

Виктор, прищурившись, смотрел на меня без тени улыбки.

– Давай я тебя своим замом сделаю.

– Ни в коем случае. Лучше что-то попроще, чтоб не на виду.

– Если незаметным хочешь стать, надень шапку-невидимку, – невесело буркнул он в ответ. Поразмыслил, поморщился. – А знаешь что? Иди в наше КБ инженером-конструктором. У тебя же был такой опыт?

Я кивнул.

– По рукам!

– Вот и отлично. Думаю, свой «незаметный срок» ты пройдешь быстро.

На новом месте особой нагрузки не было. Я присматривался к сотрудникам, изучал особенности и специфику работы. Это занятие приелось быстро: наметанным взглядом я читал людей и все их скрытые мотивы видел как на ладони.

Я подыскал уютную квартиру, немного обжился. И все время ждал, ждал, ждал – когда наконец можно будет начать действовать. Ожидание изматывало, но ничего не поделаешь – сам сделал такой выбор.

Раз в месяц я летал в Ставрополь, проводил выходные с Лидой и сыновьями. По вечерам в пустой гулкой квартире особенно остро ощущалось одиночество и какая-то мучительная бессмысленная неприкаянность. Я словно застрял в безвременье. Спасала только непреклонная уверенность: я выберусь. Я обязательно выберусь. Я добыю своего.

Как-то вечером позвонила Лида.

– Игорь, я только что говорила с Володей. Там у него что-то происходит, я не очень поняла. Сказал, что больше не будет жить в Ставрополе. Просит переоформить дом.

– С чего вдруг?

В трубке зашелестело, Лидин голос куда-то уплыл, потом возник снова.

– Я не знаю подробностей, он не говорит. Только твердит, что ему срочно надо уехать.

– Скажи, чтоб не дурил. У него ж нормальная работа, дом, институт, все устроено... Что ему взбрело?

Этого еще не хватало! Что за блажь на него накатила?

– Уперся – уеду и все. Мне кажется, это Зарема домой его тащит.

В душе поднималось раздражение. Как некстати! Хотя такие сюрпризы всегда некстати. Ну ничего, разберемся.

– Ладно, не нервничай. Есть проблема, найдем и решение. Я собирался к вам на выходные, но договорюсь в объединении и выскочу пораньше. Обговорим все дома.

III

Ранним пятничным утром я открыл дверь нашей ставропольской квартиры. В воздухе плыл запах свежеспеченных блинов. Тишина. Мальчишки, наверное, еще не встали. Лида вышла навстречу, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем.

– Наконец-то!

– Ну я же обещал.

– Мальчишки еще спят. Иди умывайся – и за стол.

Чуть помедлив, она осторожно спросила:

– Ты решил, что будешь делать с домом?

– Разгребать сюрпризы твоего брата. Ты с ним больше не говорила?

Лида молча поставила тарелку в мойку, ополоснула. Принялась протирать.

– Да говорила. А толку-то? Похоже, он все решил окончательно. И слушать не желает ни о чем.

– Бывает же такое. Скоро сорок стукнет. Взрослый мужик. А отвечать за свои слова так и не научился.

Лида досадливо дернула плечом.

– Ты уже решил, на кого переформишь дом?

– Нам все равно там не жить. Надо просто продать его и забыть... Мы еще лучше построим в Ялте. С видом на море!

– Ты столько труда в него вложил... – Лида положила руку мне на плечо, словно говоря: не сердись, я с тобой.

– Ну ладно. Попрошу Жорку, чтоб искал покупателя. А Володе скажи, чтобы был готов выехать сюда, когда потребуется документы оформлять.

Проснулись мальчишки. Бросились ко мне, принялись наперебой рассказывать свои наиважнейшие новости, показывать метки на притолоке – кто на сколько вырос, засыпали меня вопросами – я едва успевал отвечать.

– Ну-ка быстро умываться и за стол! –скомандовала Лида. – Сережа, в школу опоздаешь!

Обычная, ничего, в общем-то, не значащая суета, а как от нее тепло на сердце!

Проводив сына в школу, я поехал к Троицкому.

IV

В Симферополе близился к концу бархатный сезон. Основная волна отдыхающих схлынула, остались ценители крымской осени. В межсезонье город будто дремал.

Я жил ожиданием назначения. Занимался спортом, досконально изучил работу объединения – то и дело выезжал на предприятия. В общем, готов был встретить новый этап жизни во всеоружии.

Терпение было на исходе. Еще бы – ведь я здесь уже почти полгода. Как быстро летит время! Пожалуй, пора звонить Павленко.

– Виктор Иванович, давай попробуем выходить на назначение, – без предисловий выпалил я, услышав в трубе его голос. – Сколько мне тут еще болтаться...

Павленко с готовностью откликнулся.

– Отлично. Я передам документы на тебя в горком, – он явно был рад. – Если считаешь, что время пришло, дело

только за бюро. Когда они утверждают, тут же подготовлю на тебя приказ и поедешь в Ялту.

Вскоре стала известна дата бюро. Ровно через десять дней все решится. Наконец-то дело, похоже, сдвинулось с мертвой точки.

Конечно, я сразу же позвонил Лиде.

– Здравствуй, родная, как вы там?

– Здравствуй, Игорь. Да все хорошо. Ребята занимаются. Сережка уроки делает, а Женька – мое задание. Как там у тебя, есть новости?

– Недолго ждать осталось. Через десять дней – бюро. Надеюсь, все сложится, тьфу-тьфу. Фактически мы обо всем договорились. Осталась только эта формальность.

– Я так соскучилась!

Откуда-то издалека послышался голос Сережи. Он что-то спрашивал у мамы.

– Дай мне с ним поговорить!

Лида передала ему трубку, и я услышал голос сына.

– Тебя долго нет, когда ты приедешь? – надо же, уже совсем взрослый! Интонации Лидины, просто один в один.

– Скоро, сынок. Совсем скоро будем снова все вместе. Чуть-чуть надо подождать.

Мы немного поболтали – о школе, о ребятах во дворе, о всяких нехитрых мальчишеских радостях. Потом к телефону подошел Женя. Сердце щемило – давно я так надолго не расставался с семьей. Скорей бы уже.

Трубку опять взяла Лида.

– Мы тебя ждем.

Утро понедельника выдалось пасмурным, ветреным. Зябко кутаясь в плащ, я шел по усыпанной желтыми листьями аллее. От бабьего лета остались одни воспоминания.

В коридорах административного корпуса было непривычно тихо. Я прошел в конструкторское бюро. Половина

столов пустовала. Все сгрудились у окна, одна из сотрудниц что-то оживленно рассказывала. Увидев меня, осеклась, мгновенно смолкла, прервавшись на полуслове.

– Что стряслось? Почему не работаете?

– Игорь Алексеевич, вы не слышали?

– Что такое?

– Какое несчастье! Первый секретарь горкома вчера на охоте застрелил директора пивзавода.

Я застыл на месте. Это что – дурной сон?

– Там свита его была в полном составе, все руководство выехало. И вот... Никто понять не может, как такое могло произойти.

– Дела-а, – в растерянности протянул я, резко повернулся и отправился к Павленко.

– Ты уже в курсе? – вместо приветствия мрачно проговорил Виктор, стоило мне закрыть за собой дверь его кабинета. – Ну тебе и везет! Сказано ведь: куй железо, пока горячо. Я же говорил – надо было сразу документы подавать и утверждать! Не послушал ты меня... А теперь что? Понятно, что это несчастный случай, но никуда не денешься – наверняка нас ждет смена руководства. Какого черта мы тянули полгода?! Ладно... чего уж теперь. Попытаюсь выяснить, что к чему. Если будет новый первый секретарь, придется начинать все сначала. Как будут новости – сообщу.

Я молча кивнул и вышел. Обсуждать больше было нечего – какой смысл толочь воду в ступе? Вот это поворот! Чего угодно можно было ожидать, но такого! Вот уж действительно: человек предполагает... Занятый своими мыслями, ничего не видя перед собой, я брел по аллее как потерянный. Опавшие листья шуршали под ногами.

Прошел месяц с того несчастного случая на охоте. В Крым назначили нового Первого из Киева. Все засто-

порилось. Время словно остановилось. Неопределенность тяготила сильнее всего. Наконец меня вызвал Павленко.

– Игорь, я был у нашего Первого. Не по твоему поводу, просто он со мной знакомился. Но сказал ему и о тебе. Что есть такой человек, было представление, надо решать.

– И что он ответил?

– Обещал вернуться к этому вопросу.

– Как он тебе показался?

– Да никак. Мы раньше не пересекались, не знаю, что за человек.

– Как думаешь, какие перспективы?

– Трудно сказать. Сказал «вернемся» – значит, надо ждать. Я его дергать и торопить не могу. Пакет документов на тебя я ему оставил.

Дни шли за днями, не происходило ровным счетом ничего. Время от времени я звонил Павленко, но порадовать меня ему было нечем. Каждый телефонный звонок рождал надежду, и каждый раз она оказывалась напрасной.

– Никто ничего не говорит, не объясняет, – слышал я уже в который раз от Виктора. – Буду пытаться пробиться к Первому. Надеюсь, удастся что-то выяснить.

Вечером следующего дня я позвонил ему.

– Ну что? Встречался?

– Не принял. Сплошные совещания, не получается выкроить время. Буду пробиваться.

И так несколько недель. Хочешь не хочешь, а задумаешься – может быть, это просто вежливый отказ?

На следующий день я опять зашел к Павленко.

– Вить, сколько можно ждать? Давай я позвоню в Москву? Может, удастся что-то узнать.

– Кому собираешься звонить?

– Мирошникову. Заместителю министра. Может, он через своего коллегу в Киеве что-нибудь узнает.

Павленко пододвинул мне аппарат. Я полистал телефонную книжку, нашел нужный номер. Была не была.

– Альберт Михайлович, здравствуйте. Это Игорь Бабаев.

– Игорек! – услышал я знакомый голос. – Ну как в Крыму?

– Все складывалось нормально, пока не случилось несчастье с первым секретарем.

– А, да! – отозвался Альберт. – Я что-то слышал.

– Ну а теперь пришел новый секретарь и мои бумаги застряли в горшке. Ни туда ни сюда, ни да ни нет. И самое главное – никакой информации. Павленко не может пробиться к нему на прием. Альберт Михайлович, вы можете через украинское министерство узнать, есть там какой-то просвет или мне нечего ждать? Может, я здесь попусту время теряю? Я уже больше полугода в подвешенном состоянии.

– Игорь, я постараюсь выяснить и перезвоню. А ты не дрейфь. Все образуется. Вот увидишь – все образуется.

Оставалось только ждать. Каждый день тянулся, словно год. Хуже нет – ощущать, что от тебя ничего не зависит, никак повлиять на ход событий ты не можешь. Это сводило с ума. Ни решения, ни отказа, ни объяснений – ничего. Словно в дурном сне, который длится, длится и никак не кончится.

Но вот наконец звонок от Павленко.

– Игорь, зайди ко мне!

– Что случилось?

– Это не телефонный разговор. Зайди.

Я помчался к нему.

– Звонила секретарь Мирошникова, – выпалил Павленко, едва я вошел. – Просила тебя ему перезвонить. Давай, – и кивком указал на телефонный аппарат.

Альберт был краток:

– Игорь, пришла информация на тебя. На твоём назначении на ялтинский комбинат, я думаю, можно ставить крест. В Крыму шансов у тебя нет. Мой тебе совет: не трать там время зря. Прилетай в Москву, все расскажу, обсудим, как действовать дальше.

В глазах потемнело. Идиот! Перестраховался, называется! И чего я тянул? Надо было послушать Павленко. Вот уж верно: страх – плохой советчик. И злиться-то не на кого – только на самого себя.

Ну что ж. По крайней мере, появилась хоть какая-то определенность. Все лучше, чем болтаться между небом и землей.

Я аккуратно положил трубку на аппарат, повернулся к Павленко, пересказал разговор. Тот побарабанил пальцами по столу, осмысливая услышанное. Наконец нарушил молчание:

– Подожди, Игорь. Это еще не конец. Попробую разобраться. Подключу тяжелую артиллерию.

Виктор вызвал машину и поехал к заместителю председателя Крымского облисполкома Кляритскому.

– Лев Николаевич, как вы оцениваете мою работу? – спросил он, входя к нему в кабинет.

– Нормально работаешь, – ответил Кляритский, немало удивившись странному вопросу.

– Так вот, – продолжал Павленко, – если придет Бабаев, он будет работать лучше меня! Я его предлагаю, конечно, не на свое место. Считаю необходимым назначить его директором ялтинского мясокомбината. Вы же в курсе, как остро стоит сейчас у нас вопрос замены директоров. А как работает Бабаев, я видел собственными глазами. У меня мать живет в Армавире, я, когда навещал ее, заезжал на тамошний комбинат. Он буквально из руин его поднял! Я к вам уже обращался по этому вопросу, подавал все бумаги. А окончательного ответа так и не получил.

– Виктор, окончательный ответ – нет, – отрезал Кляритский.

– Но почему?!

– Муха не пропускает.

– Какая муха?! – изумился Павленко. – Лев Николаевич, вы же такой могущественный человек – прихлопните эту муху, и дело с концом!

– Виктор, ты не понимаешь. Муха – это председатель КГБ Украины. Так что прости, но ничего не можем сделать.

– Но как же так? Ведь наш облисполком пользуется таким авторитетом! Неужели председатель не в силах решить этот вопрос? Мы столько говорим о важности подбора кадров, о профессиональном подходе к формированию руководящего состава – а когда доходит до дела, не можем принять решение?

– Ну давай, я прямо сейчас, при тебе, ему позвоню.

Кляритский тут же позвонил по вертушке председателю облисполкома и передал трубку Павленко.

– Виктор Иванович, – подтвердил председатель, – поверьте, мы сделали все, что могли. Но в данном случае мы бессильны.

– Не понимаю... Почему?

– Из-за спеццеха.

Так вот в чем было дело! На ялтинском комбинате функционировал спеццех, выпускавший продукцию для членов Политбюро и снабжавший самую верхушку. И потому руководителем этого предприятия могли утвердить только кандидата с безупречной репутацией – не просто сам человек должен был быть чист как стеклышко, но и все родственники до седьмого колена. Так объяснил Виктору председатель облисполкома.

Однако Павленко на этом не успокоился. Он наведлся к Георгию Ивановичу Капшуку, секретарю обкома, ведавшему пищевой промышленностью Крымской области.

– Виктор, мы на своем уровне все утвердили, – развел руками тот. – Но, сам понимаешь, из-за спешкеха назначение директора на этот завод требует согласования с КГБ Украины. А они не пропускают – им пришло письмо из КГБ Ставропольского края.

Павленко вернулся ни с чем. На этот раз тяжелая артиллерия не сработала. Но отпускать меня ему не хотелось, он все пытался найти хоть какой-то вариант.

– А знаешь что? – объявил он мне. – На комбинат в Феодосии нужен главный инженер. Это моя номенклатура, ни у кого утверждать не потребуется. Поработаешь, а потом все равно пойдешь на выдвижение. Давай прокатимся, посмотрим все на месте.

То, что мы увидели в Феодосии, описанию просто не поддавалось. Комбинат небольшой, меньше анапского. Полный развал, полчища крыс, грязь, вонь, антисанитария. В ответ на вопросительный взгляд Павленко я покачал головой:

– Прости, Вить. Не пойду. Поехали обратно в Симферополь.

С Крымом все было закончено.

На следующий день я оформил увольнение, наскоро собрался и позвонил домой.

– Лидочка, я сегодня прилечу.

Она встревожилась.

– Что-то случилось?

Я не стал вдаваться в подробности.

– Приеду – все объясню.

В аэропорт мы поехали вместе с Павленко. Он настоял на том, чтобы меня проводить, все возражения отменил безоговорочно. Выехали впритык и на рейс в Ставрополь, как и следовало ожидать, опоздали. Следующий вылетал только утром.

Торчать ночь напролет в аэропорту не улыбалось. Я машинально разглядывал табло.

– Смотри-ка, через два часа рейс в Москву. А что если рвануть прямо туда? Куй железо, пока горячо, – так ты сказал?

И мы отправились в ресторан – коротать время до отлета.

– Вот ведь как вышло... – сокрушенно проговорил Павленко, поднимая рюмку. – Если б не та охота... Как по заказу, да?

Мы опрокинули по стопарику.

– А я уже размечтался, как осяду у тебя в Ялте. Курорт, солнышко...

Виктор усмехнулся.

– Давай еще по чуть-чуть, Игорь! – он жестом подозвал официантку.

– Меня сейчас больше беспокоит другое... – я говорил словно сам с собой, на реакцию собеседника, в общем-то, и не рассчитывая, – чтобы эта телега, которая сюда прикатила, не потянулась за мной в Москву.

– Просто не думай сейчас об этом, – ответил мне Павленко. – Что ни делается, все к лучшему.

Ни он, ни я тогда даже не представляли, до какой степени он окажется прав.

V

Из автомата во Внуково я позвонил Вале. Взял такси и через час уже был на улице Новаторов.

– Ты как снег на голову! – стоя в проеме двери, Валя ошарашенно смотрела на меня.

Я обнял ее, сбросил плащ.

– Извини, не предупредил заранее. Все так внезапно сложилось, сам не знал еще вчера.

Валя взглянула встревоженно.

– Что-то с Алешей?

– Да нет... Мне надо кое с чем разобраться.

Валя усадила меня за стол, принялась кормить.

– Про отца есть новости? – спросила она.

– Я недавно говорил с Арией. Пока без изменений. Он все контролирует.

Позавтракав, я позвонил Лиде.

– Игорь, где же ты? – зазвенел в трубке ее голос. – Я тут с ума схожу!

– Лидусь, я в Москве.

– Ты же домой собирався?

– На Ставрополь рейс пропустили. Решил сразу одним махом со всеми делами покончить. Приеду – все объясню.

– Я тебя прошу, звони, Игорь.

После перелета клонило в сон. Часок подремав, я созвонился с Мирошниковым и через два часа был у него в министерстве.

Альберт оживленно разговаривал по телефону. Увидев меня, привстал, жестом указал: располагайся. Закончил разговор, положил трубку, вышел из-за стола:

– Ну, рад тебя видеть.

Я улыбнулся, насколько было сил.

– Приветствую, Альберт Михайлович! Ничего себе, какая гора бумаг у вас на столе!

– Да не говори, – отмахнулся Мирошников. – Что творится – ты не представляешь! Такой бардак в стране – с ума сойти. Куда все катится, непонятно.

– Альберт Михайлович, объясните, что конкретно произошло.

– На тебя поступила бумага из органов Ставропольского края. Там все расписано от и до. Я не читал, рассказал коллега. Так что в Крыму для тебя все пути закрыты.

– Это конец? – спросил я. Как ни удивительно, в душе ровным счетом ничего не шевельнулось. То ли устал нервничать, то ли привык уже к мысли о крахе.

– Нет. Просто нужно что-то другое, Игорь.

– Другое? Летчиком, что ли, стать? Или в кондитеры пойти?

– Я не шучу, Игорь! Тебе надо перебираться в Москву.

– В Москву? – опешил я.

– Здесь затеряться легче. Здесь сейчас каждую минуту что-то меняется. Я знаю, что говорю. Переезжай сюда, и дело с концом. Что-нибудь да придумаем. Какая разница, где быть на вторых ролях – там или тут? Но с твоей энергией и твоим опытом здесь выбиться снова шансов больше. Понимаешь? Здесь я могу подстраховать.

– Понимаю, – задумчиво ответил я.

– Ты готов?

– А куда мне деваться?

Альберт ответил одобрительным взглядом.

– Я тебе ничего сейчас обещать не буду. Скажу одно: делай что хочешь, как хочешь и где хочешь. Но нужно, чтоб у тебя была московская прописка. Сделаешь?

– Ставрополь – на Москву?! Да легче выговор снять.

– погоди паниковать. У тебя какая там квартира?

– Трехкомнатная.

– Ну и отлично. Пусть не Москва. Поменяй на Подмосковье. Что угодно подойдет. Без этой прописки я тебя пристроить никуда не смогу. А как получишь – сунем тебя куда-то, чтобы числился. Будем ждать момента.

Я ошалело переваривал информацию. Совсем недавно я лелеял надежду осесть в курортной Ялте, а теперь обсуждаю свое будущее в зимней Москве.

Мирошников нажал кнопку на столе, в дверях появилась секретарша.

– Организуй-ка нам чайку, – попросил он.

Через мгновение на низком столике у дивана стоял поднос с чашками, чайником и вазочками с печеньем и конфетами.

– Игорь, во всем есть свои плюсы, – продолжал Альберт за чаем. – Ты быстро исчез. Запутал следы. Глядишь, и потеряют тебя из виду. С этим кубанским делом на юге все только и носятся. Там – тупик. Здесь все спокойнее.

Отсидишься на вторых ролях. Главное – сделать прописку. Знаешь что? Я, пожалуй, сейчас же позвоню одному человеку. Он мне помог с квартирой для дочери. Знает всю кухню как свои пять пальцев.

Альберт набрал номер, перекинулся с собеседником несколькими словами, потом попросил его не вешать трубку и обратился ко мне:

– Человек согласен помочь. Зовут Андрей. Может встретиться с тобой прямо сегодня. Готов?

Я кивнул. Он закончил разговор.

– Игорь, через два часа у метро «Проспект Мира». Он тебя сам найдет.

Андрей действительно нашел меня мгновенно. Видно, Мирошников дал точное описание.

Мы пошли в Банный переулок, в бюро обмена жилплощади. По пути Андрей расспросил меня о деталях.

– Квартира в Ставрополе, трехкомнатная, – объяснял я. – В хорошем состоянии. Недавно был ремонт. Здесь жилплощадь нужна только для прописки, жить я там не буду.

– Вариантов не так чтобы много, но есть, – выслушав меня, подытожил Андрей. – Только сразу предупреждаю: как правило, хозяева – алкоголики. Квартиры коммунальные. Ну и состояние соответствующее.

– Не имеет значения. Меня интересует только прописка.

– Тогда, я думаю, варианты найдем быстрее.

Бюро обмена в Банном переулке меня ошеломило. Снаружи, перед входом, прямо на улице, клубилась разношерстная толпа. Здесь явочным порядком обособилась стихийная биржа жилья – иной и не могло быть в стране, в которой рынка недвижимости формально не существовало. Общественная толкучка. Да что там общественная – судя по всему, сюда в поисках решения квартирного вопроса стекались страждущие со всей

страны. В толпе шныряли какие-то сомнительные личности – явно присматривали очередную легковверную жертву. Люди бурно обсуждали условия обмена, спорили, записывали телефоны на клочках бумаги, доверительно шептали собеседникам что-то на ухо. До моего слуха доносились обрывки фраз: «совмещенный санузел – ни в коем случае», «кроме первого и последнего этажей», «две смежные, одна изолированная»... Сколько же народу, оказывается, мучается, пытаясь хоть как-то улучшить свои жилищные условия!

Андрей чувствовал себя здесь как рыба в воде. Протолкавшись через толпу, он повел меня внутрь, и мы углубились в изучение списков объявлений. Отобрали несколько адресов.

– Если так торопитесь, можем хоть завтра съездить в Подольск. Двухкомнатная квартира, – предложил он.

– Так может быть, прямо сейчас? Временем я располагаю.

Андрей усмехнулся.

– Э, нет. Тут своя специфика. К этой публике надо приходить утром, когда они еще хоть что-то соображают. Завтра пораньше я им позвоню, договорюсь о нашем визите, и поедем. Идет?

– Лучше я сам.

Рано утром я набрал номер. В трубке послышался прокуранный женский голос:

– Да.

– Я по объявлению по обмену.

– И что?

– Хотелось бы узнать, на что вы готовы меняться.

Короткий хриплый смешок.

– Готова? Это пионеры готовы, а я еще в раздумьях. Что вы предлагаете?

– Шикарную квартиру в Ставрополе.

- Ну, допустим. Только с доплатой.
- Мы это обсудим. Можно посмотреть вашу квартиру?
- Там же все написано. Обычная квартира в приличном состоянии. Все работает. Хотите – смотрите.
- Я могу подъехать через час?
- Да подъезжайте, мне-то что, – без тени энтузиазма пробормотала моя собеседница.

Мы встретились с Андреем на улице. Я поймал такси. Шоферуга, здоровенный амбал, абсолютно лысый, хмуро буркнул:

- Куда ехать?
- В Подольск. Улица Заводская.
- Какой еще Подольск? Нет, не поеду.
- Слушай. Отвезешь нас, подождешь там и вернемся обратно – в обиде не будешь.
- Полтора счетчика – годится?
- Идет.

Мы медленно выбирались по заснеженным дорогам из Москвы. Варшавское шоссе стрелой уводило в сторону Подольска. Я с тоской смотрел по сторонам. Фонари горели через один, в сумрачной утренней пелене смутно вырисовывались хибары окрестных деревень. Добрались мы на удивление быстро.

– Похоже, это здесь, – повернулся ко мне водитель, кивая на панельную пятиэтажку.

В некоторых окнах уже теплился свет, откуда-то неслись звуки перебранки. Да, занесло нас...

Мы с Андреем поднялись на второй этаж.

Дверь открыла женщина неопределенного возраста в засаленном халате. Обесцвеченные перекистью волосы с отросшими темными корнями, по лицу размазаны остатки вчерашней косметики, стойкий запах перегара – в общем, картина была ясна. Она близоруко прищурилась.

– Из милиции штоль?

– Пока нет. Мы по обмену.

– А-а, быстрый ты. Я думала, менты... – тетка кокетливо запахла поплотнее халат и, шаркая тапками, повела нас, по ее выражению, «в залу».

– Вот, – махнула она рукой. – Любуйтесь.

Полюбоваться было чем. Ободренные обоим, замызганный пол, обшарпанная мебель. Линолеум протерт до дыр. По коридору пробежали двое мальчиков и скрылись в соседней комнате.

Я заглянул в ванную, туалет. Сантехника убитая, краска на стенах и дверях облупилась, раковина в разводах. По кухне вольготно разгуливали тараканы.

Андрей невозмутимо пожал плечами: я, мол, предупреждал.

Я кивнул: ничего, сойдет. Хозяйка вопросительно смотрела то на меня, то на Андрея.

– Так кто из вас меняется? – она кокетливо рассмеялась и засмолила беломорину. – Или оба?

– Мадам, – словно не слыша вопроса, начал я тихим голосом, так что ей пришлось прислушиваться, – имеется отличная квартира в Ставрополе. Метраж, – я обвел рукой вокруг, – в два раза больше. С ремонтом. Сантехника, раковины, ванна – все в лучшем виде.

– Сколько комнат? – перебила она меня, скалясь и выпуская дым носом.

– Три, – ответил я.

– А этаж?

– Первый.

Баба поразмыслила и, видимо, решила попробовать набить цену.

– А у меня третий! – на ее лице появилось плутоватое выражение.

– Послушай, – я перешел на доверительный тон, – у тебя сейчас есть отличный шанс поменяться на нормальную трехкомнатную квартиру, да еще с доплатой.

– И сколько ты доплатишь? – блеснула она глазами, стараясь выглядеть как можно равнодушной.

– Тысячу.

Она заняла:

– Маловато!

– Две тысячи.

– Когда деньги отдашь?

– Когда бумаги подпишем.

– Все до копеечки?

Я кивнул.

– Я согласна.

Я медленно прошел по комнате взад и вперед, еще раз оглядывая свое будущее приобретение. Потом обернулся к хозяйке.

– Едем в аэропорт прямо сейчас.

Она оторопела.

– Как сейчас?

– А вот так. Подпишем все, и сразу деньги получишь. Тебе же нужны деньги?

Женщина замаялась, пытаясь понять, не кроется ли тут какой-нибудь подвох.

– А ты случайно не мент?

Посмотрела подозрительно, потом настороженно спросила:

– А за билеты кто платит?

– Я.

– Ну хорошо. Выпьем и поедем.

Она торопливо притащила из холодильника початую бутылку водки, соленья, какую-то рыбу.

– Ну, давайте!

– Нет-нет, спасибо, – ответил я поспешно.

Хозяйка молча пожала плечами, опрокинула граненый стакан, захрустела огурцом, потом принялась за рыбу – хватала куски руками и торопливо засовывала в рот.

– Твою руку, – она протянула мне перепачканную рыбой ладонь, и мне пришлось ее пожать.

– За сделку!

Я тайком вытер руку о край видавшей виды скатерти.

Казалось, мы толчемся в этой хибаре уже целую вечность. Хотелось только одного – поскорее оказаться на свежем воздухе.

Я посмотрел на часы.

– У нас время поджигает.

Баба с готовностью кивнула. После принятого ей явно полегчало.

– Не забыть бы чего, – бормотала она себе под нос. – Ордер на квартиру, паспорт... – она рыскала по каким-то ящикам, потом побежала одеваться.

Мы подождали, пока она сдаст детей соседке, и, наконец, уселись в такси.

– Во Внуково, – бросил я водителю. – Поскорее.

Таксист разинул рот от удивления:

– Вроде в Москву договаривались?

– Планы поменялись, – ответил я и сунул ему в руку четвертной. Тот довольно кивнул, а баба взглянула испуганно, нахмурилась и вдруг, видимо решив, что я собираюсь ее похитить, дернула ручку двери. Я ухватил ее за рукав.

– Ты куда?

– Я передумала.

Я силой усадил ее обратно.

– Хватит уже хулиганить. А ну сиди. А то милицию вызову.

Мой тон и строгий взгляд подействовали отрезвляюще. Она замерла, съежившись и опустив взгляд. Я ко-

жей чувствовал, как в ней нарастает напряжение, и здорово разволновался. Как бы эта полоумная не сорвалась с крючка.

Мне позарез нужна была эта прописка, но неуравновешенная мадам в любой момент могла выкинуть какой-нибудь фортель, отменить сделку и тут же забыть о моем существовании.

Водитель нажал на газ. В аэропорту я коротко простился с Андреем, и он растворился в толпе.

Я галантно попросил позволения нести чемодан моей спутницы. Она покорно отдала мне потрепанный баул. «Без него она, по крайней мере, не убежит», – думал я.

Очередь в кассы была небольшая. Я взял два билета на ближайший рейс. Потом нашел телефон-автомат, позвонил сначала Лиде, предупредив ее, и потом Вале, сообщив, что уезжаю.

В самолете моя попутчица не переставая бубнила что-то про своих многочисленных родственников в Ставрополе, то и дело добавляя: «Он у меня со связями». Кто со связями, я так и не понял, слушал вполуха, закрыв глаза.

Я летел налегке, без багажа. Вещи оставил у Вали, в отцовской квартире – тащить в Ставрополь не было смысла. Самолет нес меня домой. Домой? А где он – мой дом? Спроси меня – и я толком ответить не смогу. Само понятие дома утратило для меня всякий смысл. Было просто понимание того, где я буду сегодня ночевать. Но сидевшая рядом неведомая мне женщина как раз и была ключом к моему будущему дому. Вернее, наша с ней сделка должна была стать первым шагом к его обретению. Поэтому ни при каких обстоятельствах нельзя было дать ей соскочить.

Из аэропорта мы напрямик поехали к родственникам мадам. Без них она категорически отказывалась подписывать какие-либо бумаги.

Я коротко им представился. Предложил заехать через час, но они, ошарашенные неожиданным визитом и новостью об обмене, которого ждали с незапамятных времен, клятвенно побожились привезти Зинку – только тут я узнал, как зовут хозяйку, – к нам домой.

– Я буду вас всех ждать, – как можно строже сказал я, прощаясь. Мадам Зина испуганно кивнула.

VI

Ну тебя и носит! Колючий...

Лида провела ладонью по моей небритой щеке.

– Разучиваю роль Деда Мороза, – улыбнулся я.

Напряжение, которое обручем сжимало голову все последние дни, понемногу отпускало.

Раздался топот, и в прихожую влетели мальчишки.

– Папа!

Их голоса оглушили. Я подхватил обоих на руки. Закружил.

– Ну что, разбойники, маму слушались?!

– Нет! – хором закричали сыновья, и мы все в голос засмеялись.

Я опустил их на пол, любуюсь. Они заметно выросли. Время летело стремительно, я давно не был дома и вдруг неожиданно свежим глазом увидел, как меняются мои сыновья. Наверное, только это и давало мне силы противостоять всем ударам, которыми осыпала меня жизнь.

– Выросли-то как!

Я потрепал мальчиков по головам.

– Ну вы молодцы! А за примерное поведение что полагается?

Они хитро посмотрели на меня, с восторгом и любопытством. Глаза их расширились. Маленькие носы шумно втягивали воздух.

Я вытащил из сумки сверток. Встряхнул. Два ярких комбинезона. Дети удивленно застыли.

– Что это? – Лида рассматривала обновки.

– Леня Тягачев передал.

– Ура!!

Шуршащие, сверкающие, стреляющие искрами новенькие немецкие горнолыжные костюмы источали какой-то неведомый запах.

– Настоящие? – ахнул Сережа.

И мальчишки помчались в свою комнату – мерить.

– Игорь, не томи, рассказывай, – дождавшись, когда за мальчиками закроется дверь, с нетерпением сказала Лида.

– С Ялтой покончено.

Она не произнесла ни слова, только остолбенело смотрела на меня.

– На меня пришла бумага из органов.

– Значит весь наш Крым – псу под хвост?

– Вроде того.

– И что же дальше?

– Меня везде просвечивают. Представляешь, если бы они выяснили, кто на самом деле хозяин того дома... – я махнул рукой. – Еще неизвестно, как бы все закончилось.

Лида покачала головой. «Тот дом» волновал ее сейчас в последнюю очередь.

– Альберт советует переезжать в Москву. Там больше шансов.

Лида печально усмехнулась.

– Надо менять квартиру, Лида.

Она кивнула: мол, когда-нибудь, да.

– А сейчас-то что делать? Ты вернешься к Сидоренко?

– Сейчас? Вот сейчас и переезжать.

– Куда? – растерянно спросила она.

– В Москву.

Лида рассмеялась, словно я выдал какую-то особенно удачную шутку. Видимо, вот так, с ходу, это не укладывалось у нее в голове.

– Я уже нашел вариант обмена, – тихо и размеренно, нарочито ровно произнес я. – Сейчас придут смотреть квартиру.

– Кто?!

– Женщина, с которой мы меняемся. Лида, я серьезно. Мы переезжаем в Москву. Это решено.

Раздался звонок в дверь.

– Вот и она, – я пошел открывать. – Сейчас главное – все быстро закончить. Это важно, понимаешь?

Лида покорно кивнула. Кажется, она уже устала удивляться.

Я открыл дверь. В сопровождении какой-то дебелий бабы в прихожую вошла мадам Зинаида. Я ободряюще улыбнулся. Протянул приветственно руку, словно старой знакомой.

– Входите, входите, – голос мой источал елей, которого хватило бы на пару церквей.

Я проводил их в комнату. Зинаида обвела взглядом стены и оробела. Я улыбнулся:

– Это фотообои.

Повел их в ванную.

– Сантехника импортная, прослужит долго.

Зинаида молчала. Потом с беспокойством посмотрела на свою родственницу, взятую в качестве группы поддержки. Та, уловив смятение спутницы, подбоченилась,

зыркнула на меня, мол, нас на мякине не проведешь, и принялась деловито стучать по кафелю. Затем продолжила осмотр и в конце концов вынесла вердикт:

– Зинаида, соглашайся. Сама же хотела к нам поближе.

Она припала к уху своей родственницы и что-то жарко зашептала. До меня донеслось только: «...пока дураки не передумали».

– Мы рядом, если что, – закончила она уже на полной громкости. – Поможем.

– Так ведь зима... Дети в школу ходят, – промямлила беспомощно «мадам». Вдруг стало заметно, как сопротивляется все ее существо этому обмену. На мгновение показалось, что так удачно достигнутое соглашение сейчас пойдет прахом. – Может, до лета отложим?

Не успел я произнести ни слова, как ее спутница буквально взвилась.

– Спятिला? – завопила она. – Ты что?! Детей пожалей, они у тебя в притоне растут. Перевести в школу – не проблема.

Она решительно обернулась ко мне. Схватила непутевую Зинаиду за локоть и торжественно провозгласила:

– Поехали оформлять!

– Поехали, – кротко согласился я.

– Деньги – вперед! – жалобно проблеяла окончательно растерявшаяся Зинаида.

— Лида, – попросил я, – принеси сберкнижку.

Лида скрылась в соседней комнате и спустя минуту вышла оттуда со сберкнижкой в руках.

– Вот, смотри, – я продемонстрировал ее Зинаиде. – Сберкнижка на предъявителя. Подписываем документы – и сразу отдаю ее тебе.

Баба смотрела на меня, как на фокусника.

– Где ты такое чудо откопал, Игорь? – спросила Лида, когда мы остались одни.

– Их там пруд пруди. Надеюсь, она не успеет спиться на радостях за эти десять дней.

Мы начали паковать вещи. Пора было готовиться к переезду.

Мы ужинали, когда раздался телефонный звонок. Голос брата звучал глухо, словно из подземелья.

– Генка! Ты откуда звонишь? Что случилось?

– Игорь, мама умерла.

– Кто?!

– Мать. Турунж. Дядя Захар только что звонил...

Я опустился в кресло у телефона и застыл. Чувств не было. И это было страшнее всего. Пустота. Кромешная пустота. Я словно окаменел. Камню не бывает больно. И что такое горе, камню неизвестно. Перед глазами возникла фигура: женщина, почти девочка, в цветастом платке. Тянет ко мне руки сквозь решетку, а ее оттаскивают прочь какие-то страшные люди в форменной одежде. И истошный крик: «Деточки мои!».

Вот я бегу по лужайке к дому, на крыльце стоит отец. Оглянувшись, я вижу, как по лицу странной женщины, приход которой меня напугал, текут слезы.

А вот она в проеме двери, держит на руках Сережу, лицо светится счастьем.

Как я ни старался, ощутить собственное сиротство не получалось. Турунж произвела меня на свет, но матерью моей была Хаво. Это ее я, сколько себя помню, называл мамой. И назвать так другую женщину язык не поворачивался. Видимо, подсознательно это воспринималось как предательство, как отречение от той, что вырастила меня и всегда была рядом. Это место в моей душе было занято.

Что я мог вспомнить о Турунж? Как Генка убежал к ней и его три дня искали? Или то, как она загадочным образом находила меня, где бы я ни был, и молча появля-

лась передо мной? Как я мучительно стеснялся ее отрешенного вида, сбивчивой речи, ее платьев, надетых одно на другое? Голос крови молчал. Мною овладело какое-то скорбное бесчувствие.

– Игорь!

Я вздрогнул.

Передо мной стояла Лида.

Я молча поднялся. Потом повернулся и осторожно, очень обдуманно сделал первый шаг, затем второй, третий. Я шел, удаляясь от телефона медленно, словно ожидая, что он вот-вот зазвонит и чей-то голос скажет, что это ошибка, что жизнь продолжается, и чувства вернутся ко мне. Но никто не звонил.

– Что случилось?

– Турунж умерла.

Лида охнула.

– Отмучилась, бедняжка, – чуть слышно проговорила она. – Игорь! Тебе надо ехать.

– Куда? – машинально откликнулся я.

– Как куда? На похороны...

– Лида, какие похороны? У меня сил никаких нет, я разбит.

– Игорь! – Лида обхватила мое лицо ладонями. – Очнись! Она твоя мать.

Я отвел глаза.

Лида не отпускала меня.

– Все остальное неважно. Это твоя мать. Ты должен отдать ей последний долг. Чтобы не жалеть потом всю жизнь, – отчеканила она.

VII

Ваня Мелкумов дал мне свою машину с водителем, и рано утром я выехал в Кисловодск. Забрал там Гену, Славу и Эллу, и мы помчались в Махачкалу.

Ехали молча, притихшие, растерянные. Зареванная Элла показала мне маленькую фотографию: мать.

Я ее не узнал.

– Как это случилось? – спросил я.

– Диабет. Осложнение с сосудами, – ответил Гена. – Ноги отказали. Захар лучше знает. На его глазах происходило.

Вспомнились слова Захара: «Я думаю, там обойдется. Надо лекарства».

– Началась гангрена. Ампутировали ногу.

В машине повисло тягостное молчание. За окном мело. Дорога казалась бесконечной.

У входа в морг стояла толпа. Серые, безжизненные лица. Родственники матери, ее братья и сестры, родные и двоюродные, соседи, знакомые – я почти никого не знал.

Подошел Захар. Мы молча обнялись. Его плечи затряслись в беззвучном рыдании. Меня знобило.

От толпы отделилась темная фигура, направилась к нам.

– Игорь, слава богу, ты приехал.

Сестра Турунж, тетя Роза.

– Видела бы она вас всех здесь, вместе, – была бы счастлива. Любила вас очень, до последней минуты, – голос тети Розы сорвался, она едва сдерживала слезы.

А у меня не было слез. Все чувства, все волнения и тревоги словно смерзлись, превратились в глыбу льда. Этот лед застрял где-то внутри, сдавливал грудную клетку, подпирал горло. Не давал дышать.

Пронзительно закричали женщины. Я обернулся. Из дверей морга выносили гроб. Процессия двинулась к кладбищу.

Я стоял у открытой могилы над гробом матери. Декабрьский ветер трепал волосы. Я не видел ее лица – по иудейской традиции его закрыли белым покрывалом. Как велит древний обычай криа, каждому из нас – сыновей и братьев Турунж – надорвали одежду слева, у сердца. «Борух ата адонай элохейну мелех...» – повторяли мы вслед за раввином. Зазвучал псалом. Глуховатый голос раввина монотонно, почти на одной ноте, выводил слова на иврите, они плыли над каменными плитами и каким-то непостижимым образом умиротворяли. Слава – старший сын – прочел Кадиш. Гроб опустили в могилу и засыпали землей. Раввин затянул поминальную молитву «Эль мале рахамим»: «Укрой ее под сенью Твоей навеки...». Навеки... Невозвратно. Непоправимо. Так окончился земной путь моей матери.

Мы вышли с кладбища. Захар попросил заехать с ним на квартиру Турунж – забрать кое-какие документы. Я впервые ступил на порог тесноватой комнаты, в которой провела свои последние годы родившая меня женщина, и застыл как громом пораженный. Безысходная, предельная нищета. Колченогая кровать, шкаф с мутным зеркалом, кособокая тумбочка. На столе – заплесневелый кусок недоеденного торта.

– Господи! – Гена закрыл лицо руками. – Это же тот торт.

– Ты что, Ген? – Слава обнял его за плечи.

– Пару недель назад я выпивши был... Купил цветы, торт, приехал ее навестить. Сидели тут, чай пили...

Я взглянул на фотографии на тумбочке. Пронзило: это же мы! Совсем маленькие: я, Славик, Гена, Элла. У изголовья держала, чтоб всегда под рукой. Единственная ценность в ее убогом жилище. Да, в общем-то, и в ее растоптанной жизни.

Любил ли я Турунж? Сказать «да» означало бы покривить душой. Я ее почти не знал. Детская память не сохранила младенческие годы, когда Турунж была с нами, но она-то это помнила. Цеплялась за эти воспоминания, как за соломинку. Больше цепляться ей было не за что. А я жил своей жизнью, о ней и не помышляя. Болеет она, не болеет, нищенствует, не нищенствует – все это проходило мимо моего сознания. Потому я и не чувствовал до поры боль потери – невозможно потерять то, чего у тебя не было. Только сейчас до меня начало доходить, ЧЕГО у меня не было. И теперь уже не будет никогда.

И вот тут меня прорвало. Мама... Горло перехватило. Я, взрослый прожженный мужик, жизнь была-била – не добила, никогда не плакал, а тут вдруг – навзрыд. Как? Как могло такое случиться? Как могли с ней так обойтись самые родные люди? Отобрать детей, уничтожить ее, до-

вести практически до безумия, обречь на болезни и страшную нужду. И как я мог не помочь, не устроить хотя бы на излете пропащей ее жизни уютное жилье, уход, тепло? Присылал изредка какие-то гроши для очистки совести. Но я же не знал... Не знал? Или не хотел знать? Я стоял посреди ее комнаты в надорванной у сердца рубашке и понимал: это не на ткани прореха. Это пробита навывлет моя душа. И это навсегда. Эта боль, это чувство вины никогда не пройдет.

В Ставрополь я вернулся, вымотанный до предела. Лида все понимала, ни о чем не спрашивала. Я рухнул как подкошенный и проспал, наверное, часов четырнадцать.

Проснулся ни свет ни заря. Вставать надо, на работу пора! Стоп-стоп-стоп. Я же безработный. Я усмехнулся.

Чашка чая окончательно вернула меня к реальности. Нужно было собираться, заканчивать с документами, ничего не забыть.

– Троицкий вчера звонил, – сказала Лида. – Тебя искал. Я набрал Жоркин номер.

– Человек, который хочет купить дом, ждет.

В назначенное время мы были на месте. Подтянутый мужчина лет сорока в дубленке и ондатровой шапке выглядел очень солидно.

– Жор, где ты откопал такого франта? – шепотом спросил я.

– В зубном кабинете, – хохотнул Троицкий. – Он стоматолог-протезист. Так что при деньгах, не сомневайся.

За все время, что я показывал незнакомцу дом, он не произнес ни слова.

– Серьезный человек, что ты хочешь, – прошептал Жора.

Закончив осмотр, он спросил:

– А что заставило вас продавать?

– Я переезжаю в другой город.

– Ваша цена?

– Сто тысяч. Дом, конечно, стоит дороже, но отдаю по такой цене, потому что надо продать срочно.

Дантист задумался.

– М-м... у меня нет таких денег. Могу рассчитаться царскими червонцами. Золотом.

Я покачал головой.

– Нет, нет, спасибо.

– Тогда – тысячерублевыми облигациями госзайма. Отдам по номиналу.

Я кивнул.

– По рукам!

Ну что ж, этот вопрос решен. Отлично. Двигаемся дальше.

– Вообще-то, нам повезло, – объяснял я вечером Лиде.

– На дом такой стоимости непросто найти покупателя. Мало кто располагает такой суммой. Лучше бы, конечно, он отдал живыми деньгами, но что поделать – облигации так облигации.

Лида задумчиво протянула:

– Сто тысяч...

– Это, между прочим, моя 15-летняя армавирская зарплата, – заметил я.

На следующий день сделка была оформлена. Я вернулся домой и объявил Лиде:

– Все. Заканчиваем. В Москву поедем налегке. Собери только самое необходимое, чтобы поместилось в машину.

– Мы разве не самолетом?

– Поедем машиной. Она мне будет там нужна. Ты со школой все решила?

– Да. Представляешь, у Сережки во второй четверти все пятерки!

Дверь скрипнула, вбежал Сережа.

– Мы переезжаем, да?

Я прижал его к себе.

– Переезжаем! А где Женечка?

Услышав свое имя, на кухню тут же прибежал младший.

– Это правда? Мы уезжаем?

Я подхватил сына на руки.

– Я хочу на самолете!

– А мы на машине поедem. Знаешь, как интересно!

– Мы у Вали остановимся? – озабоченно спросила Лида.

– А где еще?

– А этот Подольск?

– Гадюшник, – отмахнулся я. – Это только для прописки.

– Представляю... – поежилась Лида.

– Скажи спасибо – быстро нашли.

– А со школой ты там все решил?

– Да. Учиться будет на Новаторов. Там все близко. Я уже договорился. Надо будет только сходить отдать документы. Посмотри, чтобы классная была нормальной.

Вещи мы загрузили еще с вечера и на следующий день рано утром тронулись в путь.

VIII

Я гнал машину по обледенелой трассе и прокручивал в голове события последних дней. Как быстро все завертелось! Еще пару недель назад у меня и в мыслях не было никакой Москвы, и вот на тебе. Подумать только. Что ж, что ни делается, все к лучшему.

– Ты бы сбавил скорость, – Лида тронула меня за рукав. – Скользко.

– Я осторожно, не волнуйся.

Дети клевали носом на заднем сиденье, между ними громоздились тюки с вещами.

Машина была далеко не первой свежести, и мотор нещадно жрал масло. Я то и дело поглядывал на приборную панель.

– Опять!

– Что, Игорь? – вздрогнула задремавшая было Лида.

– Да масло снова на исходе...

Я остановился у обочины, открыл капот «Волги», достал из багажника канистру и принялся лить в горловину темную жидкость. Ветер так свирепствовал, что тягучая вязкая струя отклонялась в сторону, и масло проливалось мимо. Я чертыхнулся про себя, ругая погоду. Руки заочнели так, что я не чувствовал пальцев.

– Игорь, а она нас довезет? – заволновалась Лида, когда я наконец уселся в машину и повернул ключ зажигания.

– Довезет, куда она денется! – улыбнулся я, не подавая виду, что, вообще-то, мне тоже не по себе. Ведь случись что – помощи ждать неоткуда. Ни телефонной связи, ни жилья поблизости. А за окном крепчал мороз...

Дотянуть бы до заправки. На последних двух не было никакого горючего. На крайний случай в багажнике был припасен резерв – двадцатилитровая канистра, залитая под завязку. Но что такое двадцать литров для этого троглодита? Весь наш маршрут – километров 120–150, а проехали мы только чуть больше половины.

В конце концов судьба смиростивилась: на какой-то заправке удалось залить полный бак, переплатив барыге вдвое.

Уже в полной темноте мы вынырнули на освещенную фонарями развязку Каширского шоссе. Дорога стала заметно шире. Впереди была цивилизация – мы въехали в Московскую область.

Я приоткрыл окно. Ветер ворвался и растрепал Лидины волосы.

– Закрой, – попросила она.

Я крутанул ручку обратно.

Два-три поворота руля, две-три развилки – и все изменится. Новая жизнь. Кавказ, Ставрополье, Крым – все неурядицы и пустые надежды останутся позади. Теперь все заново.

Уже далеко за полночь я остановил машину у дома на улице Новаторов. Свет в подъезде был приглушен. Из каморки выглянула сонная консьержка – кто это там появился среди ночи? – и, разглядев знакомое лицо, снова улеглась спать. Валя открыла сразу.

– Приехали!

Мы всей гурьбой ввалились в квартиру.

– Игорь, я вам приготовила залу...

– Валь, давай не будем... Мы и в маленькой поместимся.

– С мальчиками?

– Ничего. Нормально.

Дети тут же завалились спать.

– У тебя завтра какие планы? – шепотом спросила Лида.

– С утра к Мирошникову.

На следующий день Лида отправилась записывать Се-режу в школу, а я поехал в министерство.

Мирошников встретил меня улыбкой.

– Входи, входи... Ты быстро, Игорек! И так, что мы имеем?

– Все, что требуется, сделано. Прописка и все остальное, – отрапортовал я.

– Отлично!

Он усадил меня в кресло и приступил прямо к делу.

– Сейчас ничего весомого я тебе предложить не могу. Пристроим пока, чтобы стаж не прерывался, начальником отдела пропаганды и киноинформации в ЦНТИ.

– Ну, если других вариантов нет...

– Слушай, – пустился в объяснения Альберт, – посидишь там тихонько, отдохнешь, отдышишься. Свободного времени у тебя будет уйма, вот и воспользуйся. Обживайся понемногу, квартиру подыщи. Сейчас в Москве это не проблема – только деньги плати. У тебя же где-то в Подмосковье?

– Подольск.

– Ну вот. Ты ж там жить не собираешься? Разбирайся, пока время есть. А там посмотрим.

В отделе у меня числилось три человека. Как таковой работы не было. Занимались мы организацией выставок и прочих мероприятий. Все, что было необходимо, делалось молниеносно, времени оставалось уйма. Сидеть на месте не в моем характере, и я то мотался по выставкам и конференциям, то обзванивал всех подряд – Цыганкова, Тягачева, Иванова из «Олимпийского», Вакулина из Четвертого управления Минздрава – надо же было напомнить о себе и о летнем отдыхе для детей.

Эти ощущения были знакомы до боли, все это я уже проходил – в Нальчике, сразу после выговора. Бумеранг судьбы вернулся ко мне вновь. Как-то в ответ на мой звонок Цыганков предложил:

– Давай-ка проверим, в какой ты физической форме. Подъезжай завтра к шести в Сокольники, там корт есть. Постучим по мячу немного, встряхнемся, пообщаемся. А после игры в сауне посидим.

– Договорились!

К корту мы подъехали почти одновременно.

– Игорек! – мы с Цыганковым обнялись. – Привет, заводник! Смотрю, совсем заkis в своей шараге?

Мы зашли внутрь. Цыганков кому-то крикнул:

– Боря!

К нам направлялся розовощекий коротышка с ярко выраженными семитскими чертами. Пожал руку Цыганкову, вопросительно уставился на меня.

– Это Игорь Бабаев, мой друг. Вся колбаска, что я тебе передавал, – это он! С его комбината.

– А это Борис Симкин, – представил он мне незнакомца. – Он тут главный. Директор этого комплекса.

Мы пожали друг другу руки.

На спортсмена Симкин не тянул, но был гостеприимен, обаятелен, отлично знал все тонкости тенниса и пользовался огромным авторитетом.

– У вас тут здорово, – заметил я.

– Один из лучших кортов в стране! – похвастался Симкин. – Расписано на два месяца вперед, так просто не попадешь.

Цыганков хитро усмехнулся.

– А для своих?

– Для своих место всегда найдется, – промурлыкал Борис в ответ. – Давайте, разминайтесь, а я посмотрю, что там с сауной.

Ракетка приятно тяжелила руку, рукоятка ладно входила в ладонь, мышцы рефлекторно напряглись. Часа полтора мы лупили по мячу до изнеможения.

Первым не выдержал Цыганков.

– Все, Игорь, баста! С меня физических нагрузок, пожалуйста, хватит. Пошли в сауну.

В саунах я знал толк. Сколько я их перевидал! А сколько сам обустроивал! Да и уроки, преподанные генералом летного училища, даром не прошли. Так что судить о качестве финской бани я мог вполне квалифицированно. Надо сказать, в Сокольниках у Симкина все было сделано с умом. Видимо, хозяин он был толковый.

После первого захода в сауну мы, блаженно расслабившись, сидели в комнате отдыха.

– Видел бы ты, – пустился в воспоминания Цыганок, – какой Игорь спорткомплекс отгрохал в Армавире!

– Из-за чего потом еле ноги унес, – добавил я.

– История на всю страну была, Борь. Его даже в программе «Время» показывали! – Цыганок хвастался с таким упоением, словно это было его личное достижение.

– Не, ну ты представляешь? – вдохновенно продолжал он. – Построить и ввести комплекс во время действия ука-

за о запрете строительства спортсооружений после Олимпиады! Это ж рехнуться просто!

Симкин слушал с неподдельным интересом.

– За это надо выпить, – он поднял бокал с пивом. – Продвигать спорт в массы – святое дело. Уважаю!

Мы выпили ледяного пива и взялись за закуски. Цыганков приехал не с пустыми руками – стол ломился. Чего тут только не было! Рыба, икра, крабы. Судя по всему, со снабжением у него в ресторане даже во времена тотального дефицита дело было поставлено лучше некуда.

– Игорь, а ты с семьей перебрался? – спросил меня Симкин.

– Да, с концами. Вот думаю, как бы мне ребят на теннис пристроить. Им бы тренера хорошего.

– Ну, это не проблема. Давай Василича к ним прикрепим. Он им технику поставит. Только вот по времени придется подстраиваться. Не всегда есть выбор. Сам понимаешь: в Москве кортов не хватает, а желающих море. Но пару раз в неделю вполне возможно.

Вечером, возвращаясь с корта, на площадке у лифта я столкнулся с немолодым, но подтянутым спортивным человеком.

Дежурным «здравствуйте» незнакомец не ограничился.

– Вы сын Алексея Наумовича?

Я остановился. Он продолжал, не дожидаясь ответа.

– Я вас сразу узнал. Одно лицо. Сначала подумал – новые жильцы, а сейчас присмотрелся – Лешин сын, – он помедлил, потом протянул руку и представился: – Скваронский. Анатолий. Вот в этой квартире живу, – он указал на соседнюю с нашей дверь.

– Мы с Алексеем дружили по-соседски, – пояснил он. – Когда что нужно помочь, да и просто общались. Иной раз и за рюмочкой сживали, – он невесело

усмехнулся. – Если б не это несчастье... Как он, здоров? Привет передайте при случае, самый горячий.

Лиду известие о том, что придется с мальчишками мотаться на трех видах транспорта через весь город на теннисный корт, ничуть не смутило. Ради детей она была готова на все.

– Теннис? Вот и отлично. Главное, чтобы без дела не болтались.

Сыновья запрыгали от радости.

– У нас ракетки будут? Новые? Прямо у каждого своя? У, класс!

– Пойдите, пойдите, – осадил я. – Не все сразу. Сережа, ты уроки выучил?

– Здравствуйте! – рассудительно, совсем по-взрослому заявил Сережа. – А что я с учительницей целый день делал?

– Я договорилась, – пояснила Лида, – чтобы с ним отдельно позанимались. Нагонять придется, разница в программе, представляешь. Здесь посложнее будет. Московская школа.

– Он у нас молодец, он потянет. Да? – я потрепал Сережу по затылку.

– А то! – чуть не лопааясь от гордости, ответил сын. – Учительница говорит, я быстро схватываю.

Жене стало завидно.

– Я тоже хочу в школу ходить!

– Скоро пойдешь.

В кухню вошла Валя. Я спросил ее о Скавронском. Валя пожала плечами.

– Нормальный сосед. Порядочный. По дому помогал, когда надо было что-то привинтить. Рукастый. Алеша его часто просил что-то купить, привезти. Деньги давал. Всегда до копейки отчитывался. Ну и по-соседски, – Валя вздохнула, – заходил. Посидят, то да се.

– Ясно. Возьму на заметку.

С того дня я зачастил на корт в Сокольники. Свободного времени хватало, работой я, мягко говоря, завален не был, так что держать себя в форме удавалось без проблем.

Со временем наш тесный кружок расширился: Симкин познакомил нас со своим сыном Игорем, а тот – со своим теннисным партнером, который представился Женей. Про Игоря Цыганков шепнул мне: «Между прочим, врач. Может очень пригодиться при случае – венеролог. Так что имей в виду, если что». А про Женю Пантелеева сказал: «Не хухры-мухры. Секретарь райкома!». Женина должность тут же вылетела у меня из головы. Гораздо интереснее было то, что теннисистом он оказался отличным.

С тех пор так и повелось: играли пара на пару – мы с Цыганком против Игоря с Женей. Коля против таких соперников был слабоват, что греха таить. Отличный друг, но партнер по теннису никудышный. Так что разделявали они нас часто. Ну а после игры к нам присоединялся Борис Симкин, и начиналось: раскаленная сауна, ледяное пиво, стараниями Цыганкова – роскошный стол, бесконечные разговоры. Такой у нас сложился мужской клуб в миниатюре.

IX

Внезапное возвращение Володи в Кисловодск и обрадовало Анну Григорьевну, и встревожило. Конечно, хорошо, когда сын рядом, спокойнее материнскому сердцу. Но чем ему здесь заняться? В Ставрополе, по крайней мере, был при деле – присматривал за домом, был на глазах у Игоря и Лиды, в институте восстановился, работал на производстве по специальности. И вот снова болтается как неприкаянный.

Вырастить, дать образование, хоть как-то пристроить – ну разве она слишком многого хотела от судьбы?

В Кисловодске Володе делать было решительно ничего. Работы не было. Таксовал, болтался с приятелями, втихаря поигрывал в карты. «Ох, добром это не кончится», – вздыхала мать.

С улицы слышался сигнал автомобиля. Даже не взглянув в окно, Анна Григорьевна поняла – Илья Владимирович. Его «Опель Капитан» узнавала на слух.

Встретила сухо, едва кивнула. Не произнося ни слова, собрала на стол и, только накормив мужа, нарушила молчание.

– Мне надо с вами поговорить.

Илья Владимирович досадливо поморщился.

– Володя в Ставрополе бросил все, перебрался в Кисловодск. Он здесь мается. Болтается без дела. Берет вашу машину – таксует. Вы слышите?

Илья рассеянно кивнул.

– Поговорите с ним. Наверняка можно найти какое-то дело, чтоб его пристроить.

Илья Владимирович достал сигарету, закурил.

– Да что он дурака валяет? Все же было нормально в Ставрополе – нет, сорвался, все бросил. Что у него в голове? Я не понимаю, Аня! – он раздраженно ткнул в пепельницу недокуренную сигарету, стукнул кулаком по столу. – Зарема-то о чем думает? Ну ладно, он сам без мозгов, но она-то должна хоть что-то соображать? Неужели не ясно, что там было хорошее место, с перспективой, с будущим? И на тебе – все псу под хвост! Что же мне теперь, в Иргаклы его забирать?

– Да хоть бы и в Иргаклы!

– Ну, не беспокойся. Наверное, другого выхода нет. Значит, заберу его к себе. Пристрою. В любом случае будет под присмотром.

Так Володя оказался в артели отца. Они закупали у заготовителей шкуры, выделывали их и шили из них дубленки. Илья Владимирович поставил сына руководить шкуропосолочным цехом. Дело нехитрое, всего пять рабочих, надо было лишь вникнуть. Только вот вникать ни во что Володе совсем не хотелось. Он не без зависти поглядывал на отца: крутится, устраивает какие-то дела, договаривается с заготовителями, куда-то сбывает продукцию – делает деньги как умеет.

До сына Илье Владимировичу, в общем-то, дела не было. Никогда, с самого детства, он им всерьез не занимался, и Володя вырос, как придорожная трава. Потому, наверное, и оказался совсем не приспособлен к самостоятельной жизни, не научился брать на себя ответственность. К тому же с ранних лет Володя был избалован деньгами – Анна Григорьевна не могла отказать любимому сыну, то и дело подкидывала втайне от всех.

В этом забытом богом углу делать по вечерам было совершенно нечего. Собирались, устраивали застолья, временами поигрывали в карты. Вокруг неизменно крутилась Лариса, смазливая девчонка лет двадцати, – приносила поесть и выпить, прибирала на столе. Особой проницательности не требовалось, чтобы понять: с Ильей Владимировичем ее что-то связывает. Достаточно было раз увидеть, как Лариса обхаживает Илью.

В Кисловодске Володя, в отличие от отца, бывал часто – приезжал в выходные навестить мать и жену Зарему. Анна Григорьевна старалась не докучать ему расспросами – сын дома, цел и невредим, работа какая-никакая есть, и ладно. Однако на этот раз она изменила своему правилу. На то была причина. Веская причина. Вот уже которую неделю ей покоя не давала сплетня, что принесли злые языки. Якобы Илью Владимировича видели в Нальчике на еврейской свадьбе, и приехал он туда не один, а с молодой девахой. А в ушах у девахи – ее, Анны Григорьевны, бриллиантовые серьги!

– Как отец? – спросила она, стараясь не выдать волнение. – Почему давно не приезжает?

– Весь в делах, мам.

– Он ничего не шлет какой месяц. А тут ведь его дочь, внучки.

– Ты про деньги? Да он занят по горло, раскручивает бизнес. Вздохнуть некогда.

– Володя, я хотела спросить.

– Да, что?

– Про мои бриллиантовые серьги. Он взял их, сказал, нужны деньги, чтобы вложить в дело. Он продал их, ты не знаешь? А то мне тут рассказали, что видели его с какой-то девкой и мои серьги были на ней.

– Мам, ну что ты слушаешь всякую дурь? Не обращай внимания – сплетни все это. Мало ли кто что болтает, – принялся успокаивать ее Володя. – Про серьги точно не знаю, продал он их, не продал, но деньги действительно нужны. Он раскручивает бизнес, во все вкладываться приходится, средств реально не хватает. Очень сложно с этим сейчас, правда. Так что, скорее всего, да, в дело пошли.

Анна Григорьевна облегченно вздохнула.

Х

Апрель в Москве разгулялся вовсю. Деревья чуть подернулись зеленью, город наконец ожил после невыносимо долгой зимы. Даже сквозь оконное стекло слышался гул толпы, сигналы автомобилей, звонки трамваев. Московское разноголосье.

В моем отделе, как обычно, стояла дремотная тишина. Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и услышал знакомый голос.

– Витя!

Вот так сюрприз! Гушин!

– Он самый. Ну ты закопался! Насилу тебя нашел. Ушам не поверил: с твоей энергией – и просиживать штаны в каком-то тухлом ЦНТИ?

– Ну а что делать, Вить? Ничего другого пока нет.

– Ну, это пока. Давай подъезжай ко мне в «Комплекс» – это рядом с Зеленоградом. Посмотришь по карте. Есть о чем поговорить.

Уже на следующий день я мчал по Ленинградке. Сбавил скорость, чтобы не пропустить указатель, взглянул по сторонам и ахнул. Слева от шоссе стоял город – утопающий в зелени, насквозь пронизанный солнцем, устремленный вверх. Вздвигающиеся в небо здания каких-то незнакомых, нездешних очертаний – этажей двадцать, наверное, не меньше! Это было так непохоже... да ни на что это не было похоже – ни на тяжеловесные мрачноватые сталинские громады, ни на безликие хрущевские пятиэтажки. Словно невидимая рука в один миг перенесла меня из Подмосковья на какой-то незнакомый курорт.

Сам Зеленоград располагался по левую сторону дороги, а мне нужно было чуть дальше и направо – в НПО «Комплекс», где теперь директорствовал Виктор Гушин. Я остановил машину у административного корпуса и поднялся в кабинет директора.

Гушин сиял. Невооруженным глазом было видно: человек на взлете. Еще бы! Возглавлял региональное объединение, а теперь под его началом – флагман отраслевой науки всесоюзного значения. Совсем другой уровень!

Виктор встретил меня очень тепло и сразу обозначил цель нашей встречи:

– Игорь, мне нужен главный инженер. Сейчас ничего не говори. Все посмотрим, потом закончим разговор. Ну, пошли! – ему явно не терпелось похвастаться. – Покажу тебе свои владения. Держи халат.

Владения Гушина действительно впечатляли. Это был современный научно-производственный комплекс. В центре территории – здание исследовательского института. Здесь разрабатывали новые технологии и оборудование. Этот институт, по существу, курировал все птицеводство страны. Вокруг него – отдельно стоящие корпуса: механический цех, в котором производилось и испытывалось экспериментальное оборудование, колбасный завод, цех птицепе-

переработки, ферма по выращиванию куропатки – отдельная гордость Гушина, единственная в своем роде, не преминул он похвастаться. Здесь же располагался поселок, в котором жили сотрудники. Он тоже числился на балансе НПО.

Колбасный завод, конечно, был мне ближе всего.

– Тестируем тут экспериментальное оборудование, – рассказывал Виктор. – Помнишь Тулупова и Корнюшко? Тулупов теперь генеральный Мосмяса, а Корнюшко стал директором экспериментального центра. Первыми проводим испытания его разработок. Вот куттер пробуем. Заводик, конечно, крошечный, но нагрузку свою имеет, обслуживает Зеленоград, производит 10–15 тонн колбасных изделий в сутки.

– У меня есть заместитель по науке, – объяснял Гушин, – и вакансия главного инженера. Это, по существу, мой заместитель по производственно-хозяйственной части. В его подчинении колбасный завод, птицепереработка, механический цех и ферма. Плюс обслуживание поселка. Конечно, это не армавирский гигант, масштабы не те. Игорь, я понимаю: для тебя это игрушка, но это – твое. Это уже приближение. Сделай хотя бы шаг к производству. Поработаешь пару лет, а там будет видно.

О чем тут было раздумывать? Я дал согласие сразу.

– Отлично! – обрадовался Виктор. – Давай заедем ко мне, пообедаем, отметим. Познакомлю тебя с женой.

Вот мне и довелось побывать в одной из тех кирпичных высоток, вид которых так поразил меня на подъезде к городу. Квартира Виктора ошеломила ничуть не меньше. Просторная, четырехкомнатная, с высокими потолками и огромными окнами – просто дворец. Да и сам город ничуть не разочаровал.

– После Ставрополя здесь, конечно, другие масштабы, – рассуждал за обедом Гушин. – Это не просто город-спутник Москвы, это центр микроэлектроники, наукоград,

мы тут на острие прогресса, так сказать. А строили его как город-сад. Да ты сам видел.

Да, я видел. Ухоженный, грамотно спланированный, утопающий в зелени, выстроенный в едином модернистском стиле. Не зря его называли городом будущего.

«Получается, и мое будущее начинается здесь», – усмехнулся я про себя.

Я вернулся к тому, с чего когда-то начинал, – руководил инженерией на производствах и в поселке.

– Ну что? Осмотрелся? – Гущин заглянул ко мне в кабинет.

Прошло две недели с тех пор, как я приступил к работе в НПО «Комплекс».

– Вполне.

– Что скажешь?

– Вить, у тебя же тут вода никуда не годится – как вы вообще здесь живете?

– Знаю, – вздохнул Гущин. – Это большая проблема.

– Я заглянул в поселок, с людьми поговорил. Жалуются – вода идет ржавая. Одна женщина меня пригласила зайти, самому посмотреть: и раковина, и ванна, и унитаз – все коричневое. А у нее двое малышей. Они воду отстаивают, кипятят, потом отстаивают еще раз, только после этого используют. На кухне – батарея трехлитровых банок. Мы сделали анализ. Содержание железа не просто превышает нормы, оно зашкаливает.

– Я думал, ты сразу за производство возьмешься.

– Вода и есть основа производства. Как давать качество без нормальной воды? Нужна система водоочистки.

За пару месяцев мы закупили в Ростове оборудование, смонтировали и запустили установку. Теперь не только производство, но и весь поселок снабжался чистой водой.

XI

Дела в артели шли своим чередом. Время от времени приезжали заготовители, привозили шкуры. Илья Владимирович приглашал их к столу, появлялась Лариса, принималась хлопотать по хозяйству, угощать гостей. Бывал на таких застольях и Володя – на правах сына хозяина. В разговоры отца с деловыми партнерами он не вступал, слушал вполуха, в детали особо не вникая.

– Конечно, Илья Владимирович, дорогой. Сделаем, какой разговор!

– Договорились, Хасан. Значит, буду вас ждать через неделю.

О чем это они? А, ясно, следующую встречу назначили.

В дверях появилась Лариса. Оглядела комнату, принялась убирать со стола. Наклонилась над Володиным плечом, он скользнул по ней рассеянным взглядом, и вдруг словно током ударило: прямо перед его глазами сверкал,

переливался, играл в лучах лампы отличный крупный бриллиант. Серьги! Мамины серьги! Вот же они – у Ларисы в ушах! Так, значит, права была мать. Володя помотал головой, словно отгоняя неприятные мысли, и налил себе еще рюмку.

Через неделю, в день, когда ждали заготовителей, Илья с утра засобирался в дорогу.

– Володя, я отъеду по делам и вернусь к вечеру. Если Хасан с заготовителями приедут раньше, пусть подождут меня. Ты уж их прими, угости, развлеки. Будь за хозяина.

– Конечно, пап. Все сделаю. Поезжай.

Приехал Хасан с парой парней. Володя пригласил в дом, предложил располагаться.

– Отец задерживается, скоро будет. Проходите, подождите его.

Накрыли стол. Володя вошел в роль гостеприимного хозяина, старался вовсю.

– Прошу, прошу. Давайте перекусим. Угощайтесь.

Хасан поднял рюмку.

– Ну что ж, за тебя, дорогой! За молодого хозяина!

Володя зарделся от гордости. Надо же – серьезные люди, деловые партнеры отца, воспринимают его как равного!

Немного выпили. Подкрепились. Поговорили. Гости решили скоротать время, перекинуться в картишки. Чуть погода и Володя подключился.

Ему, конечно, случалось поигрывать по маленькой, но только не при отце – тот не одобрял. И сын сникал под его взглядом. Но сегодня ему повезет, точно повезет!

Ему и повезло поначалу. Выиграл какую-то мелочь, воодушевился и пошел вразнос. На следующее утро проснулся – голова раскалывается, на душе мутно. Что там было-то вчера? Вспомнил – и похолодел. Мизерный выигрыш свой просадил мгновенно, надеялся отыгаться.

Из уважения – все-таки сын Ильи Владимировича! – ему предложили сыграть в долг. Володя припомнил размер этого долга, и в глазах потемнело.

Отец вернулся только на следующее утро. Володя про свой проигрыш ничего рассказывать не стал.

– Да, были ребята. Посидели, поели, выпили немного. Тебя ждали.

Про карты – ни слова. На что он рассчитывал? Володя и сам не знал. Авось, как-нибудь само обойдется. Всегда ведь обходилось. Но на этот раз не обошлось.

Работа в артели кипела, шкуры были на исходе. Илья Владимирович встревожился: дело вот-вот встанет. Позвонил заготовителям.

– Хасан, когда шкуры привезете?

– Илья, дорогой, так деньги нужны.

– Я же передавал вам десять тысяч!

– Шкуры мы привезем, только надо сначала разобраться. Тут вот какое дело: за сыночком твоим должок. Он проиграл нам десять тысяч, так что мы в расчете. А на заготовку деньги нужны.

От ярости у Ильи перехватило дыхание.

– Володя! – едва слышно просипел он.

Перевел дух и заревел, точно раненый бык:

– Володя!!!

Сын появился в дверях.

– Как ты мог? Нет, как ты смел?! Как ты смел играть на деньги, которых у тебя нет?!

Володя обмер.

– Пап, прости. Ну прости, – заныл он жалобно. – Это все они. Подставили меня, – он чуть ли не всхлипывал. – Черт! Развели, как пацана! Мы, говорят, со всем уважением. Сын Ильи Владимировича – ну как не пойти навстречу? Играй в долг, дорогой! Вот тебе и долг. Раскрутили... Я думал, отыграюсь...

– Думал? Ты думал?! Да ни о чем ты не думал!

Володе показалось, что отца сейчас хватит удар.

– Вон отсюда! Убирайся! Чтоб ноги твоей тут больше не было! – Илья Владимирович обессиленно рухнул на стул, вынул сигарету и долго, ломая спички, пытался ее зажечь.

Куда было деваться? Володя отправился в Кисловодск.

Анна Григорьевна, только взглянув на сына, мгновенно поняла: случилась беда. Напрямую спрашивать не стала, сделала вид, что не заметила, как он ссутулился, словно под невыносимо тяжелой ношей. Наигранно спокойно проронила:

– Ты надолго?

– Мам, я туда больше не вернусь.

– Володя! Что случилось?

– Да с отцом разругались.

– Как?!

– Потом расскажу.

Столько тоски было в этих словах, во всем его облике, что сомнений не оставалось: это не просто размолвка. Произошло что-то непоправимое.

– Нет, – отрезала она. – Не потом. Рассказывай. Сейчас рассказывай.

Володя помялся. Мать смотрела в упор, сверлила взглядом. Ясно было: она не отступит, пока все не выяснит. Пришлось собраться с духом.

– Не хотел я тебе говорить... – нерешительно начал он. Помедлил, а потом как в омут головой: – Помнишь, ты меня про сережки спрашивала? Ну так вот, ты была права. Я их видел. На ней.

Кровь отхлынула от лица Анна Григорьевны. Значит, все правда. Не врали злые языки.

– Он ее ко мне приревновал, – продолжал Володя. – И выгнал меня.

Анна Григорьевна застыла на месте, глядя в пространство невидящим взглядом. Губы ее почти беззвучно что-то шептали.

– Родного сына... Из-за шлюхи... – еле расслышал Володя.

Через несколько дней, собрав детей, Анна Григорьевна ровным, бесцветным голосом объявила:

– Хочу, чтобы вы знали. Илья Владимирович ваш отец и всегда им останется. Но для меня он больше не существует.

XII

Приближалась середина срока заключения отца, пора было готовиться к подаче документов на условно-досрочное освобождение. Мы с Валею полетели в Махачкалу на свидание.

В аэропорту нас встретил давний друг отца. Алибека я хорошо знал. Разве забудешь, как он приехал на мою свадьбу и привез в подарок бурку с папахой? Сразу же набросил ее на меня, и мы с ним станцевали лезгинку. В прошлом – крупный чин в здешних следственных органах, теперь он был уже в отставке, но прежних связей не растерял. Мы обнялись, он поцеловал Валею и, закинув в багажник новенькой «Волги» наши сумки, усадил нас в машину.

– Здесь недалеко, километров сорок, в момент доедем,
– Алибек лихо рванул машину с места, утопив педаль газа в пол.

Обнесенная высоким забором колония стояла на плоской, как стол, абсолютно голой – ни деревца – выжжен-

ной августовским солнцем равнине. Зимой здесь, может, еще и ничего, но в жару – сущий ад.

Алибек оставил машину у ворот и вместе с нами отправился внутрь. С первых же шагов стало ясно: его тут принимают далеко не как рядового посетителя. Ни обыскивать нас, ни ворошить вещи и перетряхивать продукты, которые мы везли с собой, никто и не подумал. Дежурный на КПП отдал Алибеку честь, наскоро пролистал наши паспорта, для порядка сверился со списком и нажал кнопку. Лязгнул металл, тяжелая решетка двери медленно отъехала в сторону, открывая нам дорогу.

В этих местах отец оказался не случайно. Еще в Москве, в «Матросской Тишине», он поручил Арии обратиться к Каракозову с просьбой направить осужденного Бабаева для отбывания срока в Дагестан, на родину. У отца здесь хватало друзей, готовых помочь в любой момент. Исправительное учреждение, конечно, не дом отдыха, но, как только отца этапировали в здешнюю колонию, Алибек, да и не только он, приложил все силы, чтобы обеспечить ему максимальный комфорт.

За оградой с колючей проволокой поверху и вышками охраны по углам располагалось несколько одноэтажных барачных корпусов, производственные корпуса, какие-то хозяйственные постройки. Ветер трепал выгоревшие на солнце транспаранты: «На свободу с чистой совестью», еще что-то про добросовестный труд... Особняком стояло административное здание. К нему мы и направились.

Алибек повел нас напрямик в кабинет начальника колонии. Тот встретил его с распростертыми объятиями. Они перекинулись парой вопросов о каких-то неведомых нам, но хорошо знакомых им обоим людях, потом Алибек попросил:

– Дорогой, ты можешь вызвать Алексея сюда? Хочу с ним познакомиться.

– Конечно, о чем речь? Сейчас все организуем.

Начальник вызвал дежурного, дал несколько коротких распоряжений: велел накрыть стол и доставить к нему заключенного Бабаева. Безусый мальчишка-срочник помчался выполнять приказ.

Появились еще два солдатика, торопливо расставили закуски. Хозяин кабинета вынул из заветного шкафчика бутылку коньяка.

– Да-а, – протянул он задумчиво, – что ж такое творится? Не должны сидеть такие люди, как Алексей! Это ж такой огромной души человек, такое сердце!

Алибек печально кивнул.

Мы не сводили глаз с двери, и вот она отворилась. Вошел отец. Мы с Валею, не сговариваясь, встали. У меня отлегло от сердца: никакой печати неволи в его облике не было и следа. Все так же прям, та же гордая посадка головы, уверенная походка. Только седины прибавилось, да заметно похудел. Килограммов двадцать сбросил, не меньше. Но ему это даже пошло на пользу: давно я не видел своего отца таким молодецкато подтянутым.

– Алеша! – Валя обняла его и застыла, прижавшись щекой к плечу.

Рукопожатия, объятия, вопросы, смех... На что угодно это было похоже – на встречу добрых друзей после долгой разлуки, на возвращение из дальнего странствия, но только не на свидание убитых горем родных с несчастным узником. Словно на празднике, мы уселись у стола. Да, собственно, это и было праздником. Праздником встречи, праздником верности, праздником дружбы. Начальник колонии налил нам, и мы, дружно чокнувшись, выпили за скорейшее освобождение.

– Кстати, об освобождении, – начальник поставил рюмку на стол. – Полсрока почти отбыто, скоро можно будет подавать документы. Передайте адвокату, чтобы

не тянул. Как только заявление на УДО поступит, сразу же рассмотрим. За нами дело не станет. Главное, пусть все подготовит, чтоб комар носу не подточил. Порядок он знает, не мне его учить.

– Пап, а ты прямо помолодел здесь. Стройный, подтянутый. Живот куда-то пропал, – не удержался я.

– Да после «Матросской Тишины» я здесь как в санатории, – рассмеялся отец.

Еще бы. Там камера была забита под завязку, не продохнешь. Даже спали на шконках по очереди. А здесь пол-Дагестана друзей готовы были в лепешку расшибиться, лишь бы дорогой Алексей Наумович ни в чем не нуждался. Администрация колонии тоже сделала все, что возможно в рамках закона. Назначили его завскладом – завидная должность для заключенного. Деньгами мы отца снабдили, да и в продуктах недостатка не было.

– Похудел, да. С питанием нормально у тебя? – забеспокоилась Валя.

– Все отлично, Валюш! А похудел – так это потому что по ресторанам не сижу, – улыбнулся он в ответ. – За-столья тут не те, что правда, то правда. Но всего хватает, не волнуйся.

Нас проводили в блок для длительных свиданий. Ничего особенного: небольшая комната, есть стол, стулья, тахта. На электрической плитке можно разогреть еду, в углу раковина, за перегородкой – санузел. Стены аккуратно покрашены, на тахте одеяло, подушки, стопка постельного белья. Под самым потолком зарешеченное окно – выше человеческого роста, не дотянешься. Везде довольно чисто. Ну и, конечно, вооруженная охрана в коридоре.

– Выйти за пределы колонии посетители могут до восьми вечера, – предупредил меня караульный.

Все понятно, режим.

Мы остались одни. Наконец можно было без посторонних ушей поговорить о своем.

– Как мать? – голос отца предательски дрогнул. Не было на свете человека, которого он любил бы сильнее Хаво. – Сколько же на нее свалилось... Сильно постарела? Как себя чувствует?

– Пап, она держится. Мы помогаем, ты не переживай. Постарела, конечно...

– Столько пережить... Был бы я рядом... – отец сокрушенно смолк.

– Пап, с ней всегда кто-то есть, она не одна. Слава постоянно там, Элла, Гена. Все, что надо, – врачи, лекарства, – все есть.

– Да разве во врачах дело?!

Столько боли было в его словах, что у меня мурашки поползли по коже.

– Она говорит, обязательно тебя дождетсЯ. Все повторяет: после смерти Нахамьё только это и держит меня на земле.

Вспомнили Нахамьё, Лизу. Отец сидел мрачнее тучи. Не мог сжиться с мыслью, что не проводил их, не бросил на могилу горсть земли.

– Он бы жил еще! Если б не несчастье с Лизой, не мой арест... – отец ронял горькие слова, словно разговаривал сам с собой, не ожидая ответа.

Я потянулся к сумке, вынул фотографии детей. Он растаял. Расспрашивал, хлопал себя по колену, усмехался. Горестная складка на лбу постепенно разгладилась. Увлеченно слушал про все мои перипетии с работой, хмурил брови, качал головой.

– А ведь Каракозов вас тогда практически спас от тюрьмы, – задумчиво проговорил он. – Как я его умолял, чтоб вас не трогал!

– Пап, здесь много обстоятельств наложились друг на друга, – ответил я. – Спасло нас, в общем-то, то, что они

Тараду отправили на тот свет. Да что сейчас об этом рассуждать! Худшее позади. Сейчас уже все налаживается.

Под наши разговоры Валя задремала – видно, дорога вымотала.

Мы проговорили несколько часов напролет, и, когда я вспомнил о времени, была уже половина девятого. Я стукнул в дверь, сказал охраннику, что готов выходить. Не тут-то было!

– Время вышло, – ответил он. – Извините, после восьми выпустить не имею права. Ничего не могу сделать, все опечатано.

– А как же быть?!

– Придется вам здесь переночевать. Утром выйдете.

Так что мне довелось провести ночь в местах лишения свободы. Далась она нелегко. Заснуть так и не удалось – я просто не мог сомкнуть глаз. Не давала покоя мысль: завтра утром двери откроются и я выйду. А отец? Отец останется. Сколько таких ночей у него уже было? А сколько будет еще... Что он чувствует, о чем думает, когда за спиной, лязгнув, захлопывается железная дверь, отсекая его от мира, от родных людей, от самой жизни? Конечно, бодрится. Не стонет, не унывает. Кремень. Каких невероятных сил, должно быть, стоит ему эта показная удаль.

Рано утром меня выпустили, и я улетел в Москву. Валя осталась еще на два дня.

XIII

Борис Симкин определил Сережу и Женю к отличному тренеру по теннису.

Дважды в неделю Лида с мальчиками предпринимали марш-бросок: на улице Новаторов втискивались в автобус (а его еще дождаться надо!), добирались до метро, ехали через весь город от «Проспекта Вернадского» до «Сокольников» (красная ветка, самая загруженная!) и там опять прыгали в автобус – до корта. С собой – две теннисных ракетки в чехлах, спортивные костюмы, обувь... Увесистая сумка получалась. Да и московский транспорт... Это вам не Армавир. В час пик – столпотворение, да и днем не протолкнешься. Только успевай пуговицы собирать – оторвется в давке, и не заметишь. Поездки Лиду просто выматывали. С этим надо было что-то делать.

Но из наших бытовых проблем это была еще не самая тяжкая. Главное – жить в одной квартире с Валец станови-

лось все тяжелее. Я-то целыми днями пропадал на работе, дома только ночевал, а вот Лиде и детям доставалось. Из Лиды жалобу было клешами не вытянуть, но время от времени не выдерживала и она.

– Мне сегодня Сережа рассказал, – начала она не без колебаний. – Валя ударила Женю по рукам. Он хотел достать что-то из холодильника, а она сказала, что холодильник – не игрушка, и ударила.

– Что? Да как она... – я рывком поднялся.

Лида ухватила меня за рукав.

– Игорь, не надо! Нам здесь еще жить.

– Жить? Я найду, где жить. Но моего ребенка никто пальцем не тронет!

Я рывком распахнул дверь. Валя удивленно подняла голову. Перед ней лежала газета, она читала, шевеля губами.

– Валя!

Я застыл. Меня трясло от ярости.

– Только посмей еще раз хоть пальцем прикоснуться к моим детям!

Валя вспыхнула, хотела что-то сказать, но не успела.

– Запомни: бить своих детей я никому не позволю! Запомни это очень хорошо. Ясно?

Повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Это стало последней каплей. Немного успокоившись, я позвонил маклеру и дал задание искать обмен Подольска на Москву.

На следующий день я зашел к Скавронскому.

– Как жизнь, Анатолий?

– Да так... Какая жизнь у тренера?

– А ты тренер?

– Мастер спорта! Когда выступал за сборную Союза, платили валютой. Вот квартиру с женой купили. А теперь времена изменились, возраст дает о себе знать, доходы

уже не те. Тренирую ребят за небольшую плату. С дочками своими тоже занимаюсь, у меня двое.

– А теннисом они занимаются?

– Да на хороший корт не пробиться. Когда получается договориться – везу, конечно.

– А ты на машине?

– Ну а как же. Своим ходом – это не для Москвы.

– Так, может, совместим? Мои-то в Сокольники мотаются. Через весь город на трех видах транспорта, представляешь? Возьмешься их возить? Там нам время выделяют, ты заодно и своих пристроишь.

– О, было бы здорово! Все поместимся. Всяко лучше, чем Лиде в метро и на автобусах таскаться.

Мы поболтали еще и решили, что было бы совсем неплохо, если бы мои мальчишки присоединились к тренировкам Анатолия с дочками на свежем воздухе.

Поблизости – рукой подать – находился Воронцовский парк. Воскресным утром мы выдвинулись на первое занятие – я с Сережей и Женей и Анатолий с женой и двумя дочурками.

Со стороны наша разновозрастная группа смотрелась, надо полагать, довольно забавно. Все дружно орали, гонялись друг за другом и размахивали руками и ногами кто во что горазд. Но Анатолий свое дело знал. Быстро нас построил, прекратил разброд и шатания в наших нестройных рядах, и тренировка началась.

– Сначала разминка. Разогреваем мышцы, мобилизуем суставы и связки! Чтоб никаких травм. Раз, два! Раз, два! Держим темп, не отстаем! Не задерживаем дыхание! Женя, голову выше! Сережа, не сутулься! Тянем носок! Раз, два! Раз, два! Молодцы!

Мы пробежали несколько кругов вокруг пруда и свернули на спортивную площадку. Здесь Анатолий навеки покориł моих мальчишек, молодецки прокрутив «солн-

це» на перекладине. Лучшего стимула для занятий было не сыскать.

Приступили к упражнениям. Мы усердно повторяли за Анатолием. Наши ряды понемногу ширились – привлеченные зычным голосом Скавронского и нашими старательными, хоть и не всегда ловкими движениями, к нам стали присоединяться игравшие неподалеку дети.

Я только диву давался. Ну и Анатолий! Прирожденный тренер. Везет мне все-таки на людей.

XIV

Н е прошло и пары недель, позвонил Андрей.

– Игорь, есть подходящий вариант. Надо посмотреть. Когда сможешь?

– Хоть завтра. Куда ехать?

– Это Мневники.

Я понятия не имел, где это. Ну да какая разница. Утром следующего дня мы вошли в подъезд обычной московской панельной девятиэтажки. Вроде и дом не такой старый, но как же он был загажен! Грязь, мусор, окурки на полу.

– Как они тут живут? Самим-то не противно? – пробормотал я себе под нос.

Андрей понимающе ухмыльнулся.

Квартира тоже была, мягко говоря, не в лучшем состоянии. Побелка облупилась, обои выцвели, кафель отваливался. Одно слово – коммуналка.

– Что вы хотите за это? – спросил я хозяйку.

– У вас Подольск? – женщина поджала губы. – Ну, если там не хуже, чем здесь...

– Поверьте, по сравнению с этим сараем...

– Тысяча рублей, – сказала она твердо.

– Я вас понял. Ответ дадим завтра.

Мы сели в машину.

– Слушай, а ничего другого не было? – меня терзали сомнения. – Может, поискать нормальную? Надоело в дерьме ковыряться. Без конца одно и то же...

– Игорь, то, что ты хочешь, – принялся терпеливо разъяснять Андрей, – крайне трудно получить сразу. Нужен трамплин. Это Москва. Сначала поменять Подмоскowie на Москву, пусть и плохонькую. Потом Москва на Москву. Ну не хочет никто сразу ехать из хорошей московской двушки в Подольск. А ты тут косметику сделаешь, и можно двигаться дальше.

– Ладно... Скажи ей завтра, что я даю согласие.

– Хорошо. Только, Игорь, чтобы искать обмен дальше, эту квартиру нужно привести в порядок. Показывать ее в таком виде – дохлое дело. Никто не клюнет.

Эту проблему мы решили быстро. Скавронский вызвался помочь, закупил все материалы, и, не откладывая в долгий ящик, мы с ним всего за пару выходных побелили потолки, все покрасили, поклеили обои. Я раздобыл новую сантехнику, и не прошло и двух недель, как квартира была готова к показу.

XV

Альберт Мирошников никогда не звонил просто так, поболтать. Не было у него такой привычки. Поэтому, услышав в телефонной трубке его голос, я приготовился к новостям. Однако на свой прямой вопрос такого же прямого ответа не услышал.

– Не телефонный разговор, – объяснил Альберт. – Можешь на днях ко мне подъехать?

– Конечно, – ответил я. – А может, на нейтральной территории?

– Так даже лучше будет. А то я из кабинета не вылезаю, в печенках сидит уже.

Мы договорились встретиться на следующий день в ресторане Дома композиторов.

– Игорь, я буду не один, – предупредил Альберт.

Директор ресторана Эдуард Петросян встретил меня, как обычно, у входа в зал.

– Как отец? – сразу же спросил он. – Мы все за него переживаем. Передавай ему, если сможешь: ждем возвращения.

– Обязательно передам, Эдуард. Обязательно.

Эдуард провел меня к зарезервированному для нас столу. Альберт появился в сопровождении дамы в красном манто.

– Игорь, знакомься, это Мила.

Где-то я это лицо уже видел. А, да – приемная. Это же его секретарь.

Мы уселись за стол, вокруг засуетилась официантка.

– Как сейчас все непросто стало, Игорь, – начал Альберт. – Не поймешь, что хорошо, что плохо. Эта гласность – что это такое? С чем ее едят? Это к чему приведет? Какая партийная демократия? О чем тут говорить? Это анархия.

Мила скучающе зевнула и принялась разглядывать свои покрытые алым лаком ногти.

Не обращая ни малейшего внимания на скучающую спутницу, Мирошников продолжал:

– Ты не представляешь, что происходит. В бюджете страны денег нет. Все рисуют какие-то показатели с потолка, а на самом деле с продовольствием – полный швах. Мы фонды закрыть не можем! Поверь, я-то в курсе. Это еще столицу хоть как-то обеспечивают, все тянут на Москву, и все равно в снабжении сплошные срывы. А в регионах – вообще почти голод. Пустые прилавки. А мы антиалкогольную кампанию ведем. В результате – километровые очереди за водкой. О демократии говорим, а с голодными желудками и пустыми прилавками – какая демократия?

Альберт подцепил кусок осетрины, с видимым удовольствием отправил ее в рот и снова заговорил:

– Уже народное творчество пошло. Знаешь, загадка ходит: длинное, зеленое, пахнет колбасой – что это?

Я недоуменно пожал плечами.

– Поезд едет из Москвы! – провозгласил Альберт и пустился в разъяснения. – Все окрестные города в Москву за продовольствием ездят. Подходишь утром к магазину, если видишь, что пара автобусов стоит с иногородними номерами, – разворачивайся и уходи. В магазин не войдешь, забит приезжими. Очереди на несколько часов. У них в городах на прилавках морская капуста, килька в томате и березовый сок – водичка подслащенная. Все. Все, Игорь!

– Так куда все делось-то? – прервал я его вдохновенную речь.

– Куда-куда. Жили столько лет за счет нефти, а теперь нефть грохнулась. Американцы постарались, точно. Знают, что делают. Вот увидишь: развалит Союз в конце концов.

– Но, в общем-то, это всего лишь нехватка... ничего неразрешимого.

Альберт насмешливо покачал головой.

– А чего тогда евреи массово за кордон рванули? Толпами уезжают. Это не просто так. Это плохой знак, Игорь, очень плохой. Они опасность чувствуют как никто. Тысячелетний опыт, знаешь ли. Если поехали евреи – хорошего не жди. Попомни мои слова: надо готовиться к тяжелым временам.

Выслушав этот мрачный прогноз, я плеснул нам еще по одной.

– Альберт, давай выпьем за прекрасную даму, присутствующую за нашим столом. За Милочку! Пожелаем, чтобы она всегда так прекрасно выглядела.

Мила оживилась, глаза ее блеснули. Мы подняли бокалы.

– Ну ладно, – Мирошников откинулся на спинку стула, перевел дух. – Это все лирика. Давай о тебе поговорим.

– А что обо мне говорить?

– Как тебе у Вити Гущина?

Я пожал плечами.

– Не то чтобы это совсем мое, но хоть есть чем заняться. В любом случае лучше, чем в ЦНТИ.

– Конечно, это не твои масштабы. Выдвигаться на работу посерьезнее думаешь?

– Да я-то готов. Только разве это от меня зависит? И к тому же... Знаешь, Альберт, я так нахлебался со всеми этими утверждениями, волчьими билетами и прочим, сыт по горло.

– Да ну, брось! Сейчас такое время, что до твоих прошлых грехов дела никому нет. Ты меня послушай. Мне звонил Юра Тулупов. Он сейчас генеральный директор Мосмяса. Ситуация, сам понимаешь, аховая. Основной вопрос на коллегии – обеспечение продовольствием. А у него серьезная дыра в кадрах. И он спрашивал про тебя.

– Тулупов? – я взглянул на Мирошникова с интересом.

– Да ты его знаешь.

– Ну, шапочно знаком. Мы у него заказывали оборудование, когда он возглавлял экспериментальный центр.

– Ему дыру затыкать надо. Игорь, пойми, не ты сейчас ищешь, куда бы пристроиться, а они ищут, кого бы поставить. Я тебе о чем говорю? Стране жрать нечего. Вопросы продовольственного снабжения сейчас стоят острее, чем пять лет назад. Я не знаю, что конкретно тебе могут предложить. Скорее всего, это будет самая заброшенная помойка с массой проблем. Им позарез нужна рабочая лошадка, которая может потянуть на самом сложном участке фронта. А Тулупов – не хрен с горы. Его в Москву из Свердловска Ельцин притащил, когда был первым секретарем Московского горкома. Ельцина-то сейчас отодвинули, но – попомни мои слова – он свое последнее сло-

во еще не сказал. А Тулупов – дельный мужик, не только на связях держится, потому и сохранил свои позиции. Так что отмахиваться не стоит.

Ну еще бы. От таких возможностей не отмахиваются.

– Когда он готов меня принять?

– Я уже подтвердил Юре, что ты будешь у него в понедельник.

Московское производственное объединение мясной и молочной промышленности, которое возглавлял Юрий Тулупов, располагалось на территории Микояновского комбината. На улице Талалихина я невольно замедлил шаг. Совсем рядом – руку протяни – Мясо-молочный институт. Мои аспирантские годы... Я окинул взглядом величественное здание. Для меня это – храм науки. Сколько здесь пережито! Вспомнилось, как я мотался из общаги к своему научному руководителю, как судорожно листал конспекты перед сдачей кандидатских минимумов. Сюда я бережно, как бы не помять, вез старательно отпечатанный реферат, здесь с замиранием сердца ждал отзывов оппонентов.

Но ностальгическим воспоминаниям предаваться было некогда. Предстояла встреча с генеральным директором Мосмяса Юрием Михайловичем Тулуповым.

В кабинете витали клубы табачного дыма. Тулупов встал из-за стола, не вынимая изо рта сигареты, вышел навстречу.

– Проходите, Игорь Алексеевич.

Невысокий, плотный, но не рыхлый, с подкупающе открытым лицом. Потрясающая энергетика.

– Кажется, нам с вами не доводилось пересекаться, – начал он. – Но я наслышан. Да что там наслышан, сам был в Армавире на комбинате. Впечатляюще!

Говорил он быстро, отчетливо произнося слова.

– Я сидел у себя в Свердловске, а Борис Николаевич вот вызвал в Москву, бросил на сложный участок работы.

Ну а я что? Взял под козырек и поехал! Теперь вот тружусь здесь. Надеюсь, вы мне поможете в этой работе.

Он встал из-за стола, прошелся по кабинету.

– Занимаемся продовольственным обеспечением столицы. Приоритетнейшая проблема. Последнее время ситуация чрезвычайно сложная. То и дело происходят срывы поставок. Игорь Алексеевич, скрывать не буду: с кадрами просто катастрофа. Признаюсь честно, – он прижал ладонь к сердцу, – хочу предложить вам возглавить самый запущенный комбинат. Он не старый, ему всего 15 лет, его просто разрушили, добили – некомпетентностью, никудышным руководством.

– Какой?

– Черкизовский. Директор там... – лицо Тулупова исказилось, как от зубной боли. – Была б ему замена, его бы уже там не было. Но нет замены. Вы не представляете, какой кадровый голод, – он помолчал, прикурил еще одну сигарету. – Я предлагаю вам выйти на Черкизовский комбинат главным инженером. А там жизнь покажет.

– Дело в том, – заговорил я, – что я сейчас тоже в должности главного инженера...

Тулупов не дал мне договорить.

– Игорь, знаю я этот «Комплекс». Черкизовский – совершенно другое дело. Это НПО тебе не нужно, поверь. Черкизовский – то, с чем ты уже сталкивался. Это твой конек, твое место. Так что давай прямо сейчас поедem и посмотрим, а потом ты дашь мне ответ.

Он нажал кнопку селектора:

– Передайте водителю – мы спускаемся. И позвоните Лазуткину, подтвердите наш приезд.

В машине Тулупов продолжил:

– Сейчас познакомишься с директором. Не сталкивался? Виктор Лазуткин.

Я покачал головой.

– Давно с ним мучаемся. Но вариантов нет. Какие бы вопросы перед ним ни ставили, ничего не может решить. И требует нормального главного инженера. Ему нужна рабочая лошадка, а он будет свадебным генералом. Когда заходит разговор о проблемах, выхожу виноватым я, что не предоставил комбинату нормального инженера.

Мы повернули на Открытое шоссе. Я с интересом смотрел в окно. Внешне здание выглядело довольно прилично. Я успел заметить ведущие к воротам железнодорожные пути.

Машина въехала на территорию, остановилась у вполне современного административного корпуса.

В приемной не было ни одного человека – признаться, меня это немного озадачило. Все очень пристойно – стандартная по тем временам приемная директора крупного советского предприятия. Идеальный порядок, стерильная чистота.

Лазуткин в белом накрахмаленном халате выскочил нам навстречу с подобострастной улыбкой.

– Ну наконец-то! Давайте пройдем перекусим, поговорим.

– Нет, – отрезал Тулупов. – Сначала посмотрим твое хозяйство. Давай халаты.

Мы вошли в цех – Тулупов с Лазуткиным впереди, я чуть поодаль.

– Почему грязь такая?! – взревел Тулупов. – А перегаром откуда несет? Пьянство тут развели!

Он подошел к одному из чанов, заглянул внутрь – чан был наполнен измельченной колбасой. Тулупов принюхался.

– Да вы с ума тут посходили! Вы ж народ потравите! Где ветеринарная служба? Что с системой контроля? Куда смотрят технологи?!

Гнев Тулупова был совершенно оправдан. Взорвался он абсолютно искренне, ничуть не наигранно. Это не было показательным выступлением в расчете на зрителей. Он на самом деле стремился все тут в корне изменить.

Я увидел воочию то, о чем пару часов назад Тулупов рассказывал мне в своем кабинете: на комбинате царила разруха, везде чудовищная грязь – и это при том, что изначально здесь имелась блестящая техническая база.

Умопомрачительно дорогие фирменные машины. Знакомые эмблемы иностранных компаний. Оборудование было почти убито, выведено из строя или изуродовано то ли из-за непрофессионализма, то ли просто из-за пофигизма – кто его знает, почему не было обеспечено грамотное техническое обслуживание и соблюдение элементарных норм и правил его эксплуатации. Безусловно, потенциал здесь был. Огромный потенциал! Не реализованный в полной мере из-за тотальной бесхозяйственности. Тулупов нисколько не погрешил против истины: комбинат просто доконали.

Обход длился часа полтора. Мы осматривали цех за цехом, Тулупов становился все мрачнее.

– Юрий Михайлович! – затараторил Лазуткин. – Не беспокойтесь! К следующему вашему приезду все исправим. А сейчас давайте пойдем перекусим.

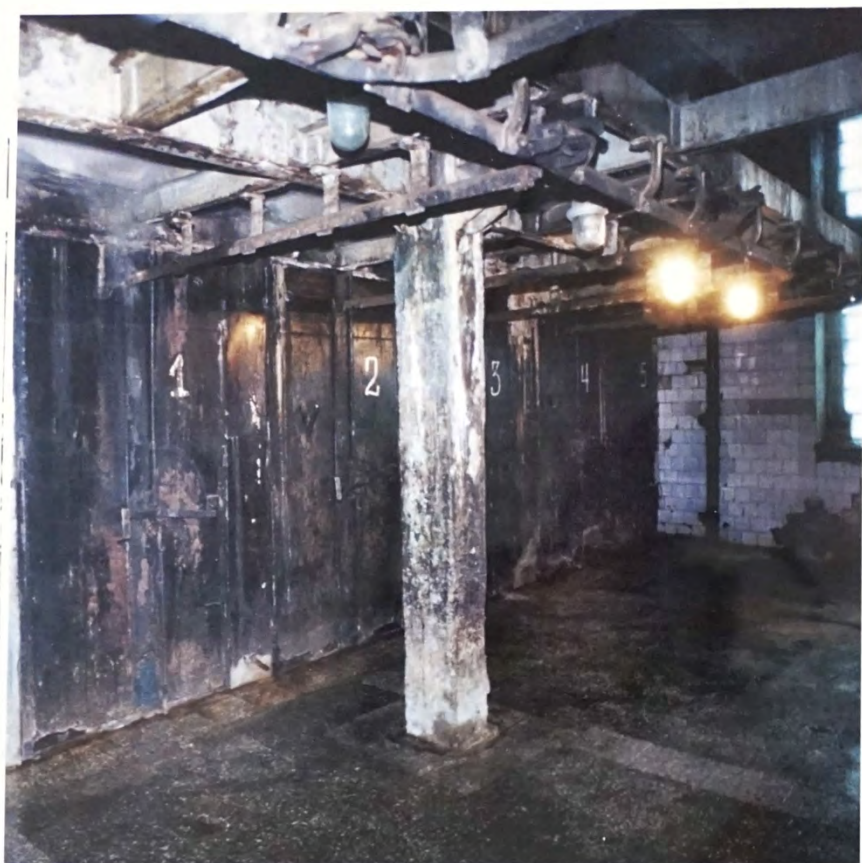
Мы вошли в отдельный зал, где был накрыт стол.

– Елки-палки, почему здесь стерильно, а в столовой для людей грязь? – заорал Тулупов. – Разве сложно поддерживать чистоту? Ты как царек тут, – накинулся он на Лазуткина, – расхаживаешь в своем халате! Мне кажется, ты его надеваешь, чтоб не запачкаться грязью, что за порогом...

Лазуткин натянуто улыбался, с затаенной ненавистью поглядывая на Тулупова.

Тот тяжело вздохнул, кивнул на меня.

– Знаешь, кого я привел?

– Юрий Михайлович, шила в мешке не утаишь.

– Разболтали? И пусть. Этот парень был директором армавирского комбината, из руин его поднял, – возвысил он голос. – Да и масштаб там больше. Короче, знакомься. Игорь Бабаев. Я рекомендую на должность главного инженера.

Тулупов повернулся ко мне, кивнул и снова обратился к Лазуткину:

– Надо прекратить это безобразие, что мы видели.

– Юрий Михайлович, за это спасибо! Всегда мечтал о сильном главном инженере. Я же говорил, это основная моя проблема... С удовольствием приму его на работу.

– Ты слышал, Игорь? – Тулупов повернулся ко мне. – Он без колебаний готов тебя принять, – в голосе его звучал неприкрытый сарказм. – Ты согласен?

– Юрий Михайлович, я бы хотел с вами поговорить, прежде чем...

Тулупов меня прервал:

– Ну хорошо, хорошо... Поехали, выскажешь свое мнение – это важно. Виктор, – он обернулся к Лазуткину, – я думаю, что решение принято. Дадим Игорю Алексеевичу денек-другой на то, чтобы уволиться, и тогда оформишь.

– Да я сразу его в качестве исполняющего обязанно-сти. Можно хоть завтра приступить.

В машине на обратном пути Тулупов повернулся ко мне.

– Видел, каков гусь? Совсем плохо с кадрами, Игорь! Ну какой он директор? Рад бы дать ему пинка, да кого вместо него поставить? Шило на мыло менять? А для тебя это хорошая стартовая площадка. Не забывай: сейчас все быстро меняется. К тому же – теперь у нас выборность директоров. Глядишь, и до «Черкизово» докатится эта волна.

А народ – он поймет. Дураков-то нет. Сейчас время работает на тебя. Не успеешь оглянуться – станешь тут директором.

– Со всеми этими утверждениями в должности я уже такого хлебнул, – проговорил я, задумчиво глядя в окно. – Эта история с выговором, отец...

– Да брось ты, в самом деле, – с жаром откликнулся Тулупов. – Вот увидишь – утвердят. Поверь, я протолкну, если что.

– Юрий Михайлович, конечно же, мне это интересно. Единственное: есть риск, что с Лазуткиным мы не сработаемся.

– Конечно, не сработаетесь. Я в этом ни на минуту не сомневаюсь. Вы совершенно разные люди. Так это и не нужно. Бери все в свои руки, делай свое дело, а поддержи, если потребуется, я тебе окажу.

Оставалась одна заваyka. Гушин. Его я обманывать не собирался.

– Вить, ты прекрасно знаешь, – плотно закрыв за собой дверь кабинета Гушина, приступил я к неприятному разговору, – что, как ни крути, здесь хорошо, но все-таки это не мой масштаб. Витя, я хочу вернуться в реальную промышленность. К Тулупову.

Гушин спокойно поднял на меня свои серые глаза.

– Понимаю, Игорь. Да, у нас была договоренность, но поперек дороги тебе я становиться не буду. Мне, конечно, жаль, что ты уходишь. Но если – тьфу-тьфу – у тебя там все сложится, буду только рад. Да что я говорю, ты же сам это знаешь. И спасибо тебе за все, что успел за эти месяцы. Сделано немало, очень даже немало.

Мы обнялись. Вот что значит друг.

XVI

Дома меня ждал маклер.

– Игорь, слушай, похоже, мы нашли, что тебе нужно. Едем прямо сейчас! Завтра этой квартиры может и не быть.

– Что за вариант?

– Двухкомнатная квартира в сталинском доме, на улице 8 Марта.

– Это где?

– Недалеко от стадиона «Динамо». Слушай, это такой шанс! Им надо очень срочно. Там развод, понимаешь. Эту квартиру делят. Ему деньги нужны, ей – жилье. А квартира – просто мечта. Вот увидишь.

– Сколько просят?

– Четыре тысячи долларов.

Сумма крупная. Я задумался.

– Ладно, поехали. На месте все решим.

Это был настоящий сталинский дом. Внушительный фасад, мощные стены, просторный ухоженный подъезд. Но настоящее потрясение ждало меня впереди.

– Вот это да-а, – только и смог сказать я, подняв голову к потолку. – Сколько здесь? Четыре метра?

– Три шестьдесят, – отрапортовал Андрей.

Квартира была двухкомнатной, но такой огромной, что даже армавирская, которую мне выделили как директору, по сравнению с ней казалась крошечной.

– Я возьму эту квартиру. Готовь документы. Вопросов нет.

XVII

Я забрал документы из НПО «Комплекс» и приехал на Черкизовский комбинат к Лазуткину.

– Виктор, я в твоём распоряжении.

– Ну и отлично. Я готовлю приказ, с сегодняшнего дня ты исполняющий обязанности. Представлю тебя коллективу и поеду в райком по поводу твоего утверждения. Но имей в виду: я с Тулуповым договорился об отпуске. Я уже несколько лет не отдыхал. Главного инженера не было, не мог отлучиться даже на неделю. Ну а теперь другое дело: раз ты вышел, Тулупов готов меня отпустить, так что через пару-тройку дней я улетаю.

– Вить, ты погоди, не так сразу. Для меня же это новое предприятие. Опыт опытом, но надо осмотреться, понять, что к чему. Дай мне время.

– Да пары дней тебе хватит. Я пока тут, помогу освоиться. А потом бери все на себя.

Лазуткин вызвал секретаря, велел собрать руководящий состав. Спустя несколько минут начальники цехов и руководители подразделений сидели в его кабинете. Виктор представил меня и умчался в райком.

Мой кабинет располагался напротив директорского, секретариат у нас с Лазуткиным был общий. Я пригласил к себе начальника технического отдела Васковича, мы надели халаты и отправились детально знакомиться с производством. Часа два я ходил по цехам. Впечатлений хватало. В прошлый мой визит комбинат постарались хоть как-то подготовить к приезду Тулупова. Теперь же я увидел его во всей красе. Грязь, неразбериха, множество нетрезвых, оборудование в ужасающем состоянии. Подумать только, во что превратили прекрасно оснащенный завод! Мы на периферии о таких машинах и мечтать не могли, а тут...

– Технику нужно приводить в порядок, – сказал я. – Пожалуйста, срочно подготовьте дефектовку, составьте список нужных запчастей и перечень операций, которые необходимо выполнить для восстановления оборудования.

Я вернулся в кабинет. Телефон разрывался. С первого же дня мне принялись звонить по любому поводу. Ни один из мелких вопросов никто из сотрудников не мог оперативно решить на месте. Любая, даже самая ерундовая проблема приобретала вселенские масштабы и требовала вмешательства руководства. Картина была ясна: управление комбинатом шло в ручном режиме. Для производства такого масштаба это смертный приговор. Если для замены любой прокладки требуется участие главного инженера, далеко мы не уедем. Не было четкого распределения обязанностей, непонятно было, кто за что отвечает; никто не пытался смотреть хотя бы на шаг вперед, чтобы предотвратить возможные сбои, за их устранение принимались

постфактум, когда проблема уже возникла. Производственные процессы шли самотеком, как бог на душу положит. Комбинат плыл куда глаза глядят, словно корабль без руля и без ветрил. Необходимо было полностью перестроить систему, а вернее сказать – выстроить ее заново.

Пару дней я решал какие-то сиюминутные проблемы, что-то разъяснял, отдавал распоряжения. Ближе к вечеру ко мне заглянул Лазуткин:

– Ну что, с завтрашнего дня я в отпуске. Остаешься за главного.

– Погоди, Вить, как в отпуске?! Я только-только вхожу в курс...

Виктор даже слушать не стал:

– Я тебя предупреждал. Теперь держись, брат. Да, кстати, я был у секретаря райкома. Все нормально. Тебе надо будет к нему подъехать – познакомиться, так сказать. Он тебя вызовет. Ну все, удачи тебе.

Лазуткин, казалось, сейчас пустится в пляс – так не терпелось ему вырваться на волю. Я, без году неделя на комбинате, взял в свои руки бразды правления.

В первый свой день в качестве и.о. директора я приехал на комбинат в шесть утра, когда заступало на работу сырьевое отделение. Охрана вылупила глаза: никого из руководства в этот час здесь отродясь не видывали. Копилка моих впечатлений пополнилась новым наблюдением: во время ночных работ комбинат фактически брошен на произвол судьбы. К началу утренней смены оборудование никто не подготавливал, санобработку не проводили – закончили работу и бросили все как есть. Неудивительно, что пахло в цехах, как на свалке. В пересменку я пару раз наткался на полупьяных рабочих – отработал ночь и накатил на радостях.

Первое, что я сделал, – обязал инженеров, технологов и мастеров являться на работу к началу утренней смены

и выполнять обход своего подразделения. Чтобы в такой ранний час добираться на работу было проще, я организовал специальные автобусы, которые доставляли сотрудников на комбинат. Я и сам взял себе за правило постоянно приезжать к шести утра, так что моим подчиненным волей-неволей приходилось к этому времени быть на месте. Часа полтора уходило на утренний обход, потом я собирал инженерно-технический состав на планерку по его результатам. Мы обсуждали состояние дел по каждому направлению, составляли программу на текущий рабочий день.

Но это было лишь начало, первые шаги. На повестке дня стояла острейшая проблема – процветающие на комбинате пьянство и воровство.

Ничего удивительного в их тотальном распространении не было: на протяжении многих лет низкую производительность труда компенсировали, набирая излишнее количество народу. Брали в штат всех без разбору. Толпы бездельников с мизерными зарплатами слонялись по комбинату и тащили все, что плохо лежит. Контроля практически не было, он существовал только на бумаге – бери не хочу. В конце 80-х колбаса была не просто колбаса. Это была валюта. Украденную на комбинате продукцию обменивали на водку, продавали, просто несли по домам. Комфортному ничегонеделанию и дармовой закуске необходимо было положить конец. Тут требовались радикальные преобразования. Иного выхода не было. А для этого мне нужны были соответствующие полномочия.

В конце рабочего дня я набрал номер Тулупова.

– Ну, Игорь, как дела?

– Юрий Михайлович, у меня только один вопрос: я могу в отсутствие директора поступать так, как считаю нужным для спасения комбината?

– О чем разговор? Конечно! Только на это и рассчитываю.

– Все, мне нужно было только благословение. Дело в том, что тут требуются жесткие меры, иначе ничего не получится.

– Действуй на полную катушку!

Полномочия были получены, я вызвал начальника охраны и заведующую медпунктом.

– Значит так, друзья. С завтрашнего дня, прямо с начала утренней смены, мы закрываем калитку на проходной. Каждый приходящий на работу должен пройти контроль на трезвость. Если человек пьян – на завод не пускать.

Следующим утром заведующая медпунктом явилась с докладом: по результатам проверки отсеяно около тридцати человек.

– Оформляйте акты медицинского обследования, фиксируйте факт явки на работу в состоянии алкогольного опьянения и готовьте приказы об увольнении по статье, – дал я распоряжение отделу кадров.

Через несколько часов на доске у проходной красовались тридцать приказов – напоминание каждому выходящему со смены: будешь пить – потеряешь работу.

На следующий день доска пополнилась еще парой десятков приказов об увольнении. По комбинату прокатился ропот недовольства. Люди начали понимать, что это не одноразовая акция – сделали и забыли, что так теперь будет всегда.

В результате чистки рядов мы избавлялись от самых отъявленных алкоголиков, но скоро стало ясно: масштабы проблемы таковы, что не сегодня-завтра может возникнуть нехватка рабочих рук. Некого будет ставить к машинам. А что еще хуже – по мере сокращения количества штатных работников комбинату могут срезать фонд заработной платы. Потерять его легко, а вот выбить потом обратно – пойдти побегай по высоким кабинетам.

Я позвонил Тулупову.

– Юрий Михайлович, добрый день, Бабаев беспокоит.

– О Игорь, я сам собирался тебе звонить, да ты меня опередил. Так что, ты у нас теперь звезда?

Я оторопел.

– Что вы имеете в виду?

– Популярен очень стал. У меня телефон не умолкает, завалили анонимками и доносами на тебя. Самоуправство, диктаторские методы. Даже сталинизм приписывают, представляешь! – он хмыкнул. – И не только меня дергают. Ходоки уже в райкоме были, а кое-кто и до московского комитета дошел!

– Юрий Михайлович, я этого ожидал. И прошу поддержки. Если надо – пусть присылают проверку, мы действуем строго в рамках закона. Никуда не денешься – нельзя иначе.

– Да что ты мне объясняешь? Я все понимаю. Только учти – делай все так, чтоб комар носа не подточил. А моя поддержка – всегда с тобой.

– Спасибо! Я что звоню-то. Я начал избавляться от пьяниц, за первые дни уже несколько десятков уволенных. И это не предел, увольнений будет еще много. Высвобождаются ставки. Юрий Михайлович, я прошу не корректировать фонд заработной платы, оставить высвобождающиеся средства и дать мне возможность перераспределять их на оставшихся рабочих. Дело в том, что в сложившихся условиях им придется реально перерабатывать. А это рыночный инструмент, это создаст мощный материальный стимул. Пусть люди видят: лучше работаешь – больше получаешь.

– Игорь, фонд тебе выделен – осваивай. Надо пробовать.

Приказы на доске множились день ото дня. Народ роптал. Я гнул свою линию. Обстановка накалялась.

Как-то в разгар рабочего дня секретарь принесла мне в кабинет почту и вместо того, чтобы сразу выйти, замаялась в нерешительности. Я вопросительно взглянул на нее.

– Игорь Алексеевич, люди бузят...

– В каком смысле?

– Недовольны проверками. Только и разговоров о том, что рабочих притесняют.

– Да? Я сейчас к ним выйду и все объясню. Передайте, пусть вся смена соберется в цеху.

Послушать нового главного инженера хотелось всем. Даже охрана подтянулась. Аудитория встретила меня не очень-то дружелюбно. Я начал с того, что пьянству на комбинате необходимо положить конец.

– Отныне, – говорил я, – такие проверки будут проводиться ежедневно. Кого медики признают нетрезвым – буду беспощадно увольнять.

Толпа загудела.

– Я вижу, тут много недовольных, – продолжал я. – Так вот, сообщаю вам, что все будет проводиться официально. КЗОТ пока еще никто не отменял. Я вправе уволить любого, кто пришел пьяным на работу, и уж тем более того, кто был пойман на воровстве. Как это происходит, вы прямо сейчас можете видеть на живых примерах. Но это не все, что я хотел вам сказать. У меня есть для вас еще одно сообщение. Прошу выслушать его очень внимательно. Я считаю принципиально важным, чтобы люди не только продуктивно трудились, но и получали адекватную плату за свой труд. Работающий должен иметь хорошие деньги, неработающий должен уйти – такова моя позиция. По согласованию с руководством объединения мы будем высвобождающиеся при увольнении средства перераспределять на тех сотрудников, которые будут перерабатывать, добросовестно относиться к своим обязанностям.

Естественно, они станут получать значительно больше, чем получали раньше. Начнем в ближайшее же время. Работать будем в две и даже в три смены. Да, нагрузки возрастут, но увеличатся – причем очень ощутимо! – и ваши доходы. Прошу всех серьезно обдумать мои слова.

Такие же собрания прямо в цеху я провел в каждой рабочей смене. И начал с благословения Тулупова увеличивать зарплаты тем, кто оставался на предприятии и готов был вкалывать больше положенного. Помимо прочего, ввел новую, невиданную прежде систему расчетов: каждый день рабочий получал сведения о своем дневном заработке. Вроде бы мелочь, но это оказалось очень действенным стимулом.

На комбинате восприняли новые веяния по-разному. Кто-то впрягся не на шутку – воодушевила перспектива побольше заработать, а кто-то понес в отдел кадров заявление об уходе. Была и такая позиция: «Не надо нам ваших доплат, не превращайте нас в рабов».

– Игорь Алексеевич, без кадров ведь останемся, – как-то на исходе рабочего дня завел со мной разговор пожилой опытный мастер. – С кем план делать будем?

– Василий Афанасьевич, а вы подумайте – зачем нам бездельники? Это же балласт. Кто не хочет пахать в полную силу – скатертью дорога. У остальных будет больше возможностей заработать. Вот вам лично деньги нужны? – задал я встречный вопрос.

– А то! – хмыкнул он. – Дочка замуж вышла, пополнения ждут. А они оба студенты. В кармане – блоха на аркане. Малышу приданое, коляску, кроватку купить – все ж на мне. Главный кормилец-поилец.

– Ну вот видите!

– Так-то оно так. Только ведь выше головы не прыгнешь. Больше, чем мощность оборудования позволяет, все равно продукции не выдадим.

– Вот! В корень смотрите, Василий Афанасьевич! В этом все и дело. Оборудованием займемся, не сомневайтесь. С кадрами уже начали разбираться, теперь первоочередная проблема – именно оно. Оборудование.

Прежде всего необходимо было провести инвентаризацию – разобраться, что из имеющейся на комбинате техники может выдержать нагрузку при работе в три смены. Результаты обследования выглядели удручающе: оказалось, что в удовлетворительном техническом состоянии находится лишь сорок процентов числящегося на балансе оборудования. Пригодные для эксплуатации механизмы привели в порядок, поставили к ним нормальных людей, чтобы не добить окончательно, и начали работу в три смены. При том что сократились и численность работников, и количество задействованного оборудования, производительность не только не упала – ее удалось повысить! Освобожденные от неисправного хлама производственные площади привели в порядок и подготовили для установки отремонтированных машин.

Я нещадно карал за малейшее отступление от норм эксплуатации – еще не хватало, чтобы какой-нибудь разгильдяй угробил хоть одну из немногих оставшихся в рабочем состоянии установок.

Я и не заметил, как пролетело три недели. Мы подвели кое-какие итоги: за время моего руководства было уволено около четырехсот человек – почти треть всего штата! Между оставшимися распределили фонд заработной платы. Прямо на глазах происходил перелом в сознании работников. Почувствовав, что добросовестный труд действительно может принести очень даже неплохие деньги, люди стали держаться за свои рабочие места. Масштабы воровства снизились в разы, причем не только из-за усиления контроля, но и потому, что до большинства дошло: не вылететь с комбината гораздо важнее, чем разжиться

лишним батонем колбасы. По отрасли прошел слух о невиданных окладах простых рабочих – еще бы, на Черкизовском стали зарабатывать в два, даже в три раза больше прежнего! В отдел кадров выстроилась очередь. Всезнающие девочки из канцелярии хихикали: прохожие спрашивают, что дают. За водкой стоят, что ли?

Политика кнута и пряника – сочетание драконовских карательных мер и материального стимула – сделала свое дело: отныне Черкизовский комбинат был у всех на устах.

– Всего за один день, – доложил мне начальник отдела кадров, – поступило около двухсот заявлений о приеме на работу.

Но дело было не только в количестве. Радикально изменилось и качество трудовых ресурсов, оказавшихся в нашем распоряжении. Экономика страны переживала тяжелые времена, повсюду шли массовые увольнения. Целая армия квалифицированных специалистов, людей с высшим образованием и даже с учеными степенями в одночасье оказалась не у дел. Научные работники, инженеры, офицеры, сотрудники госучреждений... Многим из них, чтобы прокормить семьи, пришлось встать к станкам. В коллектив комбината влились носители принципиально иного мышления, другого уровня культуры. Их приход кардинально изменил психологический климат. С тотальным пьянством и воровством было покончено. Комбинат вступил в новую фазу развития.

Это была моя стихия, мой конек, та работа, по которой я так соскучился. Специалисты понемногу отошли от шока, вызванного непривычно жестким стилем управления, и выполняли все задачи беспрекословно. Результат не заставил себя долго ждать. На очередной планерке начальник планового отдела начал свое выступление необычно:

– Товарищи, боюсь сглазить...

Присутствующие переглянулись. Плановик продолжал:

– На сегодняшний день могу сказать, что мы переломили тенденцию. Падение производительности остановлено, мы констатируем устойчивый рост, причем ускоряющимися темпами. В ближайшем месяце по всем прогнозам можно ожидать положительного баланса.

Это была настоящая победа. Комбинат выходил на рентабельность, выбирался из той ямы убыточности, в которую его загнали.

XVIII

Во всем этом круговороте событий я напрочь забыл о предстоящем визите в райком. Но секретарша молодец, свое дело знала.

– Игорь Алексеевич, вам сегодня на прием к секретарю райкома. Назначено на 15:00. Пропуск вам заказан, – сообщила она мне за час до назначенного времени. – Здесь недалеко, максимум двадцать минут на машине.

Наскоро перекусив в столовой, я поехал в райком. Стоило бы, конечно, заранее навести справки – что за человек секретарь, откуда. Хоть как-то сориентироваться перед встречей. Но преобразования на комбинате шли так стремительно, что мне было не до аппаратных тонкостей. Правда, легкое волнение в душе все же прокатилось. Хоть Лазуткин и Тулупов и уверяли, что все пройдет как по маслу, но мой собственный недавний печальный опыт говорил, что дело может обернуться самым неожиданным образом.

В каком-то смысле так и случилось.

– Проходите, пожалуйста, Евгений Алексеевич вас ждет, – проворковала секретарь в приемной.

Я открыл дверь. За столом сидел Женья Пантелеев – мой партнер по теннису на корте в Сокольниках.

– Игорь? Ты как здесь? – начал Женья и остановился. Хлопнул себя ладонью по лбу. – Так это ты Бабаев?!

Мы расхохотались.

– Ну ты подумай! – заливался Женья. – А что ты на корте не появляешься?

– Да на работе зарылся капитально. Это просто мрак какой-то...

– О-о-о, можешь мне не рассказывать, Игорь. У нас этот Черкизовский давно поперек горла стоит. Сколько мы с ним мучаемся, я даже припомнить не могу, а как был в аутсайдерах, так и остается.

– Ну вот. А сейчас Лазуткин в отпуске, я и.о. директора.

– Наслышан. Мне говорили, там жалобы в горком пошли. Я звонил Тулупову, он заверил, что все нормально. Ну я и не стал влезать.

– Да, жалобы есть.

– Честно говоря, Игорь, я даже не знаю, возможно ли там что-то исправить... Слушай, вот я смотрю твою учетную карточку, – он указал на лежавшую перед ним папку, – ты знаешь, я никогда в жизни не видел такой записи. Нет, правда, – в моей практике это впервые, чтоб человек получил выговор «за дачу взятки секретарю крайкома». Обычно у нас за это выгоняют с потрохами и сажают. Не понимаю, как ты смог уцелеть?

– Да вот, повезло, можно сказать, – ответил я спокойно.

– А что было-то на самом деле?

– Да что написано, то и было. Взятка секретарю крайкома. Это был друг отца. Он, можно сказать, патронировал

нас. Временами обращался с определенными просьбами. А секретарю крайкома, знаешь, не отказывают. Разумеется, мы во всем шли навстречу. В том числе и в том, что касается финансов. Поверь: будь на моем месте кто угодно другой – поступал бы так же. Это власть. С властью не поспоришь. При том что мы с братом пахали как лошади. Оба работали как двужильные, я поднял из руин армавирский комбинат. Потому и уцелел – все члены бюро горкома вступились за меня и убедили первого секретаря согласиться с решением первичной парторганизации. Честно говоря, все остановилось после того, как секретарь крайкома умер в тюрьме от кровоизлияния в мозг. Не случись этого, все могло обернуться гораздо хуже. Вот так и уцелел. Самому до сих пор не верится.

– Да, вот это история. Спасибо, что был откровенен со мной. Ну, это все позади. За утверждение не волнуйся – будет достаточно моего представления на бюро. Главное – это «Черкизово». Если его удастся вытащить, это будет серьезной победой. Сейчас все силы брошены на пищевую промышленность, продовольственная безопасность столицы – первая из всех проблем. И здесь у нас не должно быть осечек. Путь один – наращивать объемы производства. Нам надо кормить людей. А про это, – Женя указал на папку, – забудь. И, знаешь, давай приходи на корт, тебя там не хватает.

Я вышел на улицу, сел в машину, приехал обратно на завод, занялся повседневными делами и все никак не мог прийти в себя: надо же – Женя, с которым мы уже столько времени запросто, по-приятельски, на равных общаемся на корте, оказывается, первый секретарь Куйбышевского райкома! Того самого, к которому относится наш комбинат! Вот это поворот судьбы!

О Жене Пантелееве позже я узнал много интересного. Оказывается, он не всегда был на партийной работе. Начи-

нал, еще мальчишкой, слесарем на заводе, потом окончил знаменитую московскую «Керосинку» – Институт нефти и газа, работал в промышленности, возглавлял крупное объединение в Минхимпроме. Кандидат технических наук. В общем, разбирался и в технике, и в организации производства. А уж людей видел насквозь! Потому и согласился с Тулуповым, когда тот решил сделать ставку на меня, и даже мой злосчастный выговор по партийной линии его не смутил. Своему безошибочному чутью доверял больше, чем бумажкам. И, как показало дальнейшее развитие событий, не ошибся.

Меня так и подмывало позвонить Игорю Симкину. Ведь это он познакомил меня с Женей. Я набрал его номер.

– Игорь, здравствуй! Это Бабаев.

– О, привет!

– Слушай, я был сегодня в райкоме по поводу утверждения в должности. Угадай, кто меня там принимал.

Игорь расхохотался.

– Да знаю, знаю! Я ни тебе, ни Жене специально не говорил, хотел, чтобы сюрприз получился. Ну и как? Как он тебя принял?

– Да мы обалдели оба! Я до сих пор отойти от потрясения не могу. Первый секретарь райкома – и так все просто, никакого гонора, без церемоний, по-братски – поразительно! Что в райкомовском кресле, что на корте – он один и тот же.

– Да, Женя у нас такой, – в голосе Игоря звучала чуть ли не гордость. – Слушай, это надо вспрыснуть. Давай в ресторан сходим? Гена Гройсман приглашал. Тебе будет полезно с ним познакомиться.

– А кто это?

– О-о-о, легендарная личность. Украинец, эмигрировал в Канаду, занимался там бизнесом. Теперь вот вроде

вернулся, что-то крутит здесь. У него, сам понимаешь, валюта. Он тут как сыр в масле.

Спустя пару часов мы с Игорем встретились в ресторане.

Геннадий был уже там.

– Гена, здравствуй, дорогой, – приветствовал его Симкин, – вот знакомься, это Игорь. Наш мясной король.

Мы сели за стол. Новый знакомый заказывал все побарски. Мы хорошо выпили, закусили, трепались обо всем на свете. Геннадий с восторгом рассказывал о невероятных возможностях, которые открываются сейчас в России, хотя на наш-то взгляд, по сравнению с тем, что было всего несколько лет назад, дела обстояли далеко не блестяще.

Гена оказался человеком азартным.

– Слушайте, к черту скуку! Пошли в казино!

– Куда? – удивленно переспросил я.

– Пойдем, пойдем!

Казино находилось здесь же, в гостинице «Космос». Геннадий взял в кассе пару горстей фишек и сел играть в рулетку. Мы с Игорем лишь наблюдали.

Привычным движением Гройсман расставил по столу стопки фишек, крупье выкрикнул свое коронное «Ставки сделаны!» и крутанул колесо. Все – и игроки, и любопытствующие зрители вроде меня – затаив дыхание смотрели, как шарик с глуховатым стуком несется вдоль ячеек. Было в этом зрелище что-то завораживающее, будто и впрямь судьба решалась. Но вот шарик лег в ячейку и замер, как приклеенный. Колесо вращалось все медленнее и наконец остановилось.

– Девятнадцать! – провозгласил крупье. – Красное, нечетное, пассе...

Он собрал проигравшие ставки, раздал выигрыши. Горка фишек на столе перед Геной чуть увеличилась.

– Делайте ваши ставки, господа!

На этот раз Гройсман поставил больше, да и действовал чуть рискованнее. Целую стопку – штук десять – аккуратным столбиком выставил на пересечении линий – получилось каре, на четыре числа – 26, 27, 29, 30.

– Ставок больше нет!

Колесо завертелось, все замерли в напряженном ожидании. Шарик вроде бы наконец остановился, угнездившись в ячейке, и вдруг снова выскочил. Игроки шумно выдохнули – кто-то с облегчением, кто-то с досадой. И...

– Двадцать девять! Черное, нечетное, пассе...

Ничего себе! Выставленный на каре столбик фишек вернулся к Геннадию в восьмикратном размере!

Игра действительно захватывала, даже если просто наблюдаешь. А уж Гройсман, мне показалось, вообще ушел в астрал. Рулетка крутилась, как заговоренная. На наших глазах за какие-то пару часов он выиграл двадцать пять тысяч долларов. По тем временам – целое состояние!

Мы пошли в бар, выпили, посидели. Гена не выдержал:

– Ребята, я еще поиграю! Поддержите меня.

И не успели мы с Игорем оглянуться, спустил не только выигранные двадцать пять тысяч, но и не меньше пятинадцати тысяч из своего кармана.

– Гена! – я глазам своим не верил. – Ты сорвал такой куш! На кой черт ты поперся опять играть?!

– А, Игорь, ерунда. Ушли – и ушли. Завтра обратно заберу.

Домой я вернулся окрыленный.

– Лида, я сегодня был в райкоме!

– И как?

– Ты представляешь, первый секретарь – Женя Пантелеев, с которым мы в теннис играем! Мы с ним чуть не рухнули оба от неожиданности.

– Ничего себе! Мир тесен, – улынулась Лида.

– Да! Сделает представление, на бюро утвердят – это просто формальность. Так что, можно считать, что с моим назначением все решено. Теперь надо вплотную заняться квартирой. Скавронский не заходил?

– Да, он был, взял ключи и поехал туда что-то делать.

– Отлично. Надо поспешить с ремонтом и переселяться из этого ада.

– Да, тут тяжеловато...

– Потерпи еще немножко. Недолго осталось. Завтра с утра заеду на 8 Марта с Толей, определимся, как действовать, дам ему деньги – пусть делает ремонт на всех парах. Нужно съезжать. Оттуда и на комбинат гораздо быстрее добираться.

– Игорь, ты скоро совсем туда переселишься, – про-
бормотала Лида.

Я не ответил, да она ответа и не ждала. Она сама его знала.

XIX

Утром я пошел на обход и, как говорится, пропал с концами. Обычно на это уходил час, от силы полтора. А тут уже скоро одиннадцать, а я еще на производстве. Выяснял причины невыполнения сменного задания. Я разговаривал с мастером, когда подбежала секретарь:

– Игорь Алексеевич, вас Лазуткин вызывает.

Я пошел к Виктору.

– С приездом!

– Ну ты мне и сюрпризик приготовил, – вместо приветствия пробурчал Лазуткин.

– А в чем дело?

Лазуткин взглянул исподлобья.

– Я тебе доверил комбинат, а ты тут что натворил?! Не успел приехать – ко мне народ повалил с жалобами! Всех специалистов разогнал, работать не с кем. Люди тут годами трудились! Это ж надо было такое устроить!

Он буквально кипел от возмущения.

– Наверное, это моя ошибка. Доверился тебе, поддержал... Не знаю, как мы будем дальше работать... Буду звонить Тулупову – надо что-то решать.

– Виктор, хватит мне втирать! – вспылил я. – Комбинат был доведен до ручки. Никто уже не верил, что его можно спасти. Путь был один: привести в порядок оборудование и заставить людей работать. Я тут пашу день и ночь, чтоб выбраться из выгребной ямы, в которую ты засадил комбинат! А ты мне вместо «спасибо» истерику закатываешь. Да иди ты куда подальше, ноги моей в твоём кабинете больше не будет!

Я развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Прошло не более часа. Я говорил по телефону с технологом, когда секретарь заглянула в кабинет:

– Игорь Алексеевич, вас просят зайти к директору.

– Скажите, что я занят, – отрезал я.

– Да, но там Тулупов...

Так бы сразу и сказала. Я вошел в кабинет Лазуткина.

– Так, давайте сделаем обход, а потом обсудим, что у вас тут происходит, – сразу приступил к делу Юрий Михайлович.

Он надел халат, и мы пошли по цехам.

– Это просто недопустимо! У нас работали профессионалы с огромным стажем, и так разбазарить половину состава – это безумие! – тараторил Лазуткин, семена рядом с Тулуповым и подобострастно заглядывая ему в глаза. – Даже не знаю, как теперь быть.

– Это какие такие профессионалы? – накинулся на него Тулупов. – Те самые, которые вместе с тобой развалили завод? Ты их имеешь в виду?

Он остановился, обвел взглядом опустевшую часть цеха. Здесь полным ходом шла реконструкция – восстанавливались полы, инженерные сети и коммуникации.

Площади, на которых работало технологическое оборудование, были выгорожены и от ремонтно-строительной площадки тщательно изолированы – санитарные нормы превыше всего.

– Юрий Михайлович! Вы только посмотрите! – завопил Лазуткин. – Работают строители – и тут же идет производство колбасных изделий. Как это можно! Это же грубейшее нарушение!

– Игорь, – повернулся ко мне Тулупов. – Объясни, что происходит?

– Юрий Михайлович, мы сконцентрировали исправное оборудование и задействовали его для работы в три смены. Вышедшие из строя агрегаты перемещены в ремонтно-механический цех. Да, большое вам спасибо за то, что все запчасти согласно дефектовке уже поступили. Все машины, которые подлежат ремонту, в ближайшее время будут восстановлены и возвращены в цех. А пока оборудование на ремонте, мы приводим освобожденные площади в приемлемое состояние. Да, приходится совмещать строительные работы и производство. Но это вынужденная мера. Мы же не можем остановить завод. Все санитарные и технические нормы соблюдаются.

– А что с производительностью? Это же выпавшие объемы, чем мы их закроем?

– А вот то, что работает, и закрывает объемы. Более того, в этом месяце у нас перевыполнен производственный план. А после того как закончим реконструкцию, производственная мощность комбината увеличится, я уверен, вдвое.

– Ну так что тебя не устраивает? – обратился Тулупов к Лазуткину. – Давно надо было этим заняться. Раз уж довел комбинат до такого плачевного состояния, приходится заниматься строительством и продолжать работу парал-

лельно. Бабаев все правильно делает, на его месте я бы действовал точно так же. Ты ему спасибо должен сказать.

Лазуткин открыл было рот, чтобы что-то ответить, но Тулупов его опередил:

– Так, хватит. Мне все ясно. Быстро собери руководящий состав, я сделаю очень важное заявление.

В кабинете Лазуткина Тулупов обратился к собравшимся:

– Товарищи! Проанализировав сложившуюся на комбинате ситуацию, я считаю необходимым и единственно правильным назначить выборы директора. Приказ о назначении выборов у вас будет завтра. Любой из сотрудников может выдвинуть свою кандидатуру. Никаких ограничений нет. Нужно собрать сто подписей – и кандидат будет зарегистрирован.

– Да, вот еще что, – добавил Тулупов, обращаясь к Лазуткину, когда мы вновь остались в кабинете вдвоем. – Ты, разумеется, тоже можешь выставить свою кандидатуру.

– Что? – задохнулся от возмущения Лазуткин. – Это как понимать? Я этого так не оставлю! Пойду в райком, в горком!

– Как знаешь, – безучастно проронил Тулупов. – Иди, сделай милость. Это твое право. Но завтра я подпишу приказ о проведении выборов директора Черкизовского комбината.

На следующий день инициативная группа сотрудников комбината собрала подписи и выдвинула меня кандидатом на выборы.

Лазуткин помчался на прием к Пантелееву. Секретарь райкома был последней инстанцией по утверждению кандидатур для участия в выборах, поэтому директор к визиту тщательно подготовился: главным его козырем стала пухлая пачка возмущенных писем от работников комбината. Собрать их особого труда не составило. Ситуация

на комбинате была для меня непростой. Стремительные радикальные перемены неизбежно порождают недовольство. Жесткий стиль управления многих не устраивал, обиженных хватало. Так что собрать письменные жалобы было всего лишь делом техники.

– Евгений Алексеевич, я с себя ответственности не снимаю. Повинную голову меч не сечет, – Лазуткин с демонстративным смирением опустил глаза. – Признаю: пошел на поводу у Тулупова, доверил Бабаеву комбинат. Он там такое наворотил! Долго будем расхлебывать. Вот посмотрите, что пишут члены трудового коллектива: безответственное отношение к кадрам, разбазаривание средств, подрыв материально-технической базы. В общем, полный развал работы. Люди не хотят с ним работать. И я их понимаю.

Пантелеев взглянул на стопку бумаг.

– Ну так если столько недовольных, то в чем проблема? Значит, победа на выборах у вас в кармане. Не я выдвигал Бабаева. Люди выдвинули. Проголосуют – все станет ясно.

Лазуткин кипел:

– Да таких, как он, вообще нельзя допускать до выборов! Еврей, отец сидит, в учетной карточке дача взятки! Это же вор!

– Это не тебе решать, – невозмутимо отвечал Пантелеев. – Выговор снят. Так что все это в прошлом. Времена меняются. А, кстати, кто пришел ко мне согласовывать кандидатуру Бабаева на должность главного инженера? Не ты ли? Мы обязаны соблюсти демократическую процедуру. Поэтому Бабаев будет участвовать в выборах. Тебе же остается только победить, – ехидно улыбнулся Пантелеев. – Если все так, как ты это представляешь, то особого труда это не составит.

Потерпев фиаско с попыткой не допустить меня до выборов, Лазуткин принялся вербовать сторонников внутри

коллектива. Были сотрудники, которые его поддерживали. Их нашлось немало: среди руководства – те, кто хотел и дальше спокойно обделывать свои темные делишки под его покровительством и жить припеваючи, работой себя не перегружая, среди рабочих – лодыри и несуны, любители халявы. По цехам пошли эмиссары Лазуткина.

Не обошлось и без курьезов.

Как-то при обходе завода в обеденный перерыв заметил необычное скопление людей. Всеобщим вниманием завладела некая дама, явно не из рабочих. Знакомое лицо... Где ж я ее видел? Точно! Сотрудница отдела кадров. Надо же – шпарит как по писаному. Хорошо Лазуткин ее натаскал.

– Кто он по национальности, вы знаете. Жидов нам тут еще не хватало. Отец сидит, самого в Армавире на взятках поймали. Скользкий, выкрутился... Теперь здесь у нас пытается все под себя подмять. Если Лазуткина выпрут и его поставят – наплачемся! Сами видите, что творится.

Я подошел ближе. Заметив меня, дамочка смутилась, начала лепетать что-то невнятное. Я остановил ее жестом руки.

– Простите, как вас зовут?

– Т-татьяна Владиславовна, – заливаясь краской, ответила она.

Я сделал несколько шагов и оказался рядом с ораторшей, в самом центре импровизированного митинга.

– Уважаемая Татьяна Владиславовна, – я издевательски вежливо чуть поклонился в ее сторону. – Товарищи! – я обвел собравшихся взглядом. – В период подготовки к выборам директора любой член коллектива имеет право агитировать за своего кандидата (конечно, не в рабочее время). Ничего позорного в этом нет, умолкать при моем появлении совершенно не обязательно. В дополнение к тому, что вы сейчас услышали от Татьяны Владисла-

вовны, я хотел бы сказать, что готов ответить на все возникающие у вас вопросы по моей кандидатуре – сейчас или в любое другое время. Если появятся какие-либо неясности или сомнения, без колебаний обращайтесь ко мне, получите ответы из первых рук. Скрывать мне нечего. А сейчас... – я взглянул на часы, – обеденный перерыв закончился, прошу разойтись по рабочим местам.

XX

Поздно вечером к нам зашел Скавронский.

– О Толя, привет!

– Наконец-то я тебя застал, Игорь. Совсем дома не бываешь.

– Да уж, и не говори! Достается мне по полной программе. Слушай, что творится на комбинате, я тебе передать не могу! Еще эти выборы впереди... Ну, как с квартирой? Что сделано?

– Да все в порядке. Практически все готово. Я нашел ребят, косметику сделали, сантехнику заменили, квартира сияет и ждет вас. Можно переезжать.

– Здорово!

– Ну а что тянуть? Ты ж сам видел, она и так была в хорошем состоянии. А покрасить-побелить, поклеить обои – дело нехитрое. Так что пора подумать о мебели – и можете въезжать.

О мебели я подумал заранее. Пока работал в Зеленограде, свободного времени хватало. Я не сомневался: ютиться в отцовской квартире мы будем недолго, так или иначе, но проблему собственного жилья я решу. Я занялся покупкой всего, что может потребоваться в новом доме. Достал великолепную мебель: румынские гарнитуры для спальни и гостиной, чешскую кухню. Цыганков выручил – предоставил подсobку в ресторане, куда мы все это и складировали до поры до времени.

– Толь, мебель уже куплена, ее привезут быстро – это не проблема. Главное – все аккуратно собрать и расставить. Ты там придержи тех ребят, что с тобой работали, заплати им, пусть делают. До конца недели надо управиться.

– Да управимся. Это несложно.

– Толя, там Тимирязевский парк рядом – все условия. Я не хочу, чтобы ты прерывал тренировки с ребятами.

– Об этом не беспокойся. Все организуем в лучшем виде, – кивнул Скавронский в ответ.

К выходным в квартире на улице 8 Марта была уже собрана новая мебель (для новой квартиры ее оказалось даже многовато, поместилось не все), и мы, наконец, переехали.

Лида с упоением обустривала наше новое жилище, наводила уют. Поздними вечерами, когда я, измочаленный вусмерть, вваливался домой после бесконечного рабочего дня на комбинате, она с гордостью демонстрировала мне плоды своих трудов. Удивительный у нее был дар – под ее руками все преображалось, пространство приобретало какие-то особые, только ей присущие черты. Я входил в квартиру и с первого шага чувствовал – это не перевалочный пункт, не какое-то временное пристанище вроде Ставрополя или квартиры отца. Это наш дом.

В один из первых вечеров, когда самое необходимое уже было распаковано и жизнь начинала входить в при-

вычную колею, Лида накрыла на нашей вместительной кухне стол, наготовила-наварила-нажарила и мы, измотанные, но счастливые, сели отметить новоселье.

– Анатолий, считаю, что сегодня можно нарушить спортивный режим и немного расслабиться, – я налил Скавронскому рюмочку коньяка.

– Да, такой знаменательный день пропустить нельзя! За новоселье! Пусть ваша жизнь в этом доме будет счастливой! – провозгласил Анатолий.

Мы действительно не могли в себя прийти от счастья. Наконец-то свободны! В своей квартире, ни на кого не надо оглядываться, сами себе хозяева!

В воскресенье я на радостях поехал на Птичий рынок и купил с рук собачку – кокер-спаниеля с шелковистой шерсткой и удивительно добрыми глазами.

– Ребята, знакомьтесь! Это наш новый член семьи! Ее зовут Линда.

Мальчишки были в восторге.

– Такая маленькая, милая, – Лида погладила песика. Линда в ответ лизнула ее ладонь.

– Ласковая!

– Да, это очень добрые и преданные хозяевам собаки. По утрам будем бегать в парке и ее брать на прогулку.

Как мы и договаривались, Скавронский приезжал по утрам и мальчики отправлялись с ним на пробежку в Тимирязевский парк. По воскресеньям к ним присоединялся и я. Снег хрустел под ногами, свежий морозный воздух наполнял бодростью, наша любимица Линда весело мчалась впереди, неизменно вызывая улыбки прохожих. Как легко здесь дышалось! И в прямом, и в переносном смысле.

Спустя пару недель после переезда в нашей новой квартире появилось пианино.

– Пап, а кто на нем будет играть? – деловито спросил Сережа.

– Вы с Женей, – ответил я.

– Так мы же не умеем!

– Вот и начнете учиться. Я в детстве немножко музыкой занимался, но бросил – вот жалею теперь. Хочу, чтобы вы научились играть по-настоящему, довели это до конца.

Директор школы, в которую мы перевели Сережу, порекомендовала Лиде преподавателя английского для детей. Леонид жил совсем рядом. Вскоре он начал давать уроки Сереже и Жене.

Мы не просто так торопились с переездом. Ужасно хотелось отпраздновать наступление нового, 1989 года непременно в новой квартире. Новый год, новая работа, новая квартира. Новая жизнь!

Начинались школьные каникулы, и погостить к нам приехали Анна Григорьевна и Лариса с Машей и Людой. Наконец-то мы все снова были вместе! Лида и Лариса радовались, как девчонки, дети тут же затеяли шумную возню, вокруг в восторге носилась Линда с громким лаем. Дом наполнился шумом, смехом, веселыми голосами – всем тем, чем и должен быть полон дом. Анна Григорьевна смотрела на всю эту кутерьму повлажневшими глазами – каждый радуется по-своему.

Когда отгремели куранты, отзвенели бокалы и были вручены все подарки, зашел разговор о будущем.

– Ну наконец-то после всех скитаний у вас появился свой дом, свое гнездо, – подняла бокал Лариса. – Я так рада за вас!

– Лариса, ну а у вас какие планы? Маша ведь через пару лет оканчивает школу? Куда поступать, уже думала?

– Ох, Игорь... У нее все фантазии какие-то. Вот вбила себе в голову, что пойдет в МГУ, представляешь?

– Ну так и прекрасно! Не о ПТУ же ей мечтать.

– Ну, знаешь... ПТУ я не предлагаю, но надо все-таки реально смотреть на вещи. Кто ее туда возьмет?

– Об этом мы подумаем. Главное – поставить задачу. И если искать решение, то в конце концов найдешь. А ты вот давай-ка начинай думать о переезде.

– О переезде? Господи, еще не легче, – рассмеялась Лариса. – Куда? С печки на лавку?

– Шутница, – усмехнулся я. – В Москву.

– В Москву?! – Лариса раскрыла рот от удивления. – Смеешься, что ли?

– Серьезен как никогда, – отчеканил я. – В общем, мысль эту я тебе закинул, думай.

XXI

День выборов неумолимо приближался. Напряжение нарастало. Как-то под конец рабочего дня позвонил Тулупов.

– Игорь, это Тулупов. Как там у тебя?

– Все в порядке, Юрий Михайлович. В рабочем режиме. Отгрузка продукции идет в соответствии с планом, даже с опережением.

– Это хорошо, Игорь. А с Лазуткиным как?

– Практически не общаемся. Нет надобности. Я работаю, занят по горло. Не до Лазуткина.

– Ты знаешь, он такую бурную деятельность развернул – был у меня, у Пантелеева, в горкоме, до министерства добрался. А уж о писанине и говорить не приходится. Кляузы идут по всем направлениям, причем движущая сила – явно он.

– Да пусть бегаёт. Заняться нечем – вот и носится по инстанциям.

– Все не так просто, Игорь. После назначения выборов пошел просто вал анонимок. И в горком, и в прокуратуру, и в министерство. Прямо ковровая бомбардировка. Причем все как под копирку – явно из одного источника. И, что самое мерзкое, – от всех этих текстов сильно антисемитизмом пахнет. Ну просто смердит.

– А что я могу сделать, Юрий Михайлович? Вы думаете, это может сработать?

– Да сработать-то не должно, не те времена, но не в этом дело. Я опасаюсь, как бы ты не сорвался, если во время выборов что-то подобное вслух зазвучит. Поэтому я хотел тебя предупредить, чтобы ты не велся на такие провокации и держал себя в руках.

– Спасибо за напутствие, Юрий Михайлович.

Я вскипел и ворвался к Лазуткину. Церемониться не стал, выложил все как на духу:

– Ты что, совсем разум потерял? На меня грязь льешь – хрен с тобой, мне плевать. Но мою семью, моего отца, тварь, не смей трогать! И антисемитские выпады свои оставь.

Я вернулся домой поздно вечером напроочь разбитый.

– Игорь, что с тобой? – встревожилась Лида. – На тебе лица нет.

– Да Тулупов звонил. Лазуткин такую волну поднял, из всех орудий палит. И ладно бы только на меня катил, так он, сволочь, всю семью готов в грязи вывалить, на всех углах орет про засилье евреев – мол, от них житья нет, в пропасть страну того гляди загонят. Ну, я зашел к нему, высказал, что думаю.

– Игорь, это мерзко, конечно. Только ты, умоляю, держи себя в руках. Пожалуйста!

– Вот и Тулупов то же самое говорит, – мне вдруг стало смешно. – Да не бойтесь вы, я же в своем уме, не псих какой-нибудь, – в момент успокоившись, я обнял ее. – Ну,

сказал ему пару ласковых для острастки, чтоб не зарывался. А вообще-то я на него положил с прибором. В любом случае выборы все покажут. Недолго осталось.

– А у людей-то какие настроения? Поддержат тебя?

– Там будет видно. Проиграю – уйду с завода. Куда-нибудь приткнут. Тулупов не бросит – найдет мне место. Но на самом деле мне бы хотелось именно здесь остаться. Что-то прикипел я к «Черкизово».

И вот день выборов настал. Утром я проснулся раньше обычного.

– Ты чего так рано вскочил? На пробежку?

– Нет, сегодня спорт отменяется. Все-таки уважительная причина имеется.

– Это точно. Я костюм, рубашку и галстук приготовила. Волнуешься?

– Да, что-то потряхивает. Давненько такого не было.

– Ну что ж, это хорошо. Всегда, когда ты волновался, все получалось, – она ободряюще улыбнулась.

– Ой, Лидусь, голова кипит. Даже не знаю, что тебе сказать. Моя речь будет короткой. В конце концов, с моей работой они уже знакомы, результаты видят своими глазами.

– Правильно! Я буду с тобой рядом. Мы ребят возьмем с собой?

– Конечно! Пусть посмотрят на отца в деле. Для них это будет отличный опыт. Ну а мне с такой группой поддержки ничего не страшно. Горы сверну! Вы давайте собирайтесь. Лучше раньше приехать, чем опоздать на собственные выборы, – усмехнулся я.

Мы позавтракали, собрались и все вместе поехали на Пермскую улицу.

Актовый зал на пятом этаже административного корпуса был забит до отказа. Весь персонал вместить он

не мог (как-никак полторы тысячи сотрудников!), места хватало только человек для трехсот пятидесяти. Поэтому от каждого подразделения были направлены делегаты. Возглавлял президиум Андрей Васильевич Торопов, чиновник из Мосмяса. Он и открыл собрание. И я, и Лазуткин тоже сидели на сцене за столом президиума.

– Товарищи! Как представитель инициатора выборов директора предприятия сообщаю вам, что на комбинате созданы выборная и счетная комиссии. В них входят известные вам люди, работающие рядом с вами, которым вы можете всецело доверять. Для участия в выборах зарегистрировано два кандидата. Сначала мы с вами слушаем их выступления, после чего вы сможете проголосовать. В фойе установлены кабинки для голосования и урны, куда нужно будет опустить бюллетени. А сейчас позвольте предоставить слово Виктору Ивановичу Лазуткину.

Виктор вышел на трибуну, положил перед собой отпечатанный текст доклада, степенно откашлялся, сделал пару глотков воды и заговорил.

– Товарищи! Я не первый год возглавляю комбинат. В своей работе я неизменно руководствуюсь решениями партии и правительства, а также утвержденными министерством и отраслевыми органами срочными и перспективными планами функционирования предприятия, – бубнил он монотонно, не отрывая глаз от бумажки.

Зал откровенно скучал. Кто-то переговаривался вполголоса, не обращая на докладчика ни малейшего внимания, кто-то просто глазел по сторонам. Председательствующий машинально кивал головой в такт словам, явно не вникая в их смысл. Да и во что там было вникать? Одни дежурные трескучие фразы. Лазуткин все говорил, говорил... Публика разговаривала уже практически в полный голос, и Виктора было почти не слышно. Председатель-

ствующий постучал карандашом по графину, пытаюсь унять гул голосов. Никакого толку. На несколько минут стало потише, но почти сразу же голоса загудели вновь. Из задних рядов послышалось:

- Да хватит уже!
- Слышали сто раз.
- Пусть Бабаев выступит!
- Товарищи! – поднял голову Торопов. – Прошу соблюдать тишину! Каждый из кандидатов имеет право высказаться.

Но публика уже пробудилась от апатии и, видимо, решила поразвлечься. Теперь Лазуткина стали захлопывать. Он останавливался – аплодировать прекращали, но стоило ему вновь открыть рот, как зал опять раздражался аплодисментами. С горем пополам он закончил выступление и сел на свое место. Пришла моя очередь.

Шпаргалки у меня не было, она была мне ни к чему. Я вышел на трибуну. Зал затих. И тут, в этой звенящей тишине, меня словно заклинило. Я не мог вымолвить ни слова. Почти в отчаянии я обвел зал взглядом, нашел Лиду с Сережей и Женей. Они не спускали с меня глаз. Вот мой источник силы! Я словно к электрической розетке подключился. Тряхнул головой, отгоняя некстати накотивший морок, и заговорил.

- Уважаемые коллеги!

В глазах слушателей мелькнули искры интереса – непривычное обращение привлекло внимание. На это я и рассчитывал.

– Судьба столкнула меня с Черкизовским мясокомбинатом. Вы уже имели возможность прочувствовать мой стиль работы. Все мои действия – это не проявления тоталитарного подхода к управлению. Жесткость и радикальность принимаемых решений – не самоцель. Это лишь средства для достижения главной цели – превращения

Черкизовского во флагман мясной индустрии Москвы. В каком состоянии находится комбинат уже многие годы, вы хорошо знаете. Мы реально начинаем залечивать раны. Искореняем пьянство, приняли меры для обеспечения надлежащего технического обслуживания оборудования. Все это – планомерные шаги по выводу комбината из кризиса. Наряду с этим я считаю чрезвычайно важным добиться того, чтобы работа для вас не была каторгой, чтобы вы приходили сюда с удовольствием и получали за свой труд достойную оплату. Это особенно важно в наше непростое время.

Я смотрел в зал, и среди сотен пар глаз видел только глаза Лиды и моих детей. В тот момент больше никого на целом свете для меня не существовало. Я обращался к ним – самым дорогим в моей жизни. И в восхищенных взглядах сыновей черпал какой-то невероятный, сверхъестественный заряд энергии.

Я говорил очень кратко. За несколько минут рассказал о планах по развитию производства, о конкретных шагах, которые предполагаю предпринять.

Зал слушал, затаив дыхание.

– В случае, если вы меня выберете, я надеюсь, что у нас все получится, и рассчитываю на вашу поддержку. Спасибо за внимание.

Ответом мне стал гром аплодисментов.

– Товарищи, давайте перейдем к прениям, – предложил председательствующий.

Зал загудел:

– Да не нужны нам прения!

– Что тут обсуждать-то?

– Давайте голосовать – и делу конец!

Голосование заняло около получаса. Еще час счетная комиссия подводила итоги. И вот наконец президиум вернулся на сцену, и Торопов объявил:

– По результатам подсчета бюллетеней 96 процентов проголосовало за Бабаева Игоря Алексеевича, 3 процента – за Лазуткина Виктора Ивановича.

Дальнейшие его слова потонули в громе аплодисментов.

Лида с гордостью смотрела на меня. Сережка с Женей не очень понимали, в чем суть происходящего, но интуитивно чувствовали: происходит нечто невероятно значимое, вся эта суета, гомон людей – не просто шум, это триумф их отца. Это было какое-то нескончаемое шоу – феерия безоговорочной победы. Я вновь подошел к трибуне.

– Хочу поблагодарить вас всех за доверие, которое вы мне оказали. Теперь я уверен: вместе мы сможем сделать наш комбинат лидером мясной отрасли столицы.

Я спустился в зал, меня окружили люди.

– Поздравляем, Игорь Алексеевич!

– Все по делу, без трепы.

– Вот это я понимаю, выступление. А не бу-бу-бу!

Подошла Лида с мальчиками.

– А это кто? Ваши сыновья? – спросил Васкович, указывая на Сережу и Женю.

– Да, – я обнял мальчишек.

– О! Классные пацаны! Ребята, гордитесь своим папкой – он у вас прирожденный лидер!

Торопов из Мосмяса пожал мне руку:

– Поздравляю, Игорь Алексеевич! 96 процентов – ошеломляющий результат.

Получается, за меня проголосовали даже те, кто еще вчера поддерживал Лазуткина! Перелом в коллективном сознании действительно произошел.

XXII

Игорь, Мирошников. Звоню тебя поздравить! Честно сказать, я за тебя переживал. Лазуткин-то со своими кляузами просто вразнос пошел. Он же был у меня, у Чолокяна, всех обошел!

– Да ладно, Альберт Михайлович, это все в прошлом.

– Да, слава богу, ничего у него не вышло.

– Давай в ближайшие дни встретимся, посидим? Отметим.

– Я только за!

– А как ты думаешь, удобно будет пригласить Чолокяна?

– Игорь, почему нет? Я к нему прямо сейчас зайду.

Несмотря на поздний час, Чолокян был на месте.

– Георгий Георгиевич, выборы на Черкизовском состоялись – директором избрали Бабаева, – сообщил Мирошников, зайдя к нему в кабинет. – Просто камень с души.

Он переехал в Москву с моей подачи, я весь процесс патронировал с самого начала.

– Честно говоря, – негромко, в своей характерной манере начал Чолокян, – я вообще-то не одобрял эти выборы. Не считаю эту процедуру правильной. Но с Черкизовским, надо признать, сработало! Если б не выборы, вряд ли нам удалось бы Игоря поставить на директорскую должность в Москве. Он потянет – не сомневаюсь. Я же помню Анапу, Армавир – что там было, это уму непостижимо, а он вытащил!

– Он хотел бы встретиться в неформальной обстановке. Что скажете?

– Ну а почему нет? Я с удовольствием.

Встретились мы в ресторане у Цыганкова: Чолокян, Мирошников, Тулупов и я. Цыганкова я попросил:

– Коля, будет начальник главка. Он армянин, хотя и обрусевший, но кавказская кровь густая. Очень любит свежую ароматную зелень. Постарайся организовать, ладно?

Чтоб Цыганков, да не организовал – да быть такого не могло! В январской Москве нас ждал настоящий летний кавказский стол. Чего тут только не было: и кинза, и укроп, и петрушка, и тархун, и цицмата, и реган – так армяне называют базилик. От одного только благоухания можно было сойти с ума.

Чолокян оценил его старания по достоинству:

– Вот это сюрприз! Какой аромат! Какие запахи! Спецбортom с югов срочно доставили, что ли?

– Игорь, – Георгий Георгиевич поднял бокал. – Я человечески за тебя рад. Ты получил возможность делать то, что ты умеешь делать. Юра, – обратился он к Тулупову, – надо отдать тебе должное – ты принял правильное решение. И ввел Игоря в дело очень грамотно: сначала главным инженером, чтобы он мог создать задел, а потом

уже – в директорское кресло. А он парень-то взрывной. Мгновенно разворошил это болото, и все закрутилось.

– Игорь, за тебя! За твой успех! – провозгласил Мирошников.

– Про успех – это верно, – улыбнулся Чолокян. – Даже до меня дошли рассказы о том, что на Черкизовский стоит толпа желающих устроиться на работу – как за водкой.

– Да, очереди за водкой уже стали притчей во языцех, – вздохнул Тулупов.

– И чего добились? – сокрушенно проговорил Чолокян. – Запретить продажу водки – большого ума не надо. Только пьянство этим не победить. Искоренять-то надо причину, а не следствие. Ну, запретили – получили очереди. Запретный плод сладок. Пить меньше не стали, просто перешли на суррогат, дрянь всякую. Плюс обозлили народ. Зато красивые слова – с каждой трибуны. Демократия, перестройка, ускорение... А на деле что? Конкретные шаги какие? Говорильней сыт не будешь. А, ладно... Оставим эту тему. Юрий Михайлович, как у тебя с Лужковым складываются отношения?

Этот вопрос Чолокян задал не случайно. Тулупова вытасил в Москву Ельцин, и пока он был в силе, Юрий Михайлович в своей сфере имел мощную поддержку. Теперь же, когда Ельцин попал в опалу, Тулупов стал гораздо уязвимее. С Лужковым, который в то время был заместителем председателя Мосгорисполкома Сайкина, Тулупов был на ножах.

– Да никак не складываются, – отвечал Тулупов. – Не воспринимаем друг друга вообще. Просто открытая вражда.

– Странно это, – задумчиво протянул Чолокян. – Вы же оба хозяйственники, должны быть точки соприкосновения. Ты все-таки постарайся навести мосты. Ты с Ельциным поддерживаешь контакты?

– Да, конечно, – ответил Тулупов.

– Ты знаешь, вопрос с ним открыт, как бы кто ни хотел его задвинуть. Он еще всплывет, вот увидите. И еще как всплывет.

– Игорь, – обратился Чолокян ко мне, – как батя?

– Он в Дагестане, Георгий Георгиевич. Скоро будет дома.

– Будет возможность – передай ему привет.

Мы засиделись за полночь. О чем только не говорили! Выпили немерено. Цыганков молодец, расстарался – стол поражал не только зеленью.

Я вышел на ночной заснеженный Никитский бульвар, вдохнул полной грудью морозный воздух. Голова кружилась от выпитого. Кажется, только в этот момент я впервые в полной мере ощутил: в жизни настал новый этап.

XXIII

Игорь Алексеевич, – сообщила секретарша, – с вами просит соединить человек, который представился как Люсик Бабаев.

– Вот это да! Здорово! Соединяй!

– Люсик?! Бог мой... – от радости я вскочил с кресла.

Бабаевы... Наш род был огромным. Так уж повелось, что в еврейских семьях всегда было много детей. У деда Нахамьё было четверо братьев и три сестры. Так вот Люсик приходился моему отцу двоюродным братом. Сколько же мы не виделись? Да уж лет пять, не меньше. Все по телефону. Жизнь как-то раскидала.

Голос в трубке вернул меня от воспоминаний к действительности:

– Игорь, вчера по телевизору рассказывали про выборы директоров на предприятиях. На Черкизовском мясокомбинате трудовой коллектив избрал директором Игоря

Бабаева. Думаю – ты это? Не ты? Дай позвоню. Нашел в справочнике телефон, меня с тобой и соединили!

– Вот уж не ожидал тебя услышать!

– Хочу тебя поздравить с победой на выборах!

– Спасибо!

– Игорек, давай встретимся у нас дома. Приезжайте с Лидой и мальчиками.

– Люсик, я бы с удовольствием, только можно это сделать на следующей неделе?

– Игорь, дело в том, что к тому времени меня уже здесь не будет, – ответил Люсик.

– Куда собрался? Надолго?

– Игорь, это не телефонный разговор. Приезжайте. Другого случая повидаться может не представиться.

– Люсик, мы приедем завтра вечером.

Люсик с семьей обитал в Северном Чертаново, в каком-то удивительном микрорайоне. Экспериментальный комплекс зданий повышенной комфортности – так это называлось. Дома строились по особому проекту. Просторные квартиры с высокими потолками, прекрасная планировка, батареи с терморегуляторами, подземные автостоянки – невиданное чудо по тем временам! Ордера на квартиры в этом жилом комплексе абы кому не выдавали. Люсик занимался проектированием авиационной техники и, судя по всему, вполне на этом поприще преуспел, раз ему удалось здесь поселиться.

– Ну ты подумай! Сразу видно – бабаевская порода! – не успели мы войти в квартиру, всплеснул руками Люсик, разглядывая Сережку с Женей.

– Ты же их видел совсем маленькими, да? – пытался припомнить я.

– Да, ребята растут не по дням, а по часам. В Кисловодске последний раз виделись.

На ходу вытирая руки кухонным полотенцем, в прихожую выскочила Ольга, жена Люсика – голубоглазая, свет-

ловолосая, веселушка-хохотушка, всегда душа компании. Типичная, просто хрестоматийная, русская красавица. Ни капли еврейской крови. Ох, какие же бои с родней выдержал в свое время Люсик, когда объявил, что женится не на еврейке! И годы показали – был прав. Всю жизнь они вместе, всю жизнь обожают друг друга, что бы ни уготовила им судьба, встречаются рука об руку.

– Люсик! Ну что же ты гостей в дверях маринуешь?! Проходите, проходите, дорогие!

В прекрасной просторной квартире все было вверх дном – видно, что люди уже на чемоданах. Однако стол Ольга накрыла превосходный.

Люсик принялся расспрашивать об отце, о Хаво. Я рассказал, как мы с Валею прошлым летом ездили в Дагестан на свидание. Поговорили о родственниках – у кого что в жизни происходит.

– Игорь, – Люсик сделал паузу, – мы уезжаем.

– Надолго?

– Навсегда. В Америку. Понимаешь... Мы, конечно, не бедствуем. Но ощущения тревожные. Ты посмотри, что вокруг делается. Не знаю, как у тебя, а у нас в институте перспективные темы закрывают, специалисты разбегаются. Евреи уезжают всюду. Но не это главное. Я бы и не подумал трогаться с места, если бы не одно но. И это но перевешивает все остальное. Через год Димке будет восемнадцать. Отмазать от армии его вряд ли удастся. А сейчас идти служить – гиблое дело. Сына я туда не пушу, чего бы это ни стоило.

– Так с Афганистаном история закончена. Еще в феврале.

– А где гарантия, что не начнется другая? – невозмутимо отвечал Люсик. – Да даже если и не война. Там, знаешь, и без боевых действий проблем хватает. Одна дедовщина чего стоит. Похлеще любой войны. Поэтому

у нас своя дорога. Наши друзья уехали полтора года назад – просто счастливы, что решились. Уговаривают изо всех сил, чтоб не теряли времени, собирались и ехали. Вот мы и собрались.

– М-да... Ошарашил ты меня. Люсик, это уже окончательно или есть смысл обсуждать другие варианты?

– Нет, Игорь. Все решено. Документы оформлены, билеты на руках, во вторник вылетаем в Вену.

– В голове не укладывается... Я вот наоборот производство расширяю, беру людей на работу, всюю разворачиваемся.

– Ты не сравнивай. Это производство. Да не просто производство – это пищевая промышленность, совсем другое дело. Колбаса для советского человека – слово сакральное. А наука, даже прикладная, – это же руками не пощупаешь, на стол не поставишь. Тем более сфера сугубо бюджетная, отдача когда еще будет, возможная прибыль – дело будущего, да и просчитывается сложно. Вот и сворачивают множество направлений.

– Ну а сменить область деятельности не думал?

– Игорь, – расхохотался Люсик. – Ты ж меня знаешь. Я хоть и Бабаев, но бабаевской коммерческой жилки нет у меня! Я исследователь, инженер. Человек аналитического склада. Совсем другой тип личности.

Я не мог прийти в себя. Ну никак это не совмещалось в сознании: мое ощущение, что я наконец-то держу судьбу в своих руках, и то, что рассказывает Люсик, его сборы, его предстоящий отъезд.

– Квартиру, конечно, жалко бросать, – вздохнул Люсик. – А куда деваться? Не мы первые, не мы последние уезжаем практически ни с чем – пара чемоданов и все.

Об этой проблеме я слышал не раз. Уезжая за границу навсегда, люди не могли продать свои квартиры, ведь формально они им не принадлежали. Их просто забирало

себе государство – и никакой компенсации. Поэтому будущие эмигранты часто обменивали свое хорошее жилье на какую-нибудь халупу – чем хуже, тем лучше, лишь бы доплата получилась побольше.

– Дела-а-а-а, – протянул я. – А что ж ты будешь там делать? Начинать с нуля придется. Кому вы нужны в чужой стране?

– Наши друзья отлично устроились, – с воодушевлением принялся убеждать меня Люсик. – Те самые, что сделали нам вызов. Говорят, можно смело все здесь бросать – там я найду работу. Да, языковой барьер, конечно, препятствие серьезное. Придется учить язык. И мне, и Ольге. Без трудностей не обойдется, конечно. Ну, как-то сведем концы с концами. Хотя я особо не ободряюсь. Трезво смотрю на вещи. Даже если у нас там не сложится, для меня главное – сын. Остальное вторично. Так что все решено, – подвел черту Люсик. – Я поэтому и позвал вас. Вероятнее всего, не скоро доведется увидеться.

Мы еще долго сидели, говорили обо всем. Но к радости встречи примешивалась грусть: родные люди навсегда покидают страну. Конечно, время от времени до нас доходили разговоры: кто-то уезжает. Только всегда это было где-то там, вдалеке – какие-то знакомые знакомых, седьмая вода на киселе. Но когда дело доходит до твоих родственников, это ощущаешь острее, возникает чувство причастности. Вдруг осознаешь: это не просто досужая болтовня, это реальность.

– Люсик, я приеду в аэропорт проводить вас.

– Знаешь, в одном Люсик прав, – сказал я вечером Лиде. – У каждого своя дорога. Люсик в прежние времена в своем КБ чувствовал себя прекрасно. Конечно, сейчас ему больно смотреть, как рушится наука. Но как бы там ни было, наша жизнь – здесь. Впереди уйма работы, все на-

ладится. Кризис не кризис – есть-то людям надо. Пищевая промышленность будет существовать всегда.

На следующий день на корте я рассказал об отъезде Люсика Игорю Симкину.

– И правильно! – с воодушевлением воскликнул он в ответ. – И нам с тобой об отъезде пора задуматься.

– Да тебе-то что здесь не так? – изумился я.

– Не нравится мне, куда все катится, – скривился Симкин. – Общество «Память», всякие антисемитские сборища. К погромам дело идет. Не зря наши массово ломанулись за кордон.

– А ты не сгущаешь краски?

– Да кто ж его ведает... Только проверять на собственном опыте как-то неохота, знаешь.

В аэропорт я выехал впритык. Машина мчалась по Ленинградке, я, нервничая, поглядывал на часы. В последний момент, но успел! Застал Люсика уже у таможенной стойки.

Что творилось в аэропорту – уму непостижимо. Люди с растерянными лицами. Кричащие дети, плачущие взрослые. Неужели у всех билеты в один конец?

Люсик судорожно перепроверял документы, пересчитывал места багажа. Подошла его очередь. Как же его трясло, боже правый! Все до миллиметра обшарили, прощупали каждый носок. Бриллианты, что ли, искали? Ничего не найдя, отпихнули растерзанные чемоданы в сторону – собирайте. В лице таможенницы сквозило что-то вроде разочарования: ну надо же, на этот раз бдительность не принесла плодов, какая досада!

Таможня была пройдена, дальше мне ходу не было. А Люсику уже не было пути назад. Мать Ольги, разрыдавшись, обняла обожаемого внука. Мы простились, и Люсик с семьей отправился в новую жизнь. Его история в России была закончена.

XXIV

Здравствуйте. Я Леонид Тягачев, – представился Леня секретарше в моей приемной. – Доложите, пожалуйста, вашему шефу, что я здесь с нашими австрийскими друзьями. Минута в минуту, как вчера договаривались.

Увидев входящих гостей, я выскочил из-за стола и бросился навстречу другу.

– Леня, родной, как я рад тебя видеть! Надо же, как часы! Точность – вежливость королей!

– Игорь, знакомься: это мои друзья – Леопольд Баузбег, он занимается строительным бизнесом, и его очаровательная жена Мэри.

По-русски Леопольд не говорил, Мэри, грузинка, переводила мужу. Она была партнером Леопольда по бизнесу.

– Как Лида, мальчики? – поинтересовался Леня.

– Все хорошо. Перебрались в Москву, уже устроились, – ответил я. – Кстати, Ленечка, дорогой, большое спасибо тебе за моих сыновей, столько времени провели с нашей

сборной! А экипировка! Ботинки, лыжи, крепления, костюмы – это же уму непостижимо! Для них это так много значит! Катаются уже очень неплохо, полюбили горные лыжи. И все благодаря тебе.

– К слову, о мальчишках, – Леонид протянул мне коробку с надписью Sony. – У меня для них подарок.

– Лень, что это? – озадаченно спросил я.

– Видеокамера. Будешь снимать, как твои ребята катаются на лыжах, и сдавать мне как отчет, – улыбнулся он.

– Спасибо! Осталось разобраться, как с этой техникой обращаться.

– Разберешься, дело нехитрое, – подмигнул Лень.

Он повернулся к своим спутникам:

– Леопольд очень помогает мне и нашей сборной, он один из наших спонсоров. Не знаю, что бы мы без него делали, ведь государство средств почти не выделяет.

– А Игорь – наш мясной король, – продолжал он, обращаясь к Леопольду. – Давно уже помогает команде с продуктами. Когда выезжали за границу, брали с собой сырокопченую колбасу. Нас это очень выручало.

– Да ладно, Лень, – отозвался я. – Я это делал всегда от души.

– Игорь, Леопольд недавно начал строить роскошную гостиницу на Тверской. Там постоянно работает несколько сотен строителей. Сам понимаешь – встал вопрос питания. Леопольд, – обратился он к другу, – расскажи сам.

– Игорь, – вступил в разговор Баузбег, – оказалось, в Москве проще что-то построить, чем прокормить персонал. Для меня это большая проблема. Питание рабочих – моя головная боль.

– Леопольд, не переживайте. Решим вопрос. Ленечкина просьба для меня закон, – ответил я. – А для начала давайте посмотрим завод. Лень, ты же у меня первый раз.

Около часа мы ходили по цехам, я показывал производство, подробно отвечал на вопросы, объяснял, что к чему.

– Вот это да! Мне приходилось бывать на производстве и за рубежом, и в Союзе, и всегда сравнение было не в пользу советских предприятий. А здесь сразу видно: кипит работа по восстановлению комбината, и результаты уже налицо. Не сомневаюсь: это предприятие в ближайшее время выйдет на уровень европейских стандартов – как в Австрии или Германии. Мне часто приходится ездить по регионам Союза, я такого насмотрелся... Грустная картина. А здесь – никакого сравнения, – переводила Мэри слова Баузбега. – Тут такие масштабы, такая динамичность! Поздравляю.

Слышать лестный отзыв было приятно.

– Что ж, а теперь давайте перекусим, – я пригласил гостей в банкетный зал.

Изобилие на столе удивило Леопольда.

– А мне казалось, с продуктами здесь полный швах, – улыбнулся он. – Все-таки есть еще островки, где можно вкусно поесть.

За столом разговор опять зашел о гостинице, которую Леопольд строит на Тверской.

– Это будет пятизвездный отель, – рассказывал он. – Если я что-то строю, Игорь, то только первоклассное. В Советском Союзе это не первый мой объект. Вы слышали о моем комплексе в Гудаури? Это в Союзе, в Грузии.

– Да, это что-то невероятное, – с жаром подтвердил Тягачев. – Такой роскоши у нас нигде больше нет. С гостиницами под Эльбрусом – никакого сравнения.

– Да что говорить? Лучше увидеть своими глазами. Если есть желание, я готов пригласить вас с семьями. Там прекрасное катание, отличные подъездные дороги, мы все сделали на высшем уровне. Приезжайте следующей зимой, – предложил Баузбег. – Уверяю, вам понравится!

– Игорь, немедленно соглашайся, это того стоит! – воодушевился Тягачев.

– Да я не против. Спасибо.

– В конце декабря можно поехать. Встретим там Новый год, покатаемся.

После этой встречи Мэри несколько раз звонила мне и от имени Баузбега благодарила за отличную организацию питания рабочих.

XXV

Совещание в Мосмясопроме было бурным. Тулупов обвел взглядом сидящих вокруг длинного стола директоров московских мясокомбинатов и подвел итог:

– Уважаемые руководители! Вы все прекрасно понимаете: ваш долг – ни на йоту не отступать от утвержденных плановых показателей и в полном объеме закрывать все фонды, связанные с Москвой. Время сложное, расслабляться ни в коем случае нельзя. Все свободны. А вы, Бабаев, оставайтесь.

Кабинет опустел. Тулупов вернулся за свой рабочий стол, закурил неизменную сигарету и обратился ко мне, выпустив струю дыма в и без того прокуренный воздух.

– Игорь, я вот о чем с тобой хотел поговорить. Все меняется с какой-то фантастической скоростью, не успеешь оглянуться. Судя по всему, сейчас будет активно внедряться практика аренды государственных предприятий.

– Аренды?

– Да. Можно арендовать государственное предприятие. Ты у нас парень активный, я думаю, тебе надо брать Черкизовский в аренду. Стать первопроходцем этого процесса.

– А во что это все дальше может вылиться?

– Во что выльется – никому не известно, но я хотел бы, чтобы мы провели этот эксперимент с арендой именно с тобой. Если прислушаться к разговорам в кулуарах, да и вообще посмотреть на общее направление развития, думаю, все идет к приватизации госсобственности. Я говорю о собственности в широком понимании. Ты же сейчас не владеешь квартирой, например. Продать ты ее не можешь – нет у тебя документов о том, что она принадлежит тебе. Так вот, скоро такой документ у тебя, у меня, да и у всех появится. То же касается и предприятий. Поговаривают, что введение частной собственности – дело ближайшего будущего. И аренда – это первый звонок. То, что сейчас происходит на комбинате, тебе на руку. Все будущие договора на поставки ты можешь заключать сам как арендатор. До широкой приватизации надо подождать год, может быть, два. Представляешь, сколько ты успеешь сделать в плане капитализации на «Черкизово» за это время, учитывая твою активность! И когда придет момент, у тебя будет хороший задел, к возможному акционированию ты подойдешь подготовленным и сможешь получить предприятие в управление уже как собственность. Но для этого сейчас надо взять завод в аренду – оформить это документально. Так что ты подумай над тем, что я тебе сказал, и готовь документы. В любом случае эта аренда пойдет через нас. У нас отдел сейчас реально занимается этим вопросом, по моей команде они подключатся и помогут тебе в оформлении.

– Юрий Михайлович, если я выхожу в свободное плавание, то как быть с договорами на поставки? Их перезаключат?

– Да не волнуйся ты! Нам людей так или иначе кормить надо, никуда мы от тебя не денемся. Все будет нормально.

– Тогда начнем готовить документы.

– Ну и отлично, не тяни.

Я вышел от Тулупова окрыленным. Разве можно было представить, что я стану не просто директором комбината, но и практически его хозяином? Смогу самостоятельно определять пути развития без оглядки на кого бы то ни было! Это было что-то невероятное.

Вечером, рассказывая новость Лиде, я сам едва верил своим словам.

– Ты представляешь, все в моих руках, ни у кого не спрашивать разрешения, ничего ни с кем не согласовывать, не утверждать!

– Не могу себе представить, – Лида покачала головой.

– Как это может быть?!

– Жизнь меняется на наших глазах, Лидочка.

Тут Лида спохватилась:

– Игорь! Чуть не забыла – тебе Ария звонил.

– Да что ж ты сразу не сказала?!

Я бросился к телефону.

– Игорь, я тебя разыскиваю, – в голосе Семена звенели торжественные нотки. – Наконец-то мне передали документы по УДО. Отец выйдет 25 июня.

Как же я ждал этих слов!

– Воспонял. А дата точная? Изменений не может быть?

– Нет, все точно. Там надо быть ровно в полдень. Можешь объявить родственникам. Поезжайте встречать.

Я положил трубку.

– Лида, отца выпускают!

– Ой! Ну наконец-то! Какое счастье! Когда?

– 25 июня. Позвоню Исаю. Надо ехать его встречать.

Я набрал номер Исаю.

– Исая, отца выпускают!

- Вот это новость!
- Надо бы подумать, как его встретить. Организовать все с размахом. Чтобы он мог сразу всех родных обнять.
- Так можно у нас в Кисловодске всех собрать.
- Закажем автобус, соберемся все, возьмем еды, выпивки, будем останавливаться по пути и праздновать свободу. Надо и музыкантов с собой взять. Чтоб поддержали нашу радость.
- Это ты здорово придумал!
- Исай, прошу тебя, организуй все. Я смогу вырваться максимум на пару дней. Потом нужно будет сразу вернуться в Москву.
- Все сделаем, Игорь, не волнуйся.

XXVI

Накануне выхода отца я прилетел в Кисловодск. Давно же я здесь не был! На улице Катыхина все как прежде: так же крепок дом, большой огород тщательно ухожен, ворота выкрашены.

Затворив за собой калитку, я направился к дому. В дверях появилась Хаво. Сердце дрогнуло. Постарела... Годы берут свое. Да если бы только годы! Смерть дочери, потеря мужа, арест сына – каждое несчастье ложилось камнем на сердце, высекало новые морщинки у глаз.

Она словно бы стала меньше ростом, движения утратили плавность и уверенность, ей будто все время хотелось на что-то опереться. Стояла, ссутулившись, привалившись к притолоке плечом. Прищурившись, вглядывалась: кто там шагает по дорожке? Рассмотрела – и глаза на изборожденном морщинами лице засияли.

– Мама, здравствуй! – я обнял ее бережно, прижал к себе.

– Игорь, родненький, наконец-то ты приехал! – глаза Хаво наполнились слезами.

– Ну вот, мам, а ты все не верила! Я же говорил, что так и будет – ты встретишь Алешу сама.

– Ох, Игорек, я уж думала, не дождусь, – ответила Хаво, смахивая слезу.

Да, дом был все так же полон людей – здесь жили Алик с женой Розой и их дети: Наум, Марина, Оля. Но изменилось главное – Хаво сдала свои позиции. Быть полноправной хозяйкой, железной рукой вести дом сил уже не хватало. В святая святых – на ее кухне, где в былые времена она царила безраздельно, – теперь правили младшие родственницы. Ничего не поделаешь – возраст. Ее время уходило. «Господи, какое же счастье, что она успела дожждаться отца!» – в который раз повторил я про себя.

В ночь на 25 июня к нашему дому подогнали здоровенный «Икарус».

– Вот, Слав, это то, что нам нужно! Давайте загружаться, и поехали. Путь неблизкий.

Мы всей гурьбой сели в автобус и двинулись в Дагестан. Часов через десять автобус подкатил к воротам колонии. Там уже стояло десятка два машин. Я заметил черные «Волги» местного руководства – друзья приехали встретить отца и поздравить с выходом. Рядом в тени деревьев расположились музыканты в черкесках.

– Слав, ты смотри, какой концерт намечается! Отца, словно жениха, дожидается целая толпа.

– Ага. А народу-то!

– Прямо настоящая свадьба, – дивился я.

Валя пошла с документами в администрацию, минут через пятнадцать вернулась.

– Ну что?

– Сказали ждать. Сейчас выйдет.

И вот взрезанная в железные ворота дверь открылась, в ее проеме появился отец. Он шел легким пружинистым шагом – в руке баул с вещами, через другую перекинут пиджак, – словно и не было всех этих мытарств, словно годы под конвоем привиделись в кошмарном сне, а теперь морок наконец развеялся, мы все проснулись и вздохнули с облегчением. Что тут началось! Музыканты грянули что-то бравурное, встречающие кинулись друг другу наперерез – каждому хотелось первому обнять, поздравить, сказать добрые слова. Элла редела от счастья. Да и мы со Славой и Геной прослезились.

– Он их всех уделал! – Исай, раскидав нас, повис у брата на шее. – Лешка! Я жил этим моментом, дорогой!

Кто-то дал отмашку музыкантам, зазвучала лезгинка. Устоять на месте было невозможно, отцовские друзья пустились в пляс.

Стоявшие поодаль охранники переговаривались вполголоса, искоса поглядывая на нас.

– Та-а-ак, ребята, грузимся в автобус, – скомандовал я.

– Не хватало еще, чтоб нас тут приняли всех, – расхохотался Гена.

Мы сели в автобус, местные друзья отца – в свои машины, и кавалькада тронулась. Отъехав от колонии на несколько километров, увидели симпатичную лужайку. Остановились, моментально обустроились – вытащили из автобуса складные столы, разложили заготовленную снедь, расставили бутылки, вынули припасенные бокалы и начали пикник. Когда приготовления были закончены, Алибек легонько постучал ножом по горлышку бутылки, чтобы привлечь внимание, и поднял бокал.

– Алексей! Брат мой! Хочу выпить за то, чтобы все невзгоды остались позади, чтобы отныне твоя жизнь и жизнь твоих близких была такой же ясной и солнечной, как этот летний день. За твою свободу, дорогой!

Тостам не было конца. Музыканты наяривали что-то развеселое, все пели, плясали, пили за счастливое освобождение.

Но вот музыка смолкла.

– Друзья! – поднимая бокал, произнес отец. – Годы в заключении – это не только тяжкие испытания. Это еще и опыт. Бесценный опыт, который дорого стоит, потому что дорого дается. Эти годы многому меня научили, но самое главное, что я вынес из них, это понимание того, что в нашей жизни важнее всего. И это, дорогие мои, – вы. Нет в жизни ничего важнее и дороже, чем родные и друзья. Без вас я не смог бы пройти через то, что выпало на мою долю. И за это всем вам моя сердечная благодарность и низкий поклон, – и он склонил голову, прижав руку к сердцу.

Отгуляв пару часов, дагестанские друзья простились с нами. Мы уселись в автобус и поехали в сторону Кисловодска. По пути делали остановки в каких-нибудь живописных местах, накрывали столы и продолжали праздновать освобождение отца. Так мы неспешно доехали до Кисловодска, и отец наконец-то вошел в родной дом. Было уже за полночь.

– Алеша, Алешенька, сыночек! – Хаво припала к сыну, прижалась крепко – не оторвать.

– Мама, родненькая! Дедейме, – он обнял мать мощными руками, закрыл глаза.

Хаво отступила на шаг, словно разглядывая, провела дрожащими ладонями по лицу. Губы чуть слышно шептали:

– Ох худо! Худо кумек! – О господи! Бог благословит!

С самого утра в доме начали накрывать столы, везде сновали люди. Ну и столпотворение! Кажется, праздновать возвращение отца пришла половина Кисловодска. А гости все прибывали.

Улучив момент, я шепнул отцу на ухо:

– Пап, все у меня. Скажи когда – я принесу.

– Ты же не сегодня уезжаешь?

– Нет, завтра.

– Ну давай завтра утром.

На рассвете, когда улицы были еще тихи и безлюдны, мы со Славой привезли запечатанные банки с драгоценностями отцу. Я позавтракал и поехал в аэропорт.

XXVII

Время летело быстро. Вот уже и август скоро. Вакулин не подвел с путевками в Архипо-Осиповку. Мне сообщили, что в санатории готовы принять мое семейство.

– А ты с нами не поедешь? – с тайной надеждой спросила вечером Лида.

– Лидочка, никак не получится. Тут каждый день новости – нельзя мне уезжать. А вам там не будет скучно. Все как обычно: Лариса с Машенькой и Людой, ты с ребятами...

Мое семейство отправилось отдыхать, в Москве на хозяйстве со мной осталась Анна Григорьевна. Я же с головой погрузился в дела: продолжал разгребать авгиевы конюшни на Черкизовском комбинате.

На заводе кипела работа. Я совершил свой обычный обход и дал команду срочно собрать главных специалистов у меня. На следующий день было назначено совеща-

ние по продовольственному снабжению столицы в Мосгорисполкоме, у Валерия Сайкина. На повестке дня стоял единственный вопрос: экстренное закрытие объемов, выпавших из-за аварии на Царицынском мясокомбинате.

– Сориентируйся – сколько сможешь взять на себя сверх плана, – предупредил меня утром по телефону Тулупов.

Мы принялись за расчеты. С учетом всех имеющихся резервов и скрытых возможностей насчитали, что при благоприятном стечении обстоятельств сможем выдать восемьсот тонн сверхплановой продукции. Ну что ж, неплохо. На следующий день я во всеоружии отправился на улицу Горького – так тогда называлась нынешняя Тверская.

Председатель Мосгорисполкома Валерий Тимофеевич Сайкин вошел в зал вместе со своим заместителем Юрием Михайловичем Лужковым.

Сайкин уселся во главе стола, слева от него разместился Тулупов, справа – Лужков. Лужков Тулупова не жаловал и, отметил я про себя, даже не пытался это скрывать.

Глядя на сидящих бок о бок Сайкина и Лужкова, я невольно подивился контрасту: Сайкин – огромный, могучий, громогласный, зверь зверем, и рядом Лужков – маленький, пухленький, лысый – ну просто мультяшный колобок. Смотрелась рядом эта парочка довольно забавно – если не думать о том, какие страсти кипели вокруг.

Сайкин открыл заседание. Он коротко сказал о текущих проблемах и перешел к главному:

– Авария на Царицынском комбинате усугубила и без того сложную ситуацию со снабжением в городе. Рухнуло перекрытие. Выведено из строя термическое отделение – самое сердце комбината. Работать невозможно. Для восстановления требуется разобрать завалы, выставить опа-

лубку, залить новое монолитное перекрытие, дать ему выстояться и так далее. При любом варианте «Царицыно» выпало месяца на три.

Сайкин обвел всех взглядом и уперся в Лужкова.

– Какие будут предложения?

– Мясную промышленность в городе курирует Московское объединение, – отвечал Лужков. – Вот им и надо поставить задачу закрыть выпавшие объемы. Мы делали все, что от нас зависит, но предвидеть такое чрезвычайное происшествие не в наших силах.

– Да хватить балаболить! – взорвался Тулупов. – Я сколько раз просил выделить средства на капремонт! Предупреждал, что тянуть дальше нельзя! Вот и получите результат. Выделили бы деньги – этого не случилось бы! Мы бы сейчас здесь не сидели и не думали, как теперь быть!

Ответ Лужкова был не менее эмоционален:

– Да там деньги можно лить рекой! Какой в этом толк, если вы не способны управлять вверенными вам предприятиями? Никакие деньги не помогут, когда у руля дикари с дубинами.

Словесную перепалку прервал Сайкин:

– Хватит! Лужков! Речь идет о столице! Вы как мальчишки – друг на друга пальцами тычете, толку от этого ноль! Прекратите нести чепуху. Идите и работайте. Если к концу месяца Москва недополучит хоть тонну колбасы – пеняйте на себя! Поставлю вопрос о соответствии занимаемой должности. Все, закончили.

Сайкин умолк. В зале воцарилась тишина. Его эмоциональная речь, густо приправленная отборным матом, произвела на присутствующих глубокое впечатление.

В этот же день Лужков собрал у себя на Арбате всех директоров мясокомбинатов, которые присутствовали на совещании у Сайкина. Тулупов ехать к Лужкову отказался наотрез.

Лужков выглядел неважно. Он недавно похоронил жену, нервное перенапряжение на работе тоже не добавляло бодрости. Он много курил. Говорил отрывисто, лаконично.

– Ребята, у нас выпали значительные объемы из-за аварии в «Царицыно». Давайте начистоту: кто сколько может выдать сверх своих плановых показателей, чтобы перекрыть выбывшие мощности. Нужно всем накинуться и закрыть образовавшуюся брешь.

Народ загудел, что-то обсуждая.

Директор Микояновского завода первым предложил:

– Мы попробуем перекрыть триста тонн.

Кто-то еще назвал цифру в двести пятьдесят. Я ушам не верил – это говорили директора крупнейших мясоперерабатывающих предприятий Москвы, с потенциалом куда выше нашего! Дождавшись, пока гомон немного утихнет, я произнес:

– Юрий Михайлович, «Черкизово» берется перекрыть весь выпавший объем – полторы тысячи тонн.

Все в зале уставились на меня.

– А вы уверены, что сможете выполнить обязательства, которые сейчас на себя берете?

– Абсолютно, – отчеканил я. – Но у меня есть просьба. Нам необходима реконструкция. Средств не хватает. Можно ли после выполнения этой задачи рассчитывать на выделение восьмисот тысяч рублей целевым назначением на капремонт?

Юрий Михайлович обратился к секретарю:

– Запишите в протокол заседания: Бабаев взял на себя обязательство перекрыть полторы тысячи тонн. Если выполнит – выделить для «Черкизово» целевым назначением на капитальный ремонт восемьсот тысяч рублей.

На этом совещание было закрыто. Так состоялось мое знакомство с Юрием Лужковым. С совещания я поехал

сразу на комбинат. Созвал всех: главного инженера, технологов, руководителей цехов.

Начал я торжественно:

– Нам выпала честь выступить спасителями города. Мы должны закрыть выпавший из-за аварии на Царицынском комбинате объем. Там завод встал месяца на три. К концу месяца надо поставить городу полторы тысячи тонн продукции сверх плана.

– Сколько?! – ахнул главный инженер.

– Да это же невозможно!! Как успеть?! Мы и так в две смены работаем! Говорили о восьмистах же! – загалдели все одновременно.

– Ребята, ничего не хочу слышать. Две смены? Ставьте третью. Платите за переработки, делайте что угодно – но выдайте эти полторы тысячи тонн. Это очень нужно комбинату!

Все разошлись, в моем кабинете остался только начальник техотдела Васкович. Он был ошарашен:

– Игорь, это же сумасшествие...

– Да знаю я, риск есть. Но если все получится, нам обещали дать восемьсот тысяч на окончание реконструкции. Так бы мы этих денег никогда не увидели. А тут – такой шанс. Его нельзя упускать. Поэтому упритесь рогом. Посмотрите, что еще можно сделать для увеличения выходов, – но выдайте мне этот объем.

– Ну и задачи ты ставишь, директор.

– На то я и директор, – улыбнулся я.

В конце месяца я понял, что нам удалось сделать невозможное: мы перекрыли выпавшие объемы.

Убедившись, что обещание, которое я дал на совещании у Лужкова, выполнено, я набрал номер Мосгорисполкома и попросил соединить меня с Юрием Михайловичем.

Лужкова на месте не было.

– Пожалуйста, передайте ему информацию от Бабаева Игоря Алексеевича: Черкизовский комбинат перекрыл недостающий объем в полторы тысячи тонн.

XXVIII

В конце недели ко мне в кабинет примчалась главный бухгалтер:

– Игорь Алексеевич! Поступили деньги из Мосмяса – нам дали восемьсот тысяч рублей!

Лужков слов на ветер не бросал. Обещал – и выполнил.

В тот же день позвонил Тулупов.

– Приветствуем Мосмясо! – выпалил я в трубку.

– Ну ты, батенька, даешь, однако!

– Что такое?

– Да вот, смотрю, нам деньги перекинули для тебя целевым назначением. Это фурор.

– Да в чем фурор-то?

– Отжать у Лужкова столько денег?! Да никогда такого не было! У него же никто ничего выпросить не мог. Только если Сайкин надавит. А ты – раз – и забрал у него восемь-

сот тысяч. Молодец! Ну а об остальном не беспокойся. Если нужна какая-то помощь, скажи.

Дверь приоткрылась, в кабинет заглянул начальник техотдела.

– Заняты? Можно к вам?

– Заходи, заходи! Ну вот видишь, – я не мог скрыть радости. – Говорил же я тебе: ничего невозможного нет! Нам выделили восемьсот тысяч!

– Да уж, теперь развернемся! – подмигнул Васкович.

– Комбинату нужен толчок в развитии. Ты только подумай: я же в Армавире был богом сырокопченой колбасы. А в Москве ее выпускает только «Микоян». Нужно что-то придумать и поставить это производство у нас. Только где его разместить? Нужны довольно приличные площади.

Васкович хмыкнул.

– Да у нас на пятом этаже под крышей есть технический этаж – две тысячи квадратов. Высоты достаточно. Площадь фактически простаивает. Как раз хватит для линии. Да, вы знаете, сейчас в Москве международная выставка проходит, давайте съездим, посмотрим. Там есть стенд итальянской фирмы «Травалини». Они давно уже пытаются наладить контакты с Россией, «Микояну» кое-какое оборудование поставляли. Можно с ними встретиться.

– Отлично. Вот ты и поезжай. Привози их сюда. Будем обсуждать прямо на месте.

Итальянцы были заинтересованы в поиске новых клиентов и отреагировали мгновенно: уже через день я показывал представителям фирмы «Травалини» площади, где предполагалось оборудовать цех по производству сырокопченой колбасы.

Пьеро Маньяни, коммерческий директор, и Лучиано Джанотти, технический директор фирмы «Травалини», вместе со мной и Васковичем облазили весь ЧМПЗ. Об-

щались мы через переводчика. Джанотти внимательно все осмотрел и вынес вердикт:

– Мы готовы разработать проект климокамер под эти предполагаемые производственные площади. Размеры помещения позволяют, коммуникации есть.

– Останется главное – решить вопрос с финансированием – и можно будет приступить к реализации, – добавил Пьеро. – Ну а пока было бы правильным пригласить вас к нам в Италию – познакомиться с главой компании, Роберто «Травалини», и посмотреть вживую именно те камеры, которые будут предусмотрены в проекте для монтажа у вас на действующих предприятиях.

– Нам нужно будет получить от вас общестроительные планы, а мы к вашему приезду подготовим компоновку технологического оборудования, – перешел к делу Джанотти. – Те площади, что здесь есть, позволят смонтировать камеры мощностью пять тонн в сутки.

Итальянцы уехали и через какое-то время прислали проектную документацию, которую я показал Тулупову.

– Юрий Михайлович, хочу запустить цех сырокопченой колбасы. Мы поработали со специалистами из итальянской фирмы «Травалини», показали им реальные свободные производственные площади, и они подготовили проект мощностью в пять тонн сырокопченых колбас в сутки. Ориентировочная стоимость проекта – пять миллионов долларов.

– Ну ты даешь! Какие доллары?! У нас рублей-то днем с огнем не найдешь, а ты про валюту! – Тулупов почесал в затылке и затянулся сигаретой. – Единственный человек, который нам может помочь или что-то посоветовать, это Кривенко, хозяин Продинторга. У него-то валюта есть точно. Дай время, я подумаю, как ему преподнести этот вопрос. Он парень непростой, к нему надо подход найти.

Оставалось только ждать.

Тем временем мы с Васковичем собирались в поездку. Документы на выезд были готовы, нам выдали суточные и разрешенные тридцать долларов – не особенно-то разгуляешься.

– Тебе ведь уже случалось бывать за бугром? – спросил я Васковича.

– Ну да, ездили в командировки.

– А я не был. Как мы там проживем? Денег в обрез.

– Да не стоит переживать, – успокоил меня умудренный опытом попутчик. – Во-первых, фирма нас пригласила, так что все расходы – проживание, питание – за счет принимающей стороны. А чтоб на покупки что-то было, возьмем по паре банок черной икры, водки, по фотоаппарату «Зенит» на шею повесим. Икра и техника в Европе ценятся. Можно продать – вот и валюта.

XXIX

Нас встречали и сопровождали коммерческий директор компании «Травалини» сеньор Пьеро Маньяни и переводчик Роберто Балатти. Поселили нас в четырехзвездном отеле в центре Милана. Вечерело. Мы вышли прогуляться по незнакомому городу.

Многоголосая толпа беззаботно текла вдоль улицы. Вокруг столиков за окнами кафе крутились официанты. Кругом кипела жизнь. Никто внимания не обращал на сияющие витрины, а я не мог отвести от них взгляд. Я шел по вечернему Милану и медленно сходил с ума. Такого изобилия я не мог себе представить даже в самых безумных своих фантазиях. Мозг отказывался это воспринимать. Мы гуляли почти всю ночь, вернулись в гостиницу только под утро. Немного поспали, позавтракали и отправились в офис компании «Травалини».

Мы с Васковичем вместе с итальянцами просмотрели всю документацию: чертежи с полной компоновкой, под-

робную спецификацию оборудования. Оставалось только добыть деньги. А их не было. Нужно было какими угодно способами найти необходимую сумму в валюте.

Потом нас повезли на производство – посмотреть оборудование «Травалини» в деле. Нам показали два завода. То, что я увидел, ошеломило меня не меньше, чем ночные улицы Милана. Вылизанные до блеска, безупречные заводы-игрушки. Стерильная чистота, сверкающие машины, никаких запахов, рабочие одеты в аккуратные фирменные костюмы.

Пьеро расписывал перспективы:

– Мы беремся поставить вам камеры высшего класса – ничуть не хуже тех, что вы видели сегодня.

Когда с делами было покончено, нам организовали великолепную экскурсионную программу: Милан, Рим, Флоренция. Под занавес – тур в Венецию... Голова шла кругом. Не верилось, что все это я вижу наяву. Но даже величественные соборы, древние палаццо и путешествия на гондолах не смогли вывести меня из первоначального шока: я, конечно, знал, что качество жизни в Европе несоизмеримо выше, чем в СССР. Но представить себе масштабы разделяющей нас пропасти не мог. Товарное изобилие взрывало воображение! И это при том, что моя семья далеко не бедствовала. В супермаркете мы с Васковичем просто окаменели у прилавков с мясными продуктами и колбасами.

– Мать честная! Ты веришь своим глазам?

– С трудом, Игорь, – отвечал он ошарашенно.

– А у нас на всю страну – докторская, любительская и молочная...

– Ливерную забыл. И краковскую еще, – рассеянно проронил Васкович.

Будто это что-то меняло.

– Да хрен бы с ними! Ты посмотри, какой отрыв в товарном оформлении! В отношении к тому, что мы делаем!

Плакать хочется. ...И нам еще поют песни про то, как загнивает Запад. Я бы не против так позагнивать, знаешь ли.

– Ты аккуратнее со словами, Игорь.

– Да брось. Это же правда – сам видишь. Небось счастливы, когда удастся что-то продать. А у нас люди в очередях давятся.

– Ну мы же пытаемся что-то улучшить, – рассуждал Васкович. – Хорошее дело делаем. Не сразу, но постепенно наведем и у нас порядок.

– Да, только вот есть один кро-ошечный нюанс: пока совершенно непонятно, как добыть деньги на этот проект. Ну ладно. Найдем способ. На капремонт выбили – выйдем и на это.

Я летел домой окрыленный. Визит в Италию стал для меня определяющим. Теперь я твердо знал: моя цель – сделать Черкизовский комбинат таким же безупречным, какие я видел в Италии. И начало этому было положено.

После нашего возвращения работа закрутилась с утроенной силой. Я был настолько уверен, что сумею пробить деньги на приобретение линии по производству сырокопченой колбасы, что решил не откладывая приступить к строймонтажу площадки под новую технику. Все работы по текущему и капитальному ремонту на ЧМПЗ мы выполняли своими силами. Красили, клали кирпич, штукатурили и укладывали плитку рабочие, которые состояли в штате комбината. Но предстоящее строительство цеха по выпуску сырокопченой колбасы на итальянском оборудовании требовало более серьезного подхода. Нужны были не просто руки, нужен был куратор всей стройки – начальник отдела капитального строительства. Погрузившись в размышления о том, сколько времени все это займет, я не сразу среагировал на телефонный звонок.

– Игорь Алексеевич, с вами просит соединить человек по фамилии Карданов.

Карданов? Что-то знакомое.

– Соедините.

В трубке раздался глубокий бас:

– Игорь Алексеевич, прошу прощения за беспокойство. Меня зовут Касим, я сын первого заместителя председателя исполкома Ставропольского края. Наши отцы были друзьями. Если вы не возражаете, я хотел бы подъехать поговорить.

– Хорошо, подъезжай.

Через пару часов в кабинет вошел невысокий человек – худощавый, но чувствовалась в нем какая-то сила.

– Я ищу работу, – без предисловий начал Касим. – По профессии строитель, работал в строительном-монтажном управлении...

На ловца и зверь бежит.

– Что ж, ты кстати. Именно сейчас мне нужен начальник отдела капитального строительства. Пойдем, покажу тебе фронт работ. Потом обсудим.

Мы с Касимом обошли все производство, Васкович показал ему документы и чертежи, которые мы привезли из Италии. Касим внимательно все изучил и спустя несколько минут дал заключение:

– Выполнимо, Игорь Алексеевич. Они вписали все в существующий железобетонный каркас, так что несущие конструкции затронуты не будут.

– Уверен?

– Абсолютно. Перекрытия тоже в наличии. Фактически речь идет о проектировании внутренних перегородок, устройстве полов и о других частностях. Учитывая объемы, несколько месяцев – и все будет сделано.

– Касим, бери дело в свои руки. Оформляйся и приступай.

XXX

Ребята! Все сюда! У меня новость! – прокричал я на всю квартиру, едва захлопнув за собой входную дверь.

Мальчишки тут же примчались в прихожую.

– Что ты нам принес?

– Хватит, хватит в руки смотреть! Сегодня подарок совсем другой. На следующей неделе мы с вами идем на парад на Красной площади. На гостевую трибуну у мавзолея!

Из кухни выглянула Лида.

– Ты серьезно?!

– Еще как!

– Но туда же какие-то немыслимые приглашения нужны, их, говорят, получить вообще невозможно.

– Невозможно? А это что? – я ловким движением фокусника вытащил из кармана четыре картонных прямоугольника. – Вот, любуйтесь!

Лида с опаской взяла приглашение у меня из рук, стала внимательно рассматривать.

– Ну ты даешь! Откуда это?

– Мирошников постарался. Своди, говорит, ребят, пусть посмотрят. На всю жизнь память останется.

В СССР военный парад на Красной площади был, пожалуй, самым торжественным официальным событием года. Немногие счастливчики удостоивались приглашения на гостевые трибуны. 7 ноября вся страна замирала у телевизоров: парад транслировали в прямом эфире. И вот теперь мы увидим его не на экране, а своими глазами! Отличный подарок сделал нам Альберт Мирошников.

Прохладным солнечным ноябрьским утром мы встали рано, потеплее оделись и выехали загодя, чтобы не опоздать. Лида осталась дома – хлопотала по хозяйству, готовила праздничный стол.

– Поезжайте без меня, я по телевизору посмотрю.

Альберт объяснил, что проходить на трибуны нужно со стороны набережной. На то, чтобы преодолеть этот, в общем-то, не такой уж длинный отрезок пути, у нас ушел час. Первая проверка приглашений и документов (все строго – мой паспорт и свидетельства о рождении детей) – еще на подходе, потом второй кордон, третий и, наконец, последний – у самого входа на гостевые трибуны, около Спасской башни. Ребята устали, Женя начал потихоньку ныть:

– Ну пап, ну когда мы уже придем?

– Скоро, скоро, сынок. Зато потом будет так интересно! Вот увидишь.

Все приглашенные должны были разместиться на трибунах за полтора часа до начала парада – таковы были правила. Так что ждать на ноябрьском ветру нам пришлось долго. Замерзли мы ужасно. Но это того стоило.

Красная площадь, говоря словами тогдашних телекомментаторов, была в праздничном убранстве. Развева-

ющиеся флаги, огромные, невероятных размеров плакаты на зданиях Исторического музея и ГУМа, Кремлевская стена украшена гербами пятнадцати республик СССР. По периметру площади стояли строем курсанты военных академий и училищ со всей страны, колонны всех родов войск.

За пару минут до десяти часов на трибуне мавзолея появились Михаил Горбачев и Николай Рыжков. Все мы на гостевых трибунах вскочили с мест. Горбачев прошел к одному углу мавзолея, приветственно помахал собравшимся, улыбаясь, что-то кому-то прокричал сверху вниз, потом отправился к другому углу – поприветствовать гостей с другой стороны мавзолея. Следом за Горбачевым и Рыжковым на мавзолей уже поднимались члены политбюро.

– Смотрите, – сказал я мальчишкам. – Нам машут руководители нашей страны!

– Ух ты! Прямо самые главные? – заинтересовался Женья, старательно задирая голову.

Горбачев взглянул на наручные часы, потом на циферблат на Спасской башне. Еще несколько секунд – и минутная стрелка замерла на двенадцати, раздался бой курантов.

– Парад! Смирно! – прогремел усиленный громкоговорителем голос командующего.

Грянул оркестр. Из ворот Спасской башни выехал открытый лимузин – принимал парад министр обороны. На встречу ему в таком же автомобиле двигался командующий парадом. Машины встали точно напротив мавзолея.

– Войска Московского гарнизона для парада в ознаменование 72-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции построены! – отпортовал министру командующий.

Его автомобиль развернулся, и обе машины поехали по периметру площади, останавливаясь у каждой из ко-

лонн и приветствуя военнослужащих. Над площадью гремело многоголосое ответное «Ура!».

Сколько раз мы видели это по телевизору, но разве можно сравнить картинку на экране и то, что происходит прямо перед тобой, в нескольких десятках метров! Мои мальчишки просто рты разинули от восторга, забыв про холод и усталость. Поистине эффект присутствия творит чудеса!

С трибуны мавзолея зазвучали речи. Общечеловеческие ценности, одностороннее сокращение вооружений – и все это из уст министра обороны! Я ушам своим не верил.

– Погодите, – шепнул я на ухо сыновьям. – Это еще не все. Сейчас такое увидите!

Прозвучал гимн Советского Союза, и начался торжественный марш. Первой колонной, чеканя шаг, шли юные барабанщики и фанфаристы.

– Вот это да! – выдохнул Сережа. – Мальчики идут!

– Да, чуть постарше тебя, – улыбнулся я.

Ну а уж когда по брусчатке загрохотала военная техника, восторгам вообще не было конца.

– Пап, а это что? А это?

Пытаясь перекрычать грохот, я, как мог, объяснял про зенитно-ракетные комплексы, другие виды вооружений.

В завершение парада мимо нас строем промаршировал военный оркестр. Глаза сыновей сияли. Не прочувствовать торжественность момента было просто невозможно.

Парад закончился. На Красную площадь ступили колонны демонстрантов с флагами, транспарантами и огромными искусственными цветами в руках. Среди традиционных, давно на зубах навязших лозунгов мелькали совершенно непривычные, каких еще несколько лет назад и представить себе было нельзя: «Выше темпы демократизации партии!», «Отступать некуда, позади за-

стой!» и прелестно наивный «Восстановим ленинский облик и суть социализма!»).

Мы посмотрели еще минут двадцать и стали пробираться к выходу. Выйти за пределы особо охраняемой зоны гостевых трибун оказалось ничуть не проще, чем туда войти. Наконец, выбравшись за ограждения, мы с Сережей и Женей, полные впечатлений, отправились домой.

Тогда мы еще не знали, что нам довелось стать свидетелями предпоследнего военного парада в истории СССР.

XXXI

Шел к концу 1989 год, пора было подумать, как провести новогодние праздники. Я набрал номер Тягачева.

– Леня, здравствуй! Бабаев беспокоит.

– Привет труженикам пищевой промышленности! Как дела?

– Да нормально все. Вот вспомнил, как мы здорово отдыхали на Эльбрусе. Ты туда не собираешься?

– Да ты что, Игорь? Забыл? Нам же Леопольд обещал шикарную гостиницу в Грузии. Никаких разговоров – едем вместе в Гудаури, катаемся и отдыхаем! Давай я поговорю с ним и все тебе потом сообщу.

Через час мне позвонила жена Леопольда Мэри.

– Игорь Алексеевич, вам сегодня подвезут официальное приглашение в Гудаури, в отель Леопольда. На всю семью. Ни о чем не беспокойтесь. Из Москвы полетим

на самолете до Тбилиси. Всю организацию мы берем на себя, только передайте документы на всех.

– Спасибо! – ответил я. – Очень тронут вашим гостеприимством.

Вечером дома я рассказал новость Лиде:

– Лидочка, готовьтесь – скоро едем кататься на лыжах!

– Эльбрус опять? – оживилась она.

– Нет. Помнишь, я рассказывал, Тягачев меня с Леопольдом знакомил? Так вот, он приглашает к себе. Леня говорит, он построил в Грузии какой-то невероятно классный отель в горах.

– Здорово!

– Они все взяли на себя, ни о чем не нужно беспокоиться, представляешь!

В канун Нового года мы прилетели в Тбилиси. Нас провезли по городу. Я смотрел и удивлялся: здесь текла совершенно другая жизнь. Ни малейших признаков дефицита, город пел и плясал, ничто не напоминало о том, что страна находится в упадке. Как не похоже на Москву!

Прогулявшись по Тбилиси, мы на машинах поехали в горы. Километрах в ста пятидесяти от столицы располагался роскошный пятизвездный отель. Мы словно очутились в каком-то другом измерении. Приглашающая сторона что было сил старалась меня отблагодарить, и поэтому нам выделили ни много ни мало президентский люкс. Это был ослепительной роскоши номер. Вдруг стало ясно, как убоги все наши номенклатурные гостиницы, в каких клоповниках мы жили у подножия Эльбруса.

За завтраком наше воображение поразил шведский стол. Такого изобилия ни в одном, даже самом роскошном советском санатории мы не видели никогда. Чего тут только не было: экзотические фрукты, икра и рыба разных сортов, всевозможные сыры, диковина того времени – йогурты со свежими ягодами, одних только булочек

разновидностей, наверное, пятнадцать – на любой вкус, какие-то совсем уж неведомые нам блюда – артишоки, бамия, нут. Глаза разбегались. Хотелось попробовать сразу все.

– Вот, ребятаки, будете хорошо учиться – каждый год будем так отдыхать, – пообещал я сыновьям.

Мы вышли на склон, и сердце замерло. Сияло зимнее солнце, кристально чистый снег слепил глаза. Кататься на лыжах здесь было одно удовольствие. Ребят я гонял каждый день, с полной нагрузкой. Спуску не давал. В конце концов даже Леня за них вступился.

– Игорьь, они же еще не олимпийцы, что ты никак не уймешься?! – увещевал он меня.

– Ничего! Тяжело в ученье – легко в бою! – я приладил поплотнее очки и взял в руки палки. – Сережа, Женя, вперед!

Как-то я решил проверить Сережку на выносливость и поднялся с ним на вершину одной из самых сложных трасс. Я пошел на спуск первым. Где-то на первой трети склона стало ясно: дальше трасса сильно обледенела. Я снизил скорость и скомандовал сыну:

– Осторожно, очень скользко!

Сережа уже и так тормозил, как только мог, но удержаться на крутом склоне было непросто – лыжи с трудом цеплялись кантом за поверхность. Я остановился, обернулся.

Сережка старательно тормозил, закусив губу от напряжения. В глазах плескался страх.

– Папа, куда мы забрались? Мы же разобьемся!

– Сережа, другого пути нет, надо спускаться. Давай потихоньку, как я!

Было видно, как ему трудно, у меня сердце замирало – выдержит ли? Но показать свой страх за него мне было нельзя.

– Молодец, родненький! Потихоньку, сыночек! Все будет хорошо! – я изо всех сил старался вселить в него уверенность.

Склон мы с грехом пополам преодолели. Зато сколько было потом рассказов о героическом спуске! Да, этот отдых запомнился нам надолго.

XXXII

Я приехал в Мосмясо к Тулупову. Рассказал ему о поездке в Италию, о том, что проектно-сметная документация и технологическая компоновка оборудования практически готовы, ориентировочная стоимость – пять миллионов долларов.

– Юрий Михайлович, мы полным ходом ведем строймонтаж. Все упирается в выделение средств.

– Игорь, я как раз договорился о встрече с Кривенко, – ответил мне Тулупов. – Сейчас весь импорт – соя, оболочка, специи – идет через Продинторг. Так что у меня к нему есть вопросы по снабжению. Заодно можем обратиться к нему и с твоей проблемой. Поехали со мной. Только у Кривенко есть валюта, и только он нам может в этом помочь. Полной уверенности нет, но попытаться стоит.

Продинторг, который возглавлял Александр Константинович Кривенко, располагался в здании министерства иностранных дел на Смоленской площади.

Восседа за массивным дубовым столом, покрытым зеленым сукном, Кривенко говорил по телефону. Холеный, вальяжный, в элегантном костюме, он, свободно разваливаясь в кресле, непринужденно болтал по-английски.

Внезапно спина его выпрямилась: на стоящем на боковом столике телефонном аппарате с гербом СССР замигала лампочка.

– Sorry, my friend, i'll call you back later, – он перевел дух и снял трубку с аппарата с гербом.

– Да! Слушаю вас внимательно, Константин Федорович! – отвечая на звонок, Кривенко встал навытяжку, словно солдат перед генералом. Былой расслабленности как не бывало.

Мы с Тулуповым переглянулись: Константин Федорович? Звонит по вертушке? Все было ясно: Кривенко разговаривал с министром внешних экономических связей Катушевым.

– Обязательно, Константин Федорович. Поручение будет выполнено. Деньги на закупку выделены, поставку в Москву осуществят в срок, – рапортовал Кривенко.

Он положил трубку, сел в кресло и обратился к нам:

– Ну-с, с чем пожаловали, гости дорогие?

Тулупов представил ему меня, мы обменялись рукопожатиями. Юрий Михайлович начал перечислять проблемы по поставкам объединению.

– Юр, ты же слышал – только что при тебе министру отчитывался как раз по этому вопросу. Деньги переведены, все будет поставлено в ближайшее время.

– Александр Константинович, – продолжал Тулупов. – Я хотел бы обсудить вопрос, связанный с Черкизовским мясокомбинатом. Сейчас это флагман нашего объединения, стремительно набирает обороты, сегодня комбинат у всех на слуху. Его директор Игорь Бабаев работал на армавирском мясоконсервном комбинате, производил там сыро-

копченые колбасы и задумал запустить их производство на «Черкизово». Важный нюанс: сейчас это арендное предприятие, то есть вся вновь созданная после оформления аренды капитализация – уже фактически частная собственность. Но, думаю, пусть он сам расскажет о своих планах.

В беседу вступил я:

– Александр Константинович, сейчас в сфере производства сыровяленых колбас в Европе задают тон итальянцы. Несколько месяцев назад в Москве проходила международная выставка. Мы связались с представителями компании «Травалини», они были у нас на «Черкизово», мы показали им предполагаемые площади для строительства цеха, они сделали технологическую компоновку. Ориентировочная стоимость проекта – пять миллионов долларов.

Я вынул из дипломата документы и протянул ему.

– Вот проектная документация. Но, может быть, лучше посмотреть все своими глазами? Если у вас найдется время подъехать на «Черкизово», я покажу вам комбинат и вы сможете сами оценить, насколько реален проект.

– Александр Константинович, давайте! И я подскочу, – поддержал меня Тулупов. – Надо хотя бы иногда выбираться из кабинета.

– Юра, ты меня убедил, – ответил Кривенко. – В ближайшие дни постараюсь заехать.

Через несколько дней, как и обещали, Кривенко с Тулуповым приехали на комбинат. Мы обошли все цеха, я показал производство, рассказал о планах по реконструкции, строительству.

– Да-а-а, не ожидал, – протянул Кривенко. – У вас тут все кипит, все вертится, крутится! Как вам это удалось? Я словно на европейском предприятии побывал: люди грамотно расставлены, каждый занимается своим делом, все работает как часы.

– Это все Игорь Бабаев, – пустился в объяснения Тулупов. – Люди видят результаты своего труда, понимают, что их заработок напрямую зависит от производительности. Потому и вкалывают.

Я провел гостей на тот самый технический этаж, где уже шли работы по подготовке к строймонтажу климокамер.

– Итальянцы быстро работают – все облазили, сделали замеры, подготовили чертежи. Все удалось вместиť в существующий каркас. Строительство ведется в полном соответствии с проектом, который они разработали.

– Постой, постой, – повернулся ко мне Кривенко. – Я вот чего не понимаю: у тебя же денег еще нет никаких, а ты уже развернулся всюю – строишь!

– Ну смотрите, – ответил я. – Если бы я ничего не делал, сидел и ждал, то сейчас и показать было бы нечего. Под лежащий камень вода не течет. А так вы видите все – масштабы, темпы. И сразу ясно: все реально, надо помогать. Вопрос только в финансировании.

– Пуск этой линии даст нам пять тонн сырокопченой колбасы в сутки, – уточнил Тулупов. – А такая колбаса – это как валюта. Ее всегда расхватывают на ура. Нет никаких сомнений, что деньги быстро отобьются.

Я пригласил гостей перекусить.

Мы сели, выпили по рюмочке, закусили.

– Попробуйте-ка вот это, – я положил гостю на тарелку аппетитный подрумяненный кусок мяса на кости.

– Что это? – спросил Кривенко.

– Попробуйте сначала.

– Очень вкусно! Не знаю, что это, но ничего подобного в жизни не пробовал.

– Это запеченный бычий хвост. Деликатес!

– Никогда бы не подумал!

– Если позволите, подкину вам немного.

– Игорь, только совсем чуть-чуть. Буду благодарен. С удовольствием угостил бы жену таким деликатесом, – кивнул Кривенко.

– Александр Константинович, – вступил в разговор Тулупов. – А может быть, создать совместное предприятие?

– Об этом стоит подумать, – ответил Кривенко. – Конечно, тут все не так просто. Арендное предприятие, права собственности – для нас дело новое. Я проконсультируюсь, как все это лучше оформить юридически. Дайте мне время.

XXXIII

Игорь, ты не забыл, мы с тобой завтра в Мясо-молочный едем?

Вопрос Мирошникова застал меня врасплох.

– Каюсь, забыл. Закрутился совсем – голова пухнет. Спасибо, Альберт Михайлович, что напомнил.

Встретиться со студентами Мясо-молочного института и отобрать самых перспективных выпускников для прохождения практики и дальнейшей работы на Черкизовском комбинате было идеей Мирошникова.

– Тебе же надо решать кадровую проблему – вот и решай ее радикально, – предложил он. – Специалистов старой школы переучивать долго и сложно. И нет никакой гарантии, что это даст результат. Бери молодых, со студенческой скамьи, еще не испорченных, со свежими мозгами, и доводи до кондиции уже непосредственно на рабочих местах.

– А что, это мысль. Возьму с собой кадровика, пусть тестирует ребят.

С ректором Иосифом Александровичем Роговым Альберт договорился об этой встрече еще неделю назад.

В назначенный день я, еле вырвавшись с комбината, ехал в институт, то и дело нервно поглядывая на часы – опаздываю!

– Жми на газ! – подстегивал я водителя. И все равно вовремя не успел.

Мирошников был уже на месте.

– День добрый! Иосиф Александрович, я прошу прощения за опоздание, – я влетел к Рогову на всех парах.

– Ничего, Игорь, – улыбнулся ректор. – Народ уже собрался, ждут. Пойдемте, пойдемте.

Иосиф Александрович вводил меня в курс дела прямо на ходу, по пути в актовъй зал:

– Пойми, Игорь, для тебя эта встреча – рядовая, каких множество, а для ребят, поверь, это событие! В ситуации в отрасли они уже ориентируются, знают, что такое Черкизовский, какое место он сейчас занимает в московской мясоперерабатывающей промышленности – он у всех на слуху. Так что ты для них – крупнейший авторитет и пример для подражания. К тому же в прошлом – наш аспирант, здесь защищался. Я очень хочу, чтобы ты понимал: это не мероприятие по профориентации для гапочки, это действительно очень содержательная встреча. Сейчас увидишь – зал битком! И, конечно, будет замечательно, если вы поддержите материально ребят, которых отберете. Стипендия-то нищенская... Для них возможность побывать у вас на производственной практике – это ступенька, окно в будущее. Ситуация сейчас сложная. Для будущих специалистов очень важна уверенность в завтрашнем дне.

Рогов – академик, светило, кристальной души человек, друг отца, в конце концов, мой научный руководитель, – очень много значил для меня. Я его просто боготворил.

– Иосиф Александрович, – ответил я, – да я сам в первую очередь в этом заинтересован! Для нас сегодня кадровый голод – острейшая проблема. Нет специалистов, которые смотрели бы вперед. Нужно ориентироваться на молодых.

Зал действительно был набит битком. Послушать нас собрались и студенты, и аспиранты, и преподаватели. Зал не мог вместить всех желающих, люди стояли вдоль стен.

Встречу открыл Мирошников. Студенты смотрели с интересом: не часто к ним приезжает заместитель министра. Альберт коротко описал нынешнюю ситуацию на рынке труда, после чего предоставил слово мне:

– Я хотел бы представить вам директора ведущего предприятия мясной промышленности в Москве, флагмана мясоперерабатывающего производства – Черкизовского комбината, – объявил со сцены Альберт. – Знакомьтесь – Игорь Алексеевич Бабаев!

Я рассказал о ЧМПЗ, специфике работы на мясокомбинатах, современных технологических тенденциях, а заодно – и о нынешней ситуации на рынке труда. Ну и главное, что они от меня услышали, – это то, что объемы производства у нас растут и поэтому регулярно проводится набор в штат, мы готовы рассматривать резюме не только опытных специалистов, но и успешных выпускников, что наш начальник отдела кадров может дать подробную консультацию по поводу трудоустройства и впредь наши кадровики будут регулярно проводить тестирование и консультации в институте.

– Ну а наиболее перспективных студентов, прошедших собеседование в отделе кадров и готовых в будущем связать свою судьбу с Черкизовским заводом, мы планируем поддерживать адресно – выплачивать целевые стипендии до конца обучения и прихода на работу к нам. Так что дерзайте, – напутствовал я молодежь.

Говорил я минут сорок, а потом посыпался вал вопросов. Битый час я не мог сойти со сцены – вопросы все не кончались. Интерес, действительно, был огромен.

– Ребята, я чувствую, что вопросов у вас еще много. Нам, к сожалению, пора ехать, но с вами останется начальник отдела кадров, который сможет дать вам исчерпывающие ответы.

Мы с Мирошниковым направились к Рогову. По пути Альберт заговорил об Иосифе Александровиче:

– Игорь, ты Рогова знаешь – для себя ничего никогда просить не станет. Но у него есть проблема. Ему надо пристроить зятя. Спроси его напрямую, а? А то он сам об этом ни за что не заговорит.

Я начал издаലെка.

– Иосиф Александрович, как обстоят дела в науке?

– Сложно, Игорь, – Рогов вздохнул. – Это же бюджетная сфера. Денег нет, возможностей нет, перспектив нет. Болтаемся где-то на обочине, и непонятно, чем все это закончится. Очень тяжелое время.

Я спросил про его дочь, про зятя. Лицо Рогова просветлело.

– Он замечательный парень – умница, трудяга. После аспирантуры остался в институте, защитился. Преподает. Но разве сейчас проживешь на преподавательскую зарплату? Трудно ему очень. Просто прозябает. Я, конечно, помогаю им с дочерью, насколько могу, но я ж не вечен, сам понимаешь.

– Иосиф Александрович, давайте я с ним поговорю! Мы набираем на комбинат толковых людей. Для настоящего профессионала дело всегда найдется.

– Игорь, вот было бы замечательно! Он здесь, сидел только что в зале, тебя слушал. Я его приглашу прямо сейчас.

Передо мной предстал худощавый застенчивый молодой человек.

– Сергей Рыжов, – представился он негромко.

– Очень приятно. Игорь Алексеевич, – я протянул руку.

– Сергей, я послушал, что рассказывает Иосиф Александрович... Жизнь в науке сейчас, конечно, не сахар. Хочу тебе рассказать о своем опыте. Я в свое время тоже оканчивал здесь аспирантуру, защитился. И у меня был выбор – остаться в науке или идти на производство. А это, заметь, были другие времена. Кандидат наук тогда вполне прилично зарабатывал, и перспективы роста были, да и деньги были другие. И все же я выбрал анапский комбинат – такая помойка была, вспомнить страшно. Хочу тебе предложить прийти к нам на «Черкизово». Мы запускаем цех по производству сырокопченых колбас – новейший, по итальянской технологии, второго такого в Союзе нет. Иди к нам начальником этого цеха. Попробуй.

– Спасибо, – парень зарделся как красна девица. – Спасибо. Я воспользуюсь этой возможностью. Когда мне подъехать?

– Завтра утром. И документы сразу бери.

– Я очень вам благодарен, – улыбнулся Сергей.

Он вышел. Рогов сокрушенно вздохнул.

– Ну, видишь? Парень – сама скромность.

– Иосиф Александрович, не беспокойтесь. Все отлично у него будет. Встанет на ноги, можете быть уверены. Я о нем позабочусь.

XXXIV

Строймонтажные работы по подготовке помещения под будущий цех по производству сырокопченой колбасы шли полным ходом. И хотя до окончательной готовности было еще далеко, да и с выделением средств полной ясности пока не было, я пригласил представителей «Травалини» в Москву. Они приехали втроем: коммерческий директор Пьеро Маньяни, технический директор Лучиано Джанотти и переводчик Роберто. Я показал им, как идет стройка, мы провели ревизию технологической компоновки оборудования, подготовили проектную документацию для составления контракта и представления материалов в Сельхозпромэкспорт, который должен был дать конъюнктурное заключение.

Вечером я принимал итальянцев у себя дома. Лидочка накрыла стол, мы немного выпили и продолжили начатый на заводе разговор.

– Технически никаких проволочек нет. Стройка закончится вовремя, проблем с этим не будет, – рассказывал я.

Пьеро через переводчика отвечал:

– Игорь, мы видим, что ты серьезно подходишь к делу. Наши представления о том, в каком направлении двигаться дальше, полностью совпадают. Сейчас нас сдерживает только одно – финансирование проекта.

– Ну, с деньгами пока полной определенности нет. Но процесс идет, в деле задействованы люди из Продинторга.

Название этой организации было на слуху у западных бизнесменов. Итальянцы понимающе закивали.

– Ну, если Продинторг заинтересован в реализации проекта, то можно надеяться, что скоро вопрос со средствами решится. Однако, конечно, лучше любых слов говорит подписанный контракт, – подмигнул Пьеро.

Зазвонил телефон, Лида сняла трубку.

– А кто его спрашивает? Игорь! Тебя.

– Да пусть перезвонят! – отмахнулся я.

– Это Кривенко!

Я взял трубку.

Кривенко был весел и благодушен. Накануне я послал ему коробку деликатесов, он звонил поблагодарить и просил подъехать прямо сейчас. Я зажал ладонью трубку, чтобы он меня не слышал, и шепотом объяснил итальянцам:

– Не поверите – это Кривенко, хозяин Продинторга! Зовет к себе на разговор прямо сейчас. Не знаю, что делать.

Итальянцы замахали руками:

– Езжай, мы тебя подождем!

Я помчался в Жаворонки.

Ну и усадьба! Участок, наверное, с полгектара, не меньше, огромный сруб. Жил Кривенко по тем временам просто роскошно.

– Батюшки-светы, кто к нам пожаловал, – пробасил Александр Константинович, увидев меня в дверях. – Давай пропустим по маленькой.

Он провел меня в гостиную, усадил за стол, достал бутылку виски. Мы выпили.

– Это чудесный 12-летний мягкий виски, Игорь. Такого в Союзе ни у кого нет, а у меня есть!

– Никогда не пробовал, – отозвался я. – Александр Константинович, как наши дела с сырокопченкой? Итальянцы ждут, когда начнем работать. Все упирается в деньги.

– Игорь, я же тебе говорил уже, это дело непростое и оттого не такое быстрое, как тебе хотелось бы. Одно могу сказать: я этим занимаюсь. У меня все под контролем. Как только будет возможность, тут же запущу твоё дело в оборот. Так что ты передай своим итальяшкам, что проблема будет решена.

Горячо обсуждая создание совместного предприятия и наш грядущий успех, мы прикончили 12-летний виски. Я все пытался его убедить, что это надо делать, и как можно быстрее. Кривенко достал вторую бутылку. Кажется, потом была еще одна, но это я уже помнил смутно. Обратную дорогу домой моя память не сохранила. Ввалившись в квартиру, я держался на ногах, но не без усилий. Увидев меня в таком состоянии, все ахнули. Я, с трудом ворочая языком, оправдывался:

– Этот Продинторг пьет так, что за ним не угонишься. Смертельная доза. Но вы не волнуйтесь, все отлично – пять миллионов долларов нам гарантированы!

Признаться, подробности того вечера я почти не помню. На следующий день, с трудом разлепив веки и поняв, что утро таки наступило, я с горем пополам поднялся.

Голова гудела, мозг отказывался соображать.

Выпив крепчайшего кофе, я попытался выяснить подробности вчерашнего вечера.

– Лида, это кошмар! Этот Кривенко пьет, как зверь. Укатал меня вчера до полусмерти.

– Да я, в общем-то, в курсе. Имела возможность убедиться, – усмехнулась Лида.

– А что итальянцы?

– Увидев тебя, были поражены до глубины души. Но, по-моему, главное ты до них донес – бормотал про какие-то пять миллионов.

– О боже, какие еще пять миллионов... Они хоть нормально все восприняли?

– Кажется, были рады, услышав про деньги.

– Ужас. Ничего не помню...

– Ничего, Сережка вчера снял тебя на камеру. Если захочешь, посмотришь.

Немного придя в себя, я все-таки отважился включить запись, сделанную сыном. На видео был запечатлен мертвецки пьяный человек, с трудом произносящий что-то нечленораздельное и едва держащийся на ногах.

– Ты, наверное, не помнишь, но они нас всех пригласили в Италию.

– Да? Совершенно не помню.

– Ничего, они подъедут сегодня на «Черкизово» и все тебе расскажут.

Официальное приглашение от итальянцев пришло через несколько дней, и спустя пару недель выездные документы были готовы. Лида начала собираться в поездку.

– Да что там собираться? – подкалывал ее я. – Покидали вещи в чемодан – и все дела.

Лида в задумчивости стояла перед открытым шкафом.

– Это тебе все просто: костюм надел – и вперед. А мне надо продумать, что с собой брать. Не в деревню все-таки едем.

– Ну, тебе виднее, – улыбнулся я. – Ты, главное, шкурки уложить не забудь. Разложи поровну по чемоданам.

Норковые шкурки достались мне буквально за копейки. Мы обслуживали зверохозяйство: отгружали им кости. Их продукция – шкурки норки и соболя – в Союзе не продавалась, шла целиком на экспорт. Иногда они понемногу реализовывали так называемую выбраковку – ну а что уж там на самом деле выбраковывалось, это было, как говорится, дело техники. В благодарность за сотрудничество директор зверохозяйства предложил мне купить шкурки по бросовой цене – по официальному курсу валюты – примерно по 60 копеек за доллар. И вот теперь эти шкурки надо было, во-первых, дополнительно обработать (в Союзе выделывать мех не умели – шкурки получались жесткие и тяжелые), а во-вторых, сшить из них шубу для Лиды. Пьеро Маньяни вызвался помочь.

– Единственная проблема, Игорь, – объяснял он мне, – это вывезти шкурки за границу. Давай я возьму с собой часть, а остальные ты привезешь в свой следующий приезд.

Так и договорились. Половину шкурок Пьеро увез в Италию в своем багаже, и теперь нам предстояло привезти ему те, что остались.

Лида достала из шкафа сверток, развернула.

– Ох, какая шубка будет!

Хлопнула входная дверь, квартира наполнилась голосами ребят – Скавронский привез Сережу и Женю с теннисной тренировки.

– Так, давайте умывайтесь и несите карту – будем смотреть Италию.

– А зачем?

– Скоро туда поедem!

– Здорово! – обрадовались мальчишки.

Итальянские партнеры принимали нас в Милане с распростертыми объятиями. В первый же день нас вместе с детьми привезли в офис компании «Травалини».

Глава фирмы Роберто Травалини, его брат Пауло, уже хорошо знакомые нам Пьеро Маньяни, Лучиано Джанотти и переводчик Роберто – все собрались, чтобы встретить нас. С огромной гордостью показывали они нам свое предприятие – по итальянским меркам небольшое, но великолепно организованное и очень эффективное. Сережа и Женя увидели своими глазами, как работают в Европе. Посмотрев производство, мы обсудили ход нашего проекта.

– Игорь, – сказал мне Пьеро, – у нас, как видишь, практически все готово. Всю спецификацию на оборудование мы уже передали в Сельхозпромэкспорт. Они сравнят наши цены с ценами компаний, поставляющих аналогичное оборудование, но я уверен, что проблем не будет – наши цены вполне конкурентны. Конечно, Сельхозпромэкспорт – организация непростая, мы с ними не впервые имеем дело. Могут возникнуть некоторые тонкости, связанные с их личными интересами, – Пьеро многозначительно помолчал. – Но это наши проблемы. Тебя это волновать не должно. Так что, как только решится вопрос с финансированием, можно будет начать работать.

– Пьеро, – отвечал я, – я уверен, что Кривенко этот вопрос решит. Я, конечно, в тот вечер был мертвецки пьян – ты сам видел, но ситуацию-то контролировал, поверь. Уже запущен процесс создания совместного предприятия, и, как только бумажная волокита завершится, подпишем контракт и начнем работу.

– Ну и отлично. Будем ждать, – кивнул Пьеро.

На следующий день нас повезли в Монцу, город недалеко от Милана, показать мясоперерабатывающий завод «Беретта». Встретил нас сам хозяин, сеньор Альберто Беретта – картинный, словно с киноэкрана сошел, итальянец лет семидесяти с гривой сидящих волос.

– Игорь, это предприятие с давней историей. Использует оборудование «Травалини». Наша компания сотрудничает с ним много лет, – рассказывал Пьеро.

Сеньор Альберто угостил нас бесподобным итальянским кофе и повел в цеха.

Компания «Травалини» специализировалась на климокамерах, но посмотрели мы не только этот участок, но и весь завод: сырьевое, шприцовочное отделения, другие подразделения. Именно там мне впервые показали этаж-монозавод – все этапы производственного цикла были сосредоточены на одном этаже. С таким подходом к организации производства я прежде не был знаком. Пожалуй, подумал я, этот принцип моноблока стоит взять на вооружение. Я уже бывал на высокотехнологичных итальянских мясоперерабатывающих заводах в прошлый свой приезд, а вот Лида и мальчики видели такое чудо впервые. Первокласное оборудование, безупречные инженерные сети и коммуникации – впечатлений, конечно, было море.

– Пап, вот бы и у нас так! – не без зависти протянул Сережа.

– Будет, сынок. Вот увидишь.

О Травалини сеньор Беретта отзывался восторженно:

– Успехом моего дела я в немалой степени обязан господину Травалини и его сотрудникам. Их скрупулезность и профессионализм бесподобны! Мы заказываем климокамеры только у них. Можете быть уверены – это наилучший выбор.

– Да, я посмотрел ваше предприятие – в Союзе таких просто нет, – вздохнул я.

– Я бывал в СССР. Прекрасная страна.

Он сказал много теплых слов о России – не наигранно, не стремясь угодить. Искренне восхищался Москвой и Ленинградом. Расставаясь, мы прощались тепло и сердечно, словно старые друзья.

Мы вернулись в Милан из Монцы, до вечера было еще далеко.

– Игорь, – спросил Пьеро, – куда еще вас отвезти? Может быть, хотите сделать какие-то покупки?

Я ответил, что хотел бы заказать себе костюм, а Лида – походить по магазинам.

– О, брависсимо! – одобрил идею Пьеро.

Все тут же организовали, меня повезли к портному снимать мерки, а Лида в сопровождении Вильмы, секретарши Травалини, отправилась на шопинг. Пока мы занимались своим гардеробом, заботы о Сереже и Жене взял на себя наш переводчик Роберто – они с мальчишками поехали к нему домой слушать новейшую западную музыку.

На следующий день нас ждала потрясающая экскурсия по Риму, а потом мы вылетели в Венецию.

– Под конец нашего визита Пьеро Маньяни запланировал небольшой детский шопинг. Маньяни привел нас в магазин детской одежды и объявил:

– Пусть ребята выберут себе что хотят – мы оплатим.

Женя метался от одной полки к другой, набрал охапку шмоток. Лида встревожилась.

– Женя, перестань! Хватит, неудобно! – пыталась она шепотом вразумить сына.

Пьеро заметил, улыбнулся:

– Пусть берут что хотят – не надо их ограничивать.

Лида положила руку мне на локоть:

– Игорь, ну скажи им – нельзя же так!

– Ну что ты, Лидочка. Пьеро сказал, что можно все – без ограничений. Не я же тут распоряжаюсь – пусть отрываються по полной.

Сережка, как и полагается старшему, являл чудеса здравомыслия – отлично владел собой, за разумные пределы старался не выходить, а Женька греб все подряд –

игрушки, одежду, какие-то конструкторы. Его глаза горели счастьем. Я, поколебавшись, шепнул Пьеро:

– Ты скажи, мы их остановим, если надо.

– Нет-нет, Игорь, все в порядке, – вежливо улыбнулся Маньяни. – Главное, чтобы стоимость покупок не превысила сумму нашего контракта, – пошутил он.

– Игорь, это какая-то вакханалия, – переживала Лида.

– Зато они счастливы. Вот будут хорошо учиться – потом смогут сами себе позволить такое. Пусть знают, какой может быть жизнь, и стремятся к этому.

Вернувшись в отель, дети первым делом стали разбирать обновки. Женя долго разглядывал свои покупки, а потом вдруг спросил:

– Пап, почему у них столько всего в магазинах, а у нас – нет? Почему у них так много игрушек?

Я не знал, что ответить сыну. Я и сам задавался тем же вопросом, но ответа найти не мог.

На следующий день Лида с женой Роберто Травалини поехали в скорняжное ателье. Жене Роберто совсем недавно шили там меховое мантио, и она повезла Лиду к проверенным мастерам.

– Прекрасный материал! – хозяин ателье со знанием дела осмотрел, тщательно ощупал (разве что на зуб не попробовал) привезенные Лидой шкурки. – Что-что, а вырашивать зверя русские умеют отлично. Конечно, это практически сырье, требует дополнительной обработки. Ну уж это-то мы сделаем в лучшем виде!

XXXV

Альберт Мирошников обладал невероятным чутьем и, что не менее важно, владел информацией – помимо официальных данных, которые он получал по долгу службы, он был в курсе всевозможных кулуарных слухов и кривотолков. Круг его контактов был чрезвычайно широк, он был вхож в высокие кабинеты – сведения о происходящем в стране получал практически из первых рук. На его умозаключения всегда можно было положиться. Поэтому его оценкам и прогнозам я всецело доверял. Ошибался он редко – в этом я неоднократно убеждался на собственном опыте. С ним я мог откровенно, без утайки обсудить любую проблему и рассчитывать на здравый и обоснованный совет. Ну и определенную роль в моей судьбе Мирошников, безусловно, сыграл – вытащил меня в Москву именно он.

Мы уже давненько не встречались, и я решил повидаться – пригласил его в ресторан Дома композиторов.

– Как обычно, работа не отпускала. На часах было уже четверть девятого, я безнадежно опаздывал. Набрал Петросяна:

– Эдик, привет. Мирошников уже там?

– Да, приехал только что.

– Удели им внимание, пожалуйста. Я задерживаюсь.

Примчавшись в ресторан, я рассыпался в извинениях за опоздание.

– Да о чем ты, Игорь! – понимающе кивнул Альберт. – Ты ж у нас директор, дел по горло.

Он, как обычно, был с Милой. Я принялся рассказывать о поездке в Италию.

– Представляете, мой младший как начал мести с полнок все подряд!

Мила хохотала.

– Ну еще бы! У мальчика глаза разбежались. Я бы, наверное, то же самое сделала, – мечтательно закатив глаза, проговорила она.

– Игорь, скоро XXVIII съезд партии, – сменил тему Альберт. – У меня есть два пригласительных. Думаю, тебе – да и мне тоже – будет полезно посмотреть на это вживую. Сейчас все меняется на ходу, можно ожидать любых сюрпризов.

– Альберт, спасибо. Но только с тобой. Одному мне будет как-то некомфортно.

– Нет, нет, вместе пойдем, конечно!

– Ну а как у вас обстановка в министерстве?

– Да хвастаться особенно нечем, Игорь, – Мирошников чуть нахмурился. – Симптомы все более явственные.

– Какие симптомы? – переспросил я. – Вон, в Кремль меня зовешь на съезд, значит, рычаги еще у тебя в руках.

– Это все инерция. Перспективы же довольно печальны. В бюджете денег нет, министерство утрачивает свою значимость прямо на глазах. Если раньше я дневал и ночевал на работе, с телефона не слезал, то теперь свободного

времени уйма. Даже зарплаты стали задерживать, представляешь? Чует мое сердце – структуры вроде нашего министерства доживают последние месяцы. Просто отомрут за ненадобностью. К этому все идет.

– Ну, ты же фигура известная, не оставят на улице.

– Игорь, сейчас времена не те. Я же вижу, что происходит с другими. Поверь, перспективы очень, очень туманны. Я в таких вещах не ошибаюсь.

Это верно. Ошибался в подобных прогнозах он редко. Я, во всяком случае, такого припомнить не мог.

Слова Мирошникова я воспринял как сигнал. Этот человек приложил немало усилий, помог мне в трудную минуту, и я не мог не откликнуться на его слова.

– Ну погоди, Альберт. Во-первых, тебя же еще не гонят? А во-вторых, когда у меня была сложная ситуация, я пришел к тебе. Если у тебя возникнет такая же проблема, иди ко мне! Завод встает на ноги, мы развиваемся, набираем силу. Это реальная экономика. Мы арендное предприятие. Вот здесь перспективы как раз есть.

– Игорь, спасибо за предложение. Пока дела не так плохи. Подожду, посмотрю – чем черт не шутит, может, все еще как-то выправится. Хотя, если честно, верится с трудом. Так что, когда почувствую, что крах близок, возможно, воспользуюсь твоим предложением. И сразу скажу – все вопросы с кадрами, заработной платой, соцобеспечением и так далее я смогу взять на себя. Это моя сфера, здесь я как рыба в воде, ты же знаешь.

– Альберт, буду рад! Мне надо закрыть тылы надежными людьми. Мы же ведем масштабную реконструкцию и техническое перевооружение завода. Так что профессионалы, на которых можно опереться, как воздух нужны. Кадровая политика важна сейчас как никогда.

– Вот что мы сделаем, – заговорщически подмигнув, с притворной серьезностью заговорил Альберт. – Для на-

чала зашлем туда нашего лазутчика. Милочка, готовься! Внедришься на комбинат в качестве секретного агента. Разведаш там все, убедишься, что путь открыт и никаких препятствий нет.

Мы с Милой рассмеялись шутке.

– А на съезде действительно надо побывать, – заключил Альберт уже на полном серьезе.

XXXVI

Как только открыли границы СССР, в Москву на разведку хлынули бывшие советские граждане – эмигранты, уехавшие много лет назад и давно обосновавшиеся на Западе. Нет, возвращаться они не собирались – в основном были прекрасно устроенны, адаптировались, успели обрасти деловыми связями, вели собственный бизнес, оказывали посреднические услуги. В обновляющейся стране они увидели широчайшие возможности подзаработать – теперь можно было осваивать прежде закрытый рынок России и других советских республик.

Весной 1990 года Гена Гройсман попросил меня поговорить с одним из таких эмигрантов, его давним знакомым Борисом Гореликом. Я согласился на встречу, и Борис приехал на комбинат. Он оказался простым, свойским парнем, мы сразу перешли на ты.

– Игорь, я представляю в России ряд американских компаний, в том числе «Сабвэй», – сообщил он, усевшись в кресло в моем кабинете. – Слышал о такой?

– Нет, – я покачал головой. – Не приходилось.

– Ну, еще услышишь. «Макдоналдс» знаешь?

– Ну еще бы! – ответил я. – Кто ж его не знает. Вон какая очередь на улице Горького стоит.

– Так вот. «Сабвэй» – это тоже американская сеть быстрого питания. В США по количеству точек она опережает «Макдоналдс». Я уверен, что «Сабвэй» тоже рано или поздно придет в Россию, и застолбить возможность стать их партнером было бы очень неплохо. Я могу организовать для тебя приглашение в Америку и встречу с владельцем компании. Тебе это могло бы быть интересно?

Еще бы. Мог бы и не спрашивать. Конечно, мне это было интересно. «Макдоналдс» открылся в Москве буквально только что – всего несколько месяцев назад, и это был полный триумф. На подходе к бывшему кафе «Лира» на улице Горького целый день клубилась очередь. Люди стояли по три-четыре часа, чтобы урвать кусочек красивой жизни – легендарного американского фастфуда. И уж конечно, емкость этого сегмента рынка в России не то что не исчерпана – его, в сущности, еще даже и не начинали осваивать всерьез. Все это пронеслось у меня в голове, когда Борис задал свой вопрос, но вслух я ответил только:

– Да, мне это может быть интересно.

– Отлично. Оформлением документов и виз я займусь сам, тебе ничего делать не придется. Все расходы по твоему пребыванию в стране возьмет на себя принимающая сторона. Тебе придется только приобрести за свой счет авиабилеты.

– Спасибо, – кивнул я. – Только еще одна деталь: я хотел бы, чтобы со мной полетела жена.

Вечером я рассказал о предстоящей поездке Лиде.

– Вот здорово! Неужели мы полетим в Америку? А Ларису мы можем взять с собой?

– Завтра спрошу Горелика, – обещал я.

– Да без проблем, – ответил мне Борис. – Она у тебя работает?

Я покачал головой.

– Неважно. Ну напиши, что жена – твой компаньон, а еще с вами едет технолог. Кто там будет проверять? Разговор-то он будет вести в любом случае с тобой. Мне понадобятся ваши паспортные данные, чтобы оформить официальное приглашение.

Хотя расходы брала на себя компания «Сабвэй», оказаться в Америке без денег не хотелось. Я хорошо помнил опыт Милана, когда у нас с Васковичем было всего по тридцать долларов и пришлось продавать икру, водку и фотоаппараты, чтобы разжиться хоть какой-то наличностью. Обменять рубли на иностранную валюту в то время можно было на теневом рынке; но вот как ее вывезти?

– Борис, – спросил я, – тебе в Москве рубли нужны?

– Конечно! – ответил он. – Я здесь меняю доллары на черном рынке.

– Отлично. Я передам тебе здесь рубли, а когда прилетим, ты вернешь мне доллары.

Через несколько дней я передал ему деньги, и по прилете в Нью-Йорк он вручил мне пять тысяч долларов.

Я позвонил Люсику, сообщил, что мы скоро будем в Нью-Йорке. Как же они с Ольгой обрадовались!

– Игорь! Вот это замечательно! – завопил он во весь голос, совершенно по-бабаевски.

– Слушай, мы несколько дней будем жить в отеле, а потом, если не возражаешь, на некоторое время переедем к вам.

– Конечно! Хотя сразу приезжайте, место найдем! Будем рады! Обязательно, обязательно приезжайте! – все по-

вторял Люсик, словно опасаясь, что я пропущу это мимо ушей. – В тесноте, да не в обиде!

Где-то на заднем плане слышался голос Ольги:

– Ждем, ждем! Пусть прилетают скорее!

Получив приглашение, мы купили билеты эконом-класса и втроем вылетели в Нью-Йорк.

Борис встретил нас в аэропорту и разместил в роскошном номере гостиницы «Хайат» на Манхэттене.

– Хозяин сейчас за границей, прилетит через пару дней, так что пока гуляйте, развлекайтесь, осваивайтесь.

Из гостиничного номера я звонил в Москву, общался с родными, обсуждал ход дел с сотрудниками на заводе, разговаривал с детьми. Через пару дней Борис пригласил нас в ресторан и за ужином предупредил:

– Игорь, конечно, компания покроет все расходы, но, пожалуйста, будь осмотрительнее с телефонными переговорами – они оплачиваются отдельно, и за два дня уже выставлен счет на шестьсот долларов. Мне ведь потом отчитываться. Ты ж понимаешь – богатые-то они богатые, но за копейку удавятся.

С основателем и владельцем «Сабвэя» мы встретились на четвертый день нашего пребывания в Нью-Йорке. Фред ДеЛука оказался элегантным, невероятно ухоженным итальянцем средних лет.

– Фред, расскажи, почему фирма так называется? – спросил я.

– Игорь, все просто: мои родители начинали свой бизнес с лотков в метро. Вот я и решил дать такое имя всему делу.

Мы говорили о бизнесе, он рассказал о его становлении, об истории превращения небольшого предприятия в огромную корпорацию с оборотом в миллиарды долларов, владеющую десятками тысяч торговых точек по всему миру.

Он подробно расспрашивал о бизнесе в России: хотел знать, как мы ведем дела при такой галопирующей инфляции, как отражается на инвестиционном климате нестабильность власти, как я оцениваю емкость рынка и перспективы развития сети фастфуда, интересовался предпочтениями потребителей.

– Фред, – отвечал я, – трудности, безусловно, имеются, но уже есть блестящий прецедент – «Макдоналдс». Он пользуется бешеной популярностью. Видел бы ты, сколько народу туда рвется! Интерес к западному образу жизни огромный, поэтому, я считаю, сейчас самое время для входа на российский рынок.

О том, как строит свою работу в России «Макдоналдс» и обо всех связанных с этим деталях Фред расспрашивал особенно заинтересованно. Я уловил в его тоне нотки ревности и, может быть, даже зависти к опередившему его конкуренту. Однако, как мне показалось, вплотную вопрос выхода на российский рынок он все же пока не рассматривал. Скорее, пристреливался, загодя собирал предварительную информацию.

– Игорь, я никогда не был в вашей стране, – сказал мне ДеЛука. – Мне сложно судить о том, как там можно работать.

– Но я-то всю жизнь там работаю. Я могу стать твоим партнером. Предприятие у меня практически в частной собственности, все рычаги в моих руках.

Я еще долго рассказывал об открывающихся перспективах. Но было видно, что ДеЛука далек от того, чтобы начать совершать какие-то реальные шаги. Я пригласил его в Москву, чтобы показать ему все воочию. Он отвечал уклончиво:

– Мы подумаем над этим.

Когда с деловыми вопросами было покончено, ДеЛука скользнул взглядом по белым ухоженным рукам Ларисы, ее наманикюренным ногтям и скептически протянул:

– Что-то не похоже, что это руки технолога...

Наверняка понял, что они с Лидой сестры – фамилии то одинаковые, а документы он, вероятнее всего, перед встречей с нами просматривал.

Тогда «Сабвэй» так и не пришел в Россию. Случилось это значительно позже, и я до сих пор считаю это их стратегической ошибкой. Самое благоприятное время для входа было упущено.

После встречи оплачивать наш номер в «Хайате» прекратили, и я позвонил Люсику. С ним и Ольгой мы уже делились, и не раз, в первые же дни после приезда, а теперь, выписавшись из отеля, мы на неделю обосновались у них.

Приехав на Брайтон, мы словно очутились в провинциальном российском городке. Объявления, вывески магазинов, русская речь на улицах – ну просто как дома; откровенно говоря, здесь мы чувствовали себя гораздо комфортнее, чем на Манхэттене.

Семья Люсика жила в тесноватой одноbedрумной квартирке. Да, это был далеко не «Хайат». Люсик с Ольгой уступили нам свою спальню, а сами разместились в гостиной. На ночь Лида с Ларисой устраивались на кровати, а я спал на полу. В таких спартанских условиях мы ни капельки не чувствовали себя ущемленными – Люсик с Ольгой были до беспамятства рады нашему приезду, просто с ног сбивались, чтобы гостям было уютно, и самое главное – мы были вместе с родными людьми. А это, что ни говори, куда важнее всех «Хайатов» на свете.

Местного колорита мы вкусили сполна, когда Люсик пригласил нас в ресторан «Одесса» – здесь же, на Брайтоне. Ни единого английского слова! Из-за всех столиков неслась русская речь. На небольшой эстраде пел тогда еще никому в России не ведомый Вилли Токарев. Публика подпевала своему любимцу – судя по всему, его репертуар все знали наизусть. Ресторан был забит, ощущение какой-то

эйфории носилось в воздухе. Все обсуждали Россию: пустые прилавки, разгул преступности, всякие ужасы. И без конца, рефреном: слава богу, слава богу, что мы здесь! Все пили, ели, танцевали, пели, разговаривали во весь голос, перекрикивая друг друга, отчаянно веселились, словно в последний раз.

– Так что ж ты выиграл в результате отъезда? – подкалывал я Люсика. – Вспомни свою московскую квартиру. И сравни со здешней халупой. На родине сейчас открываются такие возможности! Только руки приложить. А здесь что тебе светит?

– Игорь, возможно, ты прав. Здесь богатств я не найду. Мы, фактически, упали на самое дно. Но мы бежали из Союза, спасая сына от армии. Мне плевать на себя – я живу ради Димки. Вот окончит школу – поступит в университет. Мне, может, ничего уже и не светит, а вот он точно сможет построить нормальную жизнь.

Люсик учил язык, пытался заниматься бизнесом – присоединился как партнер к двоим своим друзьям, уехавшим из Союза немного раньше. На паях они держали два овощных мини-маркета. Особого дохода, правда, те не приносили, но Люсик не терял надежды.

Начальным капиталом для него послужили деньги, вырученные за привезенные с собой палехские шкатулки. Палехская лаковая миниатюра всегда славилась в мире, к тому же на волне интереса к России изделия русских народных промыслов пользовались тогда на Западе особенно высоким спросом. Когда Люсик с Ольгой прилетели в Нью-Йорк, с собой у них было триста шестьдесят три доллара и пара десятков этих шкатулок. Продав их, Люсик выручил шестьсот долларов. Вот и весь капитал. Хватило только на оплату двух месяцев жизни на съемной квартире. В общем, начинали они в Нью-Йорке практически с нуля.

– Эх, продешевил! – сокрушался он. – Не сориентировался поначалу. Сегодня продал бы тысяч за двадцать.

Язык давался Люсику тяжело. Учить его приходилось с азав, в школе и институте ему преподавали немецкий. Ольга же болтала по-английски уже довольно сносно, потому ей и удалось получить работу дизайнера в магазине тканей, принадлежащем иранскому еврею по имени Баба-заде.

Баба-заде пытался вовлечь меня в торговлю тканями – хотел наладить экспорт из Штатов в Россию. Расспрашивал, что и как. Я был чрезвычайно далек от этой сферы, но разговор поддерживал, не лишал его надежды, что когда-нибудь мы сделаем что-нибудь совместно. Ольга перед встречей с ее боссом попросила меня:

– Пожалуйста, продемонстрируй заинтересованность. Ты директор, человек значимый, пусть проникнется – какие перспективные у меня контакты.

Баба-заде пригласил нас на ужин в роскошный арабский ресторан, а в один из дней повез в знаменитое казино «Тадж-Махал» километрах в ста от Нью-Йорка. Вот уж действительно – город желтого дьявола! Толпы людей, швыряющих деньги направо и налево, полуобнаженные длинноногие красотки с точеными фигурами, феерическое, немыслимого масштаба шоу – ничего подобного я не то что никогда не видел, а даже и представить себе не мог.

– Знаешь, – сказал я Лиде несколько дней спустя, – все-таки хорошо, что мы не поддались на всеобщую панику и не уехали. Судьба уберегла. Теперь я ясно вижу: мне здесь делать нечего.

Однако, пока мы здесь, стоило воспользоваться теми возможностями, которые предоставлял Нью-Йорк. Меня все тянуло в роскошные рестораны.

– Пойдем, поужинаем как люди, – уговаривал я Лиду.
– Деньги-то есть.

Но она стояла насмерть.

– Ни за что! Нечего разбрасываться. Надо детям что-то купить.

И мы шли обедать в дешевые китайские забегаловки в Чайна-тауне, где за несколько долларов можно было наесться до отвала, а то и просто перекусывали на ходу хот-догом – благо, их продавали буквально на каждом углу.

О том, что Америка – страна фастфуда, царство хот-догов, я, конечно, слышал не раз, но увидев воочию, не мог не впечатлиться.

– Да о чем ты говоришь! – подтвердил Баба-заде. – У них хот-доги – практически национальная идея. Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на точку продаж.

Это какие же масштабы рынка! Я снова и снова вспоминал очередь в «Макдоналдс» на улице Горького – нет сомнений, спрос и в России будет огромный. Вот непаханое поле! С «Сабвэем», похоже, пока не складывается – ну и ладно, на них свет клином не сошелся. А вот присмотреться к индустрии хот-догов, безусловно, стоило.

Я с огромнейшим любопытством рассматривал бескрайние витрины супермаркетов – никуда не денешься, профессиональный взгляд волей-неволей останавливается на том, что тебе ближе. Качество упаковки, дизайн, уровень полиграфии – да мы по сравнению с ними живем в каменном веке! Я просто не мог прийти в себя. Поражали не только дизайн и ассортимент, но и многообразие форм, в которых товар предлагается потребителю. Особенно заинтересовали меня штучные фасованные сосиски в вакуумной упаковке – я видел такое впервые, у нас никто ничего подобного еще не выпускал.

Америка потрясла нас до глубины души. Казалось, она закручивает тебя, не дает опомниться, передохнуть, остановиться даже на мгновение. Первая моя поездка за границу, в Италию, повергла меня в шок, но то, что я уви-

дел здесь, ошеломило еще сильнее. Нью-Йорк бурлил. Все куда-то неслись с невероятной скоростью, причем не только в бизнесе – и в обыденной жизни, и в развлечениях, и в общении.

По возвращении в Москву, приехав на комбинат, я вызвал Васковича и поделился с ним соображениями насчет запуска производства сосисок в вакуумной упаковке.

– Ты представляешь, сосиски – как штучный товар! Уже расфасованные, с фиксированным весом. Насколько проще и для торговли, и для нас!

Он слушал с интересом, явно воодушевился.

– Ну так, может, прямо сейчас заняться поиском поставщиков оборудования?

– Давай действовать последовательно, – охладил я его пыл. – Вот запустим цех сырокопченки, а потом будем думать о дальнейших шагах.

XXXVII

С утра, не заезжая на завод, я поехал к Кривенко – накануне мы договорились о встрече. Он порадовал хорошими новостями.

– Вопрос создания совместного предприятия решен. Нужно подписать контракт с итальянцами.

– Отличная новость!

– Я вылетаю во Францию в командировку с министром внешнеэкономических связей. Тебе надо тоже туда прилететь и подтянуть итальянцев. Там все и подпишем. У меня будет окошко, надо в него уложиться.

Вечером я оgoroшил Лиду:

– Лидочка, на следующей неделе меня пару дней не будет – еду во Францию.

– Ого, Италия, теперь Франция...

– Кривенко все решил – надо документы подписывать.

– Париж... – мечтательно протянула Лидка. – Увидишь башню... Сфотографируйся на ее фоне.

– Если время будет. Поездка совсем короткая. Два-три дня – и обратно.

– Я бы тоже с удовольствием съездила...

– Лидусь, мне кажется, перед нами скоро откроется весь мир... Не только Париж.

– С чего такой оптимизм?

– Похоже, Тулупов прав. Все меняется стремительно. Раньше мы о загранице только из рассказов Тягачева узнавали. А теперь у меня за год – третья поездка! Тулупов верно говорит – интересные времена наступают.

В Париже мы встретились с Пьеро Маньяни и Роберто Травалини чуть раньше и в ресторан на встречу с Кривенко приехали вместе.

– А вот и наш мясной король! – провозгласил Александр Константинович, едва мы подошли к столу.

Он был не один, за столом сидели еще двое – явно не советского облика, но говорили оба по-русски. Я представил итальянцев, Кривенко познакомил нас со своими спутниками. Оба оказались выходцами из СССР. Борис Кандов – деловой партнер, Евгений Кожухов – директор дочерней компании Продинторга в Париже.

– Евгению можно всецело доверять, он будет заниматься финансовыми вопросами, – пояснил Кривенко.

Кожухов достал из портфеля отпечатанный контракт, раздал всем по экземпляру. Мы погрузились в его изучение.

Наконец текст был прочитан, стороны поставили подписи. Дело было сделано.

Кривенко обратился к Кожухову:

– Ну вот, порядок. Сделай авансовый платеж.

– Есть, Александр Константинович! – по-солдатски четко ответил Кожухов.

Кривенко пожал руку Роберто Травалини и Пьеро Маньяни:

– Господа, я рад вас поздравить. Надеюсь на плодотворное сотрудничество. Я с удовольствием вместе с вами буду присутствовать на пуске объекта.

Мы выпили по бокалу вина в честь этого события, и Кривенко поднялся.

– Прошу прощения, у меня еще несколько встреч. Времени в обрез. Всего доброго.

Итальянцы тоже вскоре откланялись, мы остались втроем. Борис Кандов задумчиво проговорил:

– Бабаев... Знакомая фамилия.

– Ну, Бабаевых много.

– Но ты ж еврей, я правильно понимаю?

– Да, из горских евреев.

– А я бухарский еврей. Из Узбекистана. То-то я слышу знакомые интонации.

– А как во Франции оказался?

– Выехал в Израиль еще в 70-е, потом перебрался в Европу. Сейчас живу в Вене, там у меня офис. Старые связи, как видишь, не растерял. Тесно сотрудничаю с Союзом. Раньше активно работали с Продинторгом, получали от них прямые заказы. Но сейчас денег в бюджете нет, многие направления схлопываются, так что переключился на Узбекистан. В основном занимаемся бартерными сделками.

Мы вышли прогуляться по городу. Борис рассказывал о жизни в Вене.

– Ничуть не жалею, что уехал. Вся моя деятельность – это купил и продал. Тем более сейчас масса возможностей заработать, скоро увидишь.

Мы зашли в обувной магазин – Борис вспомнил, что собирался купить обувь. Рассматривая выставленные на витринах модели, он невзначай обронил:

– Игорь, присмотри себе тоже что-нибудь подходящее.

Я выбрал пару, взглянул на ценник и обомлел – пять-сот долларов! Взял другую, та оказалась еще дороже – восемьсот.

– Ну и цены! Да это безумие просто!

– Игорь, позволь мне сделать тебе подарок. Выбирай, что тебе нравится.

Так я получил две пары обуви общей стоимостью тысяча триста долларов. Немыслимая по тем временам сумма для советского человека! А для Кандова это была норма жизни.

На следующее утро я вылетел в Москву.

XXXVIII

На моей памяти ни один партийный съезд в Советском Союзе не вызывал такого жгучего интереса, таких ожесточенных споров, таких яростных столкновений. XXVIII съезд КПСС открылся в Москве в июле 1990 года – уже после отмены 6-й статьи Конституции о руководящей и направляющей роли партии, после фактического раскола партийных рядов на сторонников радикальных реформ и консерваторов. Так что о привычных нудных, не несущих никакой информации выступлениях, состоящих сплошь из идеологически выверенных лозунгов, можно было забыть. Съезд обещал захватывающие сюжеты.

Мы с Альбертом приехали в Кремль за два дня до окончания работы съезда. Предъявив пропуски, прошли на свои места для приглашенных на балконе.

На сцене Дворца съездов появился Горбачев. Зал встретил его овациями.

– Ты посмотри, – шепнул мне Мирошников, – он же не чувствует под собой земли. Парит в облаках, купается в лучах славы и не понимает, что дело-то идет к развязке! Рычаги управления потеряны...

В выступлениях звучало немало критики. Одни требовали радикального обновления партии, другие возмущались очернением коммунистических идеалов и – о ужас! – священного имени Ленина. В общем, развернулась нешуточная борьба.

Но гвоздем всего действия, безусловно, стало выступление Бориса Ельцина, незадолго до того избранного председателем Верховного Совета РСФСР. Его противостояние с высшим эшелонem партийной и государственной власти набирало силу. В то время он был невероятно популярен – как ни пытались могущественные противники воспрепятствовать его восхождению, помешать его избранию главой высшего органа государственной власти России им не удалось.

Несколькими днями ранее на съезде Ельцин внес предложение переименовать КПСС в партию демократического централизма и разрешить в ней свободу фракций – по сути, это означало отказ от единой коммунистической идеологии. Неслыханная вольность по советским меркам! Его предложение не было принято делегатами, и вот, когда съезд уже приступил к выборам руководящих органов, он вновь попросил слово.

– Самоотвод, я вижу, у Бориса Николаевича, или отвод, может, не знаю, – благодушно, не ожидая подвоха, проговорил Горбачев. – Пожалуйста, Борис Николаевич.

Ельцин поднялся на трибуну.

– Долго раздумывая, я пришел к выводу... И об этом решении хотел заявить после XXVIII съезда партии. Но учитывая выдвижение сегодня моей кандидатуры в состав Центрального комитета партии, я должен сделать

следующее заявление: в связи с избранием меня председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народами России, с учетом перехода общества на многопартийность, я не смогу выполнять только решения КПСС. Как глава высшей законодательной власти республики я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я, в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС...

Его выступление прозвучало как гром среди ясного неба. Зал взорвался: кто-то аплодировал, кто-то истерически орал, кто-то возмущенно свистел. Какой фантастический контраст с привычной сонной тишиной нудных заседаний партийных съездов!

В разразившейся вселенской буре невозможно было разобрать, чего тут больше – восхищения, восторга или ненависти.

– Ты видел?! – голос Мирошникова чуть ли не срывался на крик. – Ты видел когда-нибудь что-нибудь подобное?! Игорь, ты понимаешь – мы присутствуем на историческом событии!

Все слилось в какой-то немыслимый шквал. И лишь один человек в бушующем зале был абсолютно невозмутим – сам Борис Ельцин. Не торопясь, без суеты, не делая ни одного лишнего движения, он положил партбилет на стол президиума, повернулся и твердым шагом вышел из зала. Он шел неспешной походкой победителя, уверенно развернув плечи и гордо подняв голову, а вслед ему неслись крики восторга и проклятия.

Продолжать заседание было невозможно. Объявили перерыв. Народ повалил в фойе. Вышли и мы. Ельцин возвышался над толпой, словно утес, а вокруг плескались волны обожания и негодования. Плотным кольцом его обступили корреспонденты, каждый пытался пробраться

ближе, отталкивая коллег. Микрофоны, вспышки фотокамер... Это был какой-то голливудский триумф.

– Альберт, ты только посмотри! – я вдруг заметил на лацканах у множества людей значки «Ельцин – наш президент».

– Вот тебе и демократия, – хмыкнул Альберт. – Выпустил Горбачев джинна из бутылки – теперь сам с ним не совладает.

– За что боролись, на то и напоролись, – кивнул я.

– М-да... Он еще пожалеет, что не прихлопнул Ельцина тогда, после выступления на пленуме, – предрек Мирошников. – Ох как пожалеет. Тогда еще мог. А теперь уже поздно. Теперь он набрал силу – не своротишь.

Дни КПСС были сочтены. Да разве только КПСС? В тот день стало ясно: радикальные перемены не за горами. Вся прежняя система управления неизбежно пойдет на слом. Об этом мы говорили с Альбертом, выйдя из Кремля после окончания заседания съезда.

– Ты только подумай: мы оказались на съезде именно в этот день! – ошеломленно говорил мне Альберт. – Мы видели это собственными глазами! Это же просто перст судьбы.

В ресторане, куда мы зашли поужинать, было непривычно тихо – словно все вокруг затаилось в ожидании.

– В общем, о министерстве пора забыть, – подытожил он, как только официант, приняв заказ, отошел от нашего столика.

– Мое предложение в силе, – мгновенно откликнулся я.

– Все, Игорь. Решено. Перехожу к тебе. Сдам дела, все оформлю, и через две недели жди.

– Альберт, это событие! За это надо выпить.

Ну и времена настали! Замминистра переходит на комбинат моим заместителем, и ни ему, ни мне это не кажется странным. Сказал бы нам кто-нибудь года два назад...

Приехав на завод, я поговорил с парторгом, мы с ним обсудили созыв внеочередного партсобрания.

Все члены партии собрались в актовом зале. Я вышел на сцену, в двух словах рассказал о своих впечатлениях о съезде и объявил, что не считаю для себя возможным далее состоять в рядах КПСС. Почти все присутствующие в зале последовали моему примеру. Таким образом, партийная организация на нашем заводе прекратила свое существование.

Я не стал демонстративно сдавать партбилет – ни к чему эта театральность. Он так и остался у меня – напоминанием о том, как круто подчас меняется наша жизнь. Ведь сколько усилий было приложено, сколько копий сломано, чтобы сохранить эти корочки! Какой трагедией еще совсем недавно казалась их утрата! Да не просто казалась – она ею и была. В советской стране партбилет был билетом в мир возможностей, пропуском на любую мало-мальски значимую должность. Не будет преувеличением сказать: без него ходу не было никуда. И вот в одночасье все перевернулось с ног на голову, этот драгоценный документ превратился в бесполезный кусочек картона, и я сам, собственными руками, отбрасываю его в сторону, как отслужившую свое ветошь.

XXXIX

Спустя пару недель Мила, секретарь Мирошникова, начала обосновываться на комбинате.

– Игорь Алексеевич, мне нужно все подготовить, чтобы сделать переход максимально комфортным для Альберта Михайловича, – объясняла она мне. – Понимаете, для него это сильное потрясение. Честно говоря, он очень подавлен.

Конечно, я это понимал. В одночасье превратиться из заместителя министра в заместителя директора завода – это же крушение всей карьеры! По крайней мере, на первый взгляд. Даже отдавая себе отчет в том, что грядут перемены, мы все же в полной мере не представляли себе тогда, каковы будут масштабы этих перемен. Довольно скоро станет ясно: Альберт сделал верный ход, причем очень своевременно. Но пока это было не столь очевидно.

Мирошников вошел в курс дела стремительно – не прошло и месяца, как он уже все держал в руках. Кол-

лектив принял его прекрасно – ладить с людьми он умел. Кадровые, социальные и организационные проблемы отныне стали его заботой. В этой сфере, надо признать, ему не было равных.

А проблем возникало немало. «Черкизово» преобразилось на глазах, и вкалывать ради этого приходилось не жалея сил. Я торопил строителей, чтобы как можно скорее запустить новую линию. Я понимал: люди работают на износ. Надо было поддержать боевой дух. Я вызвал Мирошникова.

– Слушай, мы движемся такими темпами! Люди падают, не разгибаясь, всю душу в работу вкладывают. Надо их как-то поощрить. Мы можем устроить какой-то праздник – для коллектива? Конечно, материальная сторона важна, но это же еще не все. Что бы такое сделать, чтобы поднять людям настроение? Не отправишь же их всех отдыхать. Давай подумаем.

– Предлагаю организовать концерт, – тут же откликнулся Альберт. – Пригласить известного артиста.

– Да, вот только актовЫй зал у нас маловат – от силы триста пятьдесят человек вместит. А у нас народу полторы тысячи.

– Игорь, сейчас в Москве все концертные площадки пустуют, можно снять любой зал.

– Альберт, мы работаем в три смены. Нам же нужно, чтобы все могли присутствовать, – рассуждал я. – Больше тысячи человек! И к тому же это не должно отразиться на производительности. Завод не может встать.

– Да, пожалуй... – задумался Альберт.

– Слушай, а может, нам организовать все прямо во дворе, под открытым небом? Сейчас лето, тепло. Вот и устроим концерт практически на рабочих местах. Остановим производство всего на пару часов.

– А что? Можно, – согласился Альберт.

– А кого позволим выступать? Кто у нас сейчас на эстраде из известных? Только, ради бога, не попа.

– Игорь, если уж звать, то такого, кого знают абсолютно все. Например, Кобзона.

– Кобзон? А что, хорошая идея. Попробуй с ним связаться.

– Да это не проблема, Игорь. Женя Меньшов все организует. Я с ним уже работал.

Альберт взялся за дело. Круг знакомств у него был чрезвычайно широк – он годами организовывал всевозможные праздники для структур министерства, так что большого труда договориться со знаменитостью о выступлении для него не составляло.

Вместе с инженерами и строителями мы осмотрели площадку перед основным производственным корпусом, где предстояло смонтировать сцену и установить музыкальное оборудование. Оформить пространство решили в стиле техно: по обеим сторонам от сцены – два крана с поднятыми стрелами, по периметру – новенькие голландские фургончики, которые мы недавно закупили для развоза колбасы. Их уже оклеили рекламой «Черкизово», так что корпоративный стиль будет соблюден.

Через несколько дней Мирошников сообщил:

– Иосиф Давыдович согласен дать концерт для коллектива комбината. Нашу компанию он знает, откликнулся с радостью. Прямо так и сказал: «Кто ж не знает „Черкизово“? Ваша реклама везде, ваша продукция везде, вы в печати, вы на телевидении... Конечно, я наслышан».

– Отлично. Начинайте готовить площадку.

– Так, а с производством что делать? – поинтересовался главный инженер Фролов.

– Что ж, давайте на время концерта остановим шприцовку и все технологические процессы за исключением термического отделения. Пусть люди отдохнут.

И вот наступил день концерта.

– Кобзон приехал, – сообщил Мирошников. – Давай зайдём в гримерку, поприветствуем.

Иосиф Давыдович гримировался, сидя перед зеркалом. Я представился.

Я впервые видел знаменитого певца так близко. Не очень высокий, плотный, крепко сбитый. Доброжелательный, ни тени звездного высокомерия.

– Я очень благодарен, что вы согласились выступить для нашего коллектива. Поверьте, это очень важно для людей.

– Мне было приятно получить такое приглашение, – ответил он. – Когда начальник заботится о подчиненных, это вызывает уважение.

– Может быть, предложить вам чаю, кофе?

– Спасибо, с удовольствием. И вашей знаменитой колбаски отведаю, но только после выступления. В день концерта я не ем – даже не завтракаю.

– Тогда не буду вам мешать.

Более тысячи человек с нетерпением ждали выступления любимого артиста, расположившись перед импровизированной сценой под открытым небом. На каждом этаже мы оставили только дежурных для контроля технологического процесса, остальные же спустились во двор. Публика выглядела колоритно: многие пришли прямо с рабочей смены в халатах, спецовках.

Иосиф Давыдович вышел на сцену. Зрители, поднявшись с мест, встретили его аплодисментами.

– Здравствуйте! – обратился Кобзон к публике. – Где мне только не доводилось выступать! Было всякое, но вот так – прямо на производстве, чтобы рядом стояла строительная техника, на сцене развешаны гирлянды сосисок, а в зале сидели зрители в рабочих халатах, – я не пел еще никогда. Я рад быть сегодня здесь с вами и с удовольствием для вас спою.

Он запел – и с тысячной аудиторией на моих глазах произошло что-то невероятное. Люди не сводили с него глаз. Кто-то подпевал, кто-то вытирал слезу. «Темная ночь», «А у нас во дворе», «До свиданья, милый город» – все эти песни они с детства знали наизусть, сто раз слышали по радио и по телевизору, но вот так, живьем, – впечатление было неизгладимое!

Кобзон не сходил со сцены больше двух часов. Зрители просто не отпускали его! Когда под занавес зазвучал «День Победы», все как один поднялись с мест и пели хором вместе с ним.

Выступление закончилось, овации стихли, Иосиф Давыдович сошел со сцены, Мирошников проводил его в гримерку. Меня обступил народ. Со всех сторон несло:

- Спасибо громадное!
- Очень здорово!
- Так душевно!
- Сам Кобзон приехал на «Черкизово» – с ума сойти!

В банкетном зале был накрыт стол. Мы пригласили маэстро перекусить.

– Хочу выпить за вас, Иосиф Давыдович, – я поднял бокал, – за ваш талант. Для меня большая честь сидеть за одним столом с легендой советской эстрады. Я благодарен вам за выступление, за ту теплоту и сердечность, которые, я уверен, ощутили все в зале.

Иосиф Давыдович оказался открытым, доброжелательным, удивил простотой в общении. С этого дня у нас завязалась дружба.

XL

Альберт, у нас постоянная нехватка людей. И основная проблема – текучесть кадров. Прошу тебя, делай что хочешь, но нужно эту дыру закрыть.

– Игорь, ты не поверишь, в чем проблема, – покачал головой Мирошников. – Я не могу оформить нового сотрудника без медицинского освидетельствования...

– И правильно, не оформляй.

– Так в том-то и дело. Люди приходят, мы готовы их принять, они идут за медицинскими справками по месту жительства – и с концами! Ты не представляешь себе, что творится в обычных районных поликлиниках. Бардак, очереди. Все развалилось, за элементарной справкой приходится месяц мотаться или платить – а у людей денег нет. Мы просто теряем время на ровном месте.

– Ну а что я могу сделать? Не буду же я сам справки выдавать. Хотя... – я задумался. – Слушай, а может быть, нам на заводе устроить поликлинику? Чтобы не приходи-

лось никуда бегать, а все делалось прямо на месте. Что там нужно-то?

– Терапевт, хирург, офтальмолог... кто там еще, – начал перечислять Мирошников. – Сейчас врачей и медсестер пачками выбрасывают на улицу. Если создать хотя бы временную собственную медчасть, мы легко ее укомплектуем профессионалами всех специальностей.

– Зачем временную? – возразил я. – Уж если делать, то нормальную полноценную поликлинику при заводе. В долгосрочной перспективе это окупится. Можем разместить всю эту богадельню на пятом этаже на месте актового зала.

– Хорошо бы еще стоматологический кабинет, чтобы, если острая боль, можно было людей оперативно в строй возвращать.

– И скорую помощь надо иметь свою. Вдруг, не дай бог, травма – городскую скорую теперь не дождешься.

– Ну, это просто. Собственную карету скорой помощи поставить здесь на дежурство – и все.

– Ты, в общем, подумай.

– Игорь, текучесть кадров связана, безусловно, с сумасшедшей нагрузкой. На комбинате же трехсменная работа. Конечно, другого выхода нет – идет реконструкция, но, чтобы остановить текучесть кадров, нужно подтягивать социальную сферу. Люди теряют громадное количество времени на то, чтобы что-то купить, решить какие-то элементарные бытовые вопросы. Медицина – лишь часть проблемы. Сотрудникам нужно иметь возможность привести себя в порядок, умыться, пообедать в нормальных условиях, принести домой продукты. В магазинах на прилавках пусто, а в залах толпы народу. Вместо того чтобы отдыхать после смены, рабочие стоят в километровых очередях.

– Давай это решать. Организуем стол заказов – будем продавать сотрудникам нашу продукцию по льготным це-

нам. Ты посмотри, что делает торговля – наценки двадцать пять – тридцать процентов! Это же безумие. А тут – и время будут экономить, и деньги. И самое главное – это исключает воровство. Будем отпускать по себестоимости – мы же на этом ничего не теряем. Альберт, у нас сейчас работают немцы – меняют агрегаты, поставляют куттеры, шприцы. Проконсультируйся с ними – пусть подберут нам хорошие компании, чтобы оборудовать и столовую, и поликлинику. Чтобы и по качеству, и по цене все было достойно.

Немцы сразу включились в работу. Приехали на завод, осмотрели помещения и подготовили проект поликлиники и реконструкции столовой. Особенно мне понравилась идея с карточками: оплачивать обеды и покупки в столе заказов сотрудники смогут безналичным способом. Осталось решить проблему финансирования проекта. И тут случай подвернулся сам собой. Мне позвонил Дживан. С ним мы были знакомы еще по Кисловодску, вместе росли, а теперь он занимался социальной сферой в ЛУКОЙЛе. Примерно год назад он пришел ко мне с просьбой помочь в обеспечении сотрудников компании продуктами, с тех пор мы снабжали ЛУКОЙЛ постоянно.

– Игорь, дорогой, ты нам так помог с продовольствием! Как тебя благодарить за все, что ты делаешь для нас?

Вот! На ловца и зверь бежит.

– Дживан, мне лично ничего не нужно. А вот на комбинате у меня есть проблема. Планирую обустроить хорошую столовую для сотрудников. Немцы разработали проект, но я никак не могу решить проблему финансирования.

Дживан приехал ко мне на комбинат вместе с заместителем Вагита Алекперова Равилем Магановым. Я показал им производство, рассказал о наших планах.

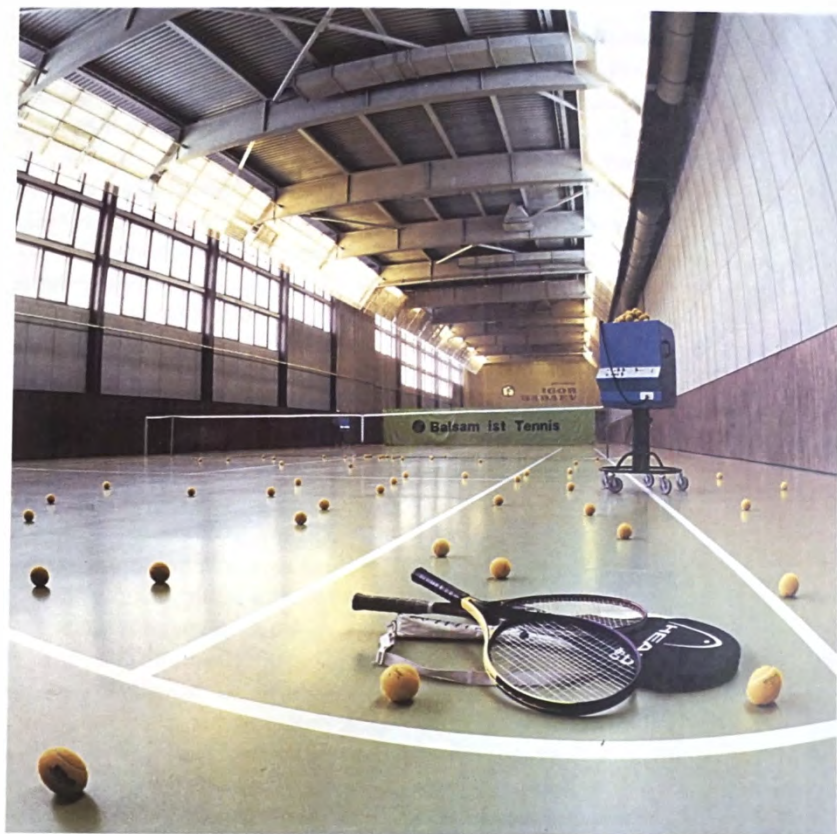
– Игорь, о какой сумме идет речь? – спросил Дживан.

– Шестьсот тысяч долларов, – ответил я.

– Мы этот вопрос закроем, – пообещал Маганов. – Это не кредитные ресурсы. Разбогатеешь – вернешь.

Четыре месяца ушло на то, чтобы открыть медицинский комплекс и столовую. Это были не просто объекты социальной инфраструктуры, они стали предметом моей особой гордости. Ультрасовременное оборудование, система безналичных расчетов – о таком можно было только мечтать. Как и задумали, мы открыли для сотрудников стол заказов, где все работающие на комбинате могли по тем же карточкам приобрести свежую продукцию завода без торговой наценки. Наличные деньги там не использовались, все расчеты осуществлялись только по нашим картам, то есть никто, кроме сотрудников, делать покупки в этом магазине не мог.

Идея создать на территории завода небольшой самодостаточный город крепко засела у меня в голове, и на этом я не остановился. Для сотрудников открыли парные, парикмахерскую. На комбинате был большой дебаркадер, куда подавались вагоны с мясом под разгрузку. Как-то я поднялся на его крышу, осмотрелся. Это же огромная площадь – ширина двадцать четыре метра, длина – сто! Да здесь три теннисных корта поместится! Я дал задание КБ сделать расчеты – сможет ли крыша выдержать необходимые нагрузки. Оказалось, здание выстроено на совесть. Рабочие взялись за дело: возвели металлоконструкции, обшили все сэндвичем, изготовили специальное литое покрытие высочайшего качества – далеко не каждый спорткомплекс мог похвастаться кортами такого уровня! При них оборудовали сауну и массажный кабинет. К административному корпусу пристроили зал с мини-футбольным полем, на котором мы организовывали турниры между цехами. В команде административного корпуса играл и я сам. Мои партнеры по теннису постепенно перебрались из Сокольников к нам – у нас условия были не то

что не хуже, чем в спорткомплексе у Симкина, а значительно лучше! Я приезжал на комбинат в шесть утра и отправлялся на корт. После тенниса шел в сауну и на массаж и к половине девятого, зарядившись энергией на весь день, был уже на рабочем месте.

Время было сложное и небезопасное. Ездить куда-то стричься или делать массаж мне было некогда, нужно было все иметь под рукой. Я создавал комфортные условия для сотрудников и, конечно, пользовался всеми этими благами и сам. Моей целью было максимально сконцентрировать людей на комбинате – чтобы не бежали сломя голову по магазинам, едва закончится рабочий день, а, наоборот, стремились сюда.

Не обошлись нововведения и без казусов.

– Игорь, народ жалуется, что дорого им обходится питание, – рассказал Мирошников.

– Ну так рассчитывать же надо.

– Да не могут они. Понимаешь, когда держишь наличные в руках, видишь реально расход денег. А когда по карточке, они тают незаметно. А потом в конце месяца бац – и крупная сумма ушла на обеды, – объяснял Альберт.

– Ну и что делать? Не можем же мы вернуть в оборот наличные! Опять воровство начнется...

– Согласен. Но надо что-то придумать.

– Смотри: карточки убрать нельзя, – размышлял я. – Кормить бесплатно мы тоже не можем. Дотировать столовую? Нет, я против дотаций. Люди должны понимать, что обед стоит денег.

– Можно удешевить обеды, если не использовать в готовке такое великолепное мясо, – предложил Мирошников. – Брать сорта пониже.

– Нет, качество снижать нельзя ни в коем случае. Я категорически возражаю. Давай объявим всем, что, поскольку обеды довольно дорогие, мы увеличиваем всем

заработную плату. Поднимать ее в любом случае нужно – инфляция-то бешеная, деньги обесцениваются прямо на глазах.

– А что, это вариант. Давай попробуем.

Работы на «Черкизово» было много. Люди вкалывали в полную силу, на время никто не смотрел. Сверхурочная работа хорошо оплачивалась, так что доходы сотрудников напрямую зависели от результатов их труда. За забором «Черкизово» найти себе применение было сложно – мясоперерабатывающие производства схлопывались одно за другим. Те условия, что мне удалось создать на заводе, помогали выдержать максимальное напряжение сил. Да, работать со мной было нелегко. Но во времена массовой безработицы и тотальной разрухи наш комбинат стал островком какой-то другой жизни. Здесь не только хорошо зарабатывали, самое главное – что здесь люди чувствовали себя людьми. Это была победа.

XLI

Все чаще и чаще на совещаниях приходилось обсуждать проблемы снабжения производства мясом. Аграрный сектор в стране практически рухнул, нехватка сырья ощущалась как никогда остро. Многие мясоперерабатывающие производства еле-еле сводили концы с концами. Поговаривали, что «Микоян» вот-вот загнется. Мы же день ото дня наращивали темпы, сырья требовалось все больше, а обеспечить его поставки становилось все сложнее.

– Игорь, а что поделаешь – все ищут, – развел руками Мирошников. – Проблемы сырьевого снабжения – бич всех предприятий перерабатывающей промышленности.

– Так в том-то и дело, – отвечал ему я. – Поэтому надо срочно искать человека, который в состоянии профессионально подойти к этой проблеме. Я не могу и дальше тащить все на себе. Нужен кто-то, кто вплотную займется

этими вопросами, возьмет их полностью на себя. Ты посмотри: у нас потребление просто громадное.

– Ну, Игорь, уж кто у нас дока в сырьевых вопросах, так это Чолокян.

– О! Это ты в точку. Свяжись с ним. Как у него обстановка в министерстве? Если бы нам удалось его заполнить, я был бы только рад.

– Мы перезваниваемся время от времени. Видно, что мается он. Но он же непростой... Птица высокого полета, для него важен статус. К нему подход нужен.

– Ну, значит, ищи этот подход. У него же огромный авторитет, обширнейшие связи. Благодаря им он пока еще может свернуть горы!

– Попробую перетянуть его к нам. Но вообще-то, мы с ним уже перекинулись парой слов на эту тему. Он спрашивал, как мне с тобой работается. Интересовался, но впрямую не напрашивался.

– Альберт, ему, конечно, решиться на переход будет непросто. Вот мы и должны ему помочь. В конечном счете это же не только в наших, но и в его собственных интересах! В общем, крути и верти, как хочешь, но чтоб Чолокян был здесь. Он нам очень нужен.

Мирошников задачу выполнил: через некоторое время Чолокян приехал к нам на комбинат.

– Георгий Георгиевич, – убеждал я его, – вот Альберт не даст соврать: он пришел ко мне и погрузился в работу так, как в министерстве никому и не снилось. Это не какая-то очередная бессмысленная контора – это реально живое предприятие. Проблем, конечно, хватает, и одна из основных – сырье. А это же ваш конек. Мы потому и приглашаем вас.

Чолокян молча слушал. Я продолжал:

– Конечно, я понимаю: заместитель директора по сырьевому снабжению – это не начальник главка. Но одно

могу гарантировать – вы будете чувствовать себя комфортно и в материальном плане, и психологически. Будете заниматься реальным делом и зарабатывать хорошие деньги. Министерство дышит на ладан, что там завтра будет – никому не известно. А наш завод – лидер мясной промышленности в Москве, прочно стоит на ногах и дальше будет только развиваться. Впрочем, это вы и без моих объяснений знаете.

Конечно, он это знал. И поэтому мое предложение было принято.

XLII

По приглашению Иосифа Кобзона я приехал к нему на дачу в Переделкино. Колесил туда и обратно по улицам и все никак не мог понять, где же его дом. Позвонил из машины:

– Иосиф Давыдович, наматываю круги по поселку, не могу найти ваш участок!

– Игорь, привет! Я сейчас выйду за калитку, встречу тебя.

Он вышел, и, только увидев его, я сориентировался.

– Иосиф Давыдович, мне и в голову не могло прийти, что это здесь! Смотрю: забор хлипкий, покосившийся, думаю – ну не может такого быть у народного артиста! А оказывается, может, – удивлялся я.

– Да все руки не доходят... – пробурчал Кобзон.

– Иосиф Давыдович, ну куда это годится! Вам и делать здесь ничего не надо. Я пришлю своих хлопцев, они тут наведут марафет на высшем уровне.

– Буду тебе очень признателен! – улыбнулся Иосиф Давыдович.

Мы вошли в дом.

– Неля, знакомься, это Игорь Бабаев – тот самый директор Черкизовского комбината, – представил он меня.

– Очень приятно, – Нелли протянула мне руку. – Вы знаете, после концерта Иосиф мне все уши прожужжал – такое впечатление на него произвел ваш завод!

– А у нас все по сей день ходят под впечатлением от того концерта!

Кобзон рассмеялся.

– Ну, к зрительским впечатлениям от концерта мне не привыкать. А вот то, что ты замутил у себя на заводе, – вот это действительно потрясающе. Кобзон познакомил меня еще с одним гостем по имени Аркадий, и потек обычный, ничем не примечательный вечер. Разговор перескакивал с одной темы на другую, и в какой-то момент Аркадий упомянул, что собирается с семьей уезжать из страны.

– Мои родственники тоже недавно уехали, – откликнулся я, просто чтобы поддержать разговор. – В Америке обосновались. Хотя жили здесь очень неплохо – прекрасная квартира, хорошая работа. Все бросили.

– Кстати, Игорь, – подключился Кобзон. – У Аркадия роскошнейшая квартира на Арбате. Если подумываешь о действительно хорошем жилье, рекомендую посмотреть.

Я взглянул на него с интересом.

– Уверяю, – продолжал он, – такого варианта ты просто не найдешь. Я живу в соседнем доме, знаю, о чем говорю. Это просто подарок судьбы.

– Мы столько лет обустроивали эту квартиру, столько сил вложили, но увы – с собой не заберешь, – вздохнул Аркадий.

Я спросил о площади.

– Сто пять метров, – ответил он.

– Я бы с удовольствием посмотрел, это может быть интересно.

Расписывая квартиру Аркадия, Кобзон несколько не погрешил против истины – в этом я убедился очень скоро. Это был дом совсем другого класса. По сравнению с ним наша добротная сталинка меркла. Самый центр, великолепное расположение, забитая антиквариатом квартира декорирована с огромной тщательностью и явно с любовью – сомнений у меня не было: я хочу здесь жить.

– Стараясь не выдать свою заинтересованность, я как можно равнодушнее обронил:

– И за сколько вы готовы ее продать?

– За двадцать пять тысяч долларов, – не раздумывая, ответил Аркадий.

– Доллары?

Я задумался. Подошел к окну. Какой вид! Передо мной текла Москва-река, на другом берегу возвышалась гостиница «Украина» – все как на ладони. Я смотрел словно зачарованный. Нет, такой шанс упускать нельзя. Я повернулся к Аркадию.

– Я не стану спорить по поводу озвученной цены. Но давайте договоримся: двадцать пять тысяч – и точка. Больше менять ничего не будем.

– Согласен.

– Когда нужны деньги?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Что ж, придется немного подождать.

– Это понятно. А что вам оставить из обстановки?

– Единственное, о чем бы я попросил, – это оставить люстры. Подобрать свет к этой квартире будет сложно, а то, что есть, смотрится очень хорошо.

– Если мы оставляем люстры, то за них возьмем еще по тысяче долларов.

Я помолчал. Сумма внушительная, но это, пожалуй, того стоит. В поисках подходящих люстр я потрачу массу времени, и еще неизвестно, сколько заплачу.

– Хорошо, люстры оставляем, – решил я.

– Нам надо будет переписать – мы к вам, а вы – к нам.

– Да, схема знакома.

– Игорь, до нашего отъезда вы можете пользоваться квартирой на 8 Марта. – Живите, пока не выгонят.

– Есть еще один момент. Я хочу показать квартиру жене.

– Пожалуйста.

Я помчался домой.

– Лида, собирайся, едем! – заявил я с порога.

– Куда? Что случилось? – встревоженно спросила она.

– Все в порядке, не волнуйся. Надо подъехать в одно место, хочу тебе кое-что показать.

По дороге я рассказал Лиде о потрясающей квартире, и уже через полчаса она увидела ее своими глазами. Все внимательно оглядев, Лида не произнесла ни слова, но в ее взгляде читался восторг.

Мы отдали документы риелтору и запустили процесс оформления обмена.

Надо было срочно добыть доллары. Я вспомнил про Гену Гройсмана. Вот кто мне нужен!

– Как дела? Еще не все спустил в рулетку? – поинтересовался я, когда мы встретились.

– Да брось ты, – усмехнулся Гена. – Отличная игра. Стресс снимает. А проигрыш – дело житейское.

– Ген, у меня к тебе дело, – я понизил голос. – Мне нужны доллары. Можешь помочь?

– Да не проблема. Сколько?

– Двадцать семь тысяч.

– Сейчас меняют один к трем. Неси рубли – получишь доллары.

Он сказал это так буднично, словно с подобными просьбами к нему обращались по три раза на дню.

С помощью Гены проблема с долларами была решена. Дальше все было делом техники. Мы стали обладателями квартиры на Арбате.

XLIII

В середине ноября у меня в приемной неожиданно появился Борис Кандов.

– Вот это да! – удивился я. – Неужто вернулся в родные края?

– Да вот, решил к тебе зайти. Думаю, ты можешь помочь в моем деле. Для тебя это будет тоже небезынтересно.

– А что за дело?

– Речь идет о бартере. Хлопок из Узбекистана в обмен на мясо. Все просто: вымениваем хлопок и продаем его моим зарубежным партнерам. Можем заработать очень приличные деньги. Я, конечно, могу и сам поставить в Узбекистан мясо из-за рубежа. Но в Союзе-то оно гораздо дешевле! Ты ведь говорил, что закупаешь мясо в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии. Можешь и на мою долю заказать?

– Давай обсудим, – согласился я. – Какой объем?

– Мне нужно десять тысяч тонн.

– Сколько? Да ты что! Это по нынешним временам огромное количество, не то что раньше. За раз такое не повернуть.

– Не имеет значения. Можно растянуть поставки во времени. Главное – перевезти именно такой объем. Это выгодное дело. Смотри: за рубежом килограмм мяса стоит один доллар тридцать центов. А ты почему сейчас делаешь закупки?

Я назвал оптовую цену в рублях.

– Так это же всего тридцать центов! – воскликнул Кандов. – Понимаешь, о чем я? С каждого килограмма мы заработаем доллар. Делить предлагаю поровну.

Я взглянул на него с сомнением.

– Погоди, Игорь. Не отмахивайся так сразу. Просто увеличь свой заказ из Прибалтики на десять тысяч тонн.

– Это ты слишком круто хватанул, Борь. Так нельзя. Такой объем надо пропускать небольшими партиями, постепенно.

– Хорошо, я согласен. Давай растянем. Главное – закрыть этот объем.

– Боря, исключительно в знак уважения к тебе – если я могу помочь, я помогу. Весь вопрос в предоплате. Поставщики на это клюнут. Сейчас средств ни у кого нет, деньги очень дорогие, громадная инфляция, в стране кризис неплатежей. Если сможешь проавансировать закупку, это сильно упростит задачу. Деньги сейчас решают все.

– Заплачу столько, сколько надо. Готовь документы, и средства мгновенно перечислят.

После визита Бори Кандова я вызвал к себе Чолокяна:

– Мы можем увеличить поставки мяса в течение четырех-пяти месяцев на десять тысяч тонн?

– Игорь, в принципе, да, но ты же знаешь: никто не готов грузить без предоплаты. Мы и так уже должны поставщикам кучу денег.

– Георгий Георгиевич, предоплата будет. Он готов авансом оплатить практически всю партию. Вы понимаете? Это же выход для нас. Мы под это дело и свою проблему с обеспечением сырьем решим!

Чолокян связался с нашими поставщиками из Прибалтики. Волшебное слово «предоплата» сделало свое дело – согласие на увеличение поставок тут же было получено.

XLIV

Виктор Антонович, к вам Игорь Алексеевич Бабаев, – доложила секретарь по селектору.

Дверь кабинета распахнулась, и Виктор Садовничий вышел мне навстречу.

– Игорь Алексеевич, рад знакомству! Прошу, проходите.

Договориться о встрече с первым проректором МГУ, на тот момент исполнявшим обязанности ректора, не составило труда: во времена тотального дефицита перед директором мясоперерабатывающего завода открывалась любая дверь.

Я приехал выяснить обстановку, чтобы сориентировать Машу перед поступлением – в этом году она оканчивала одиннадцатый класс. Своей мечты о Московском университете она не оставила, усердно занималась с преподавателями в Кисловодске. Не за горами было получение аттестата, так что пора было подумать о переезде в Москву и подготовке к вступительным экзаменам.

– Вы уже бывали в МГУ? – спросил Садовничий.

– Нет, не доводилось, – ответил я.

– О, тогда я просто обязан показать вам университет!

Кабинет первого проректора находился на девятом этаже главного корпуса на Ленинских горах. Еще только поднимаясь по ступеням широкой лестницы ко входу с монументальными колоннами, я невольно ощутил легкий трепет. Еще бы – главный вуз страны! Мечта любого абитуриента! И вот теперь Садовничий вел меня по университетским коридорам, показал огромные аудитории, знаменитые четыре колонны из цельной яшмы. Мы поднялись на лифте на самый верх, осмотрели Музей землеведения, библиотеку, ротонду с мозаичной звездой на потолке, заглянули на смотровую площадку на 32-м этаже. Я словно очутился в 50-х годах – массивная мебель из неподъемно тяжелого дерева, судя по всему, стояла здесь с самой постройки здания. Отполированные тысячами рук перила навевали мысли о связи времен и преемственности поколений.

Мы вернулись в кабинет – огромный, как зал заседаний.

– Грандиозное, однако, у вас хозяйство, – сказал я, когда мы сели у стола и нам принесли чай. – И как вы управляетесь с этой громадиной?

– Тяжело, Игорь Алексеевич, – ответил Садовничий.

– Ну а куда деваться? В нынешние времена, когда наука и образование у нас оказались, по сути, банкротом, оставаться на плаву особенно тяжело. Но мы держимся. Я без конца хожу по инстанциям – убеждаю, прошу, умоляю. Иногда удается пробить поддержку. Ну а у вас-то товар нарахват!

– Да, я еще со времен, когда был директором в Армавире, понял, что колбаса имеет поистине магическую силу.

– Сейчас, когда с продуктами везде проблемы, вы должны чувствовать себя королем.

– Ну, это вы немного преувеличиваете. Но, что правда, то правда – у меня есть возможности. Может быть, я и вам могу чем-то помочь?

– Если бы вы могли оказать помощь с организацией питания для студентов, это было бы здорово. У нас есть на территории отдельно стоящее здание. Мы давно обсуждаем эту проблему. Можно было бы в нем обустроить комбинат питания для студентов, только оно в совершенно запущенном состоянии. Там все нужно делать заново.

– Давайте посмотрим его и обсудим варианты, – предложил я. – Можно подумать о том, чтобы днем оно работало как комбинат питания для студентов и преподавателей, а вечером – как ресторан.

– Мой заместитель может прямо сейчас съездить с вами туда, и вы все посмотрите на месте.

– Конечно. Зачем откладывать?

– В дальнейшем можете решать все вопросы с ним и с заместителем по хозяйственной части – Валерий Васильевич вас с ним познакомит.

Садовничий вызвал своего заместителя Валерия Васильевича Козлова, и мы с ним поехали смотреть здание. Оно стояло на отшибе – каменное, с заколоченными окнами, явно давно заброшенное. Осмотрев его, я сказал Валерию Васильевичу:

– Я готов взять на себя восстановление этого здания. Сдайте нам его в аренду, мы проведем реконструкцию и организуем питание на льготных условиях. Я свяжу вас со своим начальником отдела капитального строительства – он будет планировать работу и руководить процессом.

На обратном пути я завел разговор о Маше:

– Валерий Васильевич, я хотел бы у вас проконсультироваться по одному непростому вопросу.

– Слушаю вас.

– У меня есть племянница. Ее отец погиб, и она мне как дочь. Она мечтает поступить в МГУ и для этого работает день и ночь. Отличница, трудяга. Мне кажется, учеба в университете ей по плечу. Но дело в том, что она родом из Кисловодска, а здесь, в Москве, конечно, планка значительно выше. Думаю, ей нужно целенаправленно готовиться к поступлению, чтобы соответствовать уровню МГУ. Подскажите, как лучше действовать, чтобы было больше шансов пройти конкурсный отбор?

– Игорь Алексеевич, какие у девочки склонности? – спросил Козлов.

– Совершенно определенно – это не точные науки, – ответил я. – Она, скорее, гуманитарий. Ей хорошо даются языки, она интересуется историей, социологией – вот такими дисциплинами.

– Ну в таком случае, полагаю, ей стоит подумать о кафедре экономической географии зарубежных стран на географическом факультете. Это весьма перспективное направление.

– Замечательно. Думаю, для Маши это именно то, что нужно.

– Я дам вам программы для поступающих по всем экзаменационным предметам и список рекомендуемой литературы. Нужно будет основательно потрудиться, заниматься индивидуально с преподавателями, чтобы подготовиться к экзаменам. Контакты преподавателей я вам тоже дам. Это наши педагоги, они принимают вступительные экзамены, так что готовить ее будут целенаправленно с учетом специфики факультета.

– Спасибо! Это было бы замечательно!

– Игорь Алексеевич, вот вы о племяннице беспокоитесь, а свои дети у вас есть? – поинтересовался Козлов.

– Да, сыновья. Девять и тринадцать лет.

– К чему-то склонности уже проявляют?

– Младший – пока сложно сказать. А вот Сережке, старшему, хорошо дается математика. Ходит в шахматную школу, делает заметные успехи. По-моему, у него талант к точным наукам. Мы и занимаемся дополнительно, помимо школы, с преподавателями. В общем, парень головастый.

– Ну так, значит, сам бог велел вашего Сережку посмотреть!

– В смысле?

– Я же курирую школы для одаренных детей. У нас при МГУ есть математическая школа. Давайте протестируем Сережу? Если потянет, можно его в нашу школу определить. Мы постоянно отбираем перспективных ребят.

– Я только за! Как это сделать?

– Подъезжайте с сыном завтра ко мне. Ему дадут тестовое задание, и по результатам мы все обсудим.

– Это было бы здорово! А что эта школа собой представляет?

– О, школа замечательная. Отбираем талантливых ребят со всей страны, иногородние живут здесь в интернате, московские ездят из дома. Для мальчишки, интересующегося математическими науками, – просто мечта. Да сейчас сами все увидите.

Козлов привез меня в школу – она располагалась в отдельном здании на территории МГУ, недалеко от главного корпуса. Я увидел мальчишек – Сережиных ровесников и постарше. Они занимались с явным увлечением, с горящими глазами.

– Валерий Васильевич, спасибо за идею! – горячо поблагодарил я. – Мы обязательно приведем сына!

Дома с нетерпением ждали моего возвращения. Я рассказал Лиде и о том, как действовать Маше, и о завтрашнем визите в школу.

– В общем, звони Ларисе и скажи, чтобы сейчас прямо там, в Кисловодске, наняла репетиторов – пусть Маша максимально вытягивает средний балл аттестата. А как только аттестат будет на руках, сразу же пусть собирается и едет сюда. Будет перед поступлением готовиться с преподавателями из МГУ уже по программе вступительных экзаменов.

А завтра бери Сережку и езжайте на Ленинские горы. Вас там ждут.

На следующий день вечером Лида рассказала: по результатам тестирования директор математической школы для одаренных детей при МГУ Дмитрий Леонардович Аббаров рекомендовал Сергея к зачислению. Я был на седьмом небе от счастья!

– Ну ты у нас молодец! – поздравил я сына. – Не подвел. Я верил в тебя, Сережка! Женя, смотри на брата и бери пример.

XLV

На исходе зимы я в составе делегации московского правительства полетел в Китай на переговоры по закупкам мяса. Лида с мальчиками оставались в Москве. Школа, в которую ходили Женя и Сережа, была в двух шагах от дома. Два дня в неделю Сережа ездил на занятия в математическую школу при МГУ. Когда старший брат отсутствовал, Лида отводила Женю на учебу и встречала после уроков – одного отпускать опасалась. В один из таких дней, когда она уже собиралась в школу за сыном, раздался телефонный звонок. Лида подняла трубку и услышала довольный Женькин голос:

– Мам, папа прислал за мной машину, я выхожу.

– Женя! – закричала Лида что было сил. – Никуда не выходи из школы! Слышишь? Я тебе запрещаю! Подойди к своей учительнице и жди меня, не отходи от нее ни на шаг!

Ее руки дрожали так, что она не попала трубкой на аппарат, и та упала на пол. Лида бегом помчалась в школу.

Рывком открыла дверь, увидела в коридоре Женю. Кинулась к нему:

– Кто тебе сказал, что папа прислал машину?!

– Какой-то дядя. Он подошел ко мне, когда я стоял с мальчиками на крыльце, – ничего не понимая, запинаясь от испуга, лепетал Женя. – Я сказал, что пойду заберу портфель, и позвонил тебе.

– Умница! Женечка, ты у меня умница! Слава богу, что позвонил!

На улице никакого дяди, конечно, уже не было.

Я вернулся через неделю.

Когда дети легли спать, мы с Лидой долго обсуждали произошедшее. Она раза три в мельчайших подробностях пересказала мне все. Вывод напрашивался пугающий – это была попытка похитить ребенка.

XLVI

Весна и начало лета 1991 года были богаты событиями. Монтаж итальянской линии сырокопченых колбас близился к завершению. Начальник нового цеха Сергей Рыжов, которого я недавно принял на работу, оказался парнем дельным. Освоился он быстро, буквально дневал и ночевал на заводе. Дел у него было по горло – день пуска линии неумолимо приближался. Новый цех – мое детище, моя гордость, первый проект, полностью выстроенный с нуля, – поражал воображение. Это был качественно иной уровень культуры производства.

– Ну что, Сережа, мы готовы к пуску? – спросил я.

– Готовы, Игорь Алексеевич! – не без гордости отпарентовал Рыжов. – Пробная партия прошла, все безупречно.

На торжественное открытие линии я пригласил Кривенко, Тулупова, Пантелеева, итальянцев, представите-

лей московской торговли. Прессы было море. Мы продемонстрировали гостям весь производственный цикл. На следующий день о нас написали едва ли не все газеты, прошли сюжеты по телевидению и радио. В общем, пуск нового цеха наделал немало шума.

Что ж, эту свою мечту я осуществил. На очереди были другие.

Вскоре после оформления документов на квартиру на Арбате маклер Андрей, который помогал мне со всеми обменами жилплощади, рассказал:

– В этом доме есть люди, которые готовы съехать. Здесь много коммуналок, их можно расселить. Если тебе интересно, могу этим заняться и подобрать варианты.

– Знаешь, – ответил я, – хорошо бы присоединить соседнюю квартиру.

Через неделю Андрей принес мне несколько предложений по соседним квартирам, жильцов которых он готов был расселить.

– Если удастся договориться со всеми, то получится целый стадион – триста квадратных метров, – резюмировал он.

Я выслушал его спокойно, но в глубине души понимал: отделаться от этой мысли я уже не смогу. Не терпелось вновь заняться любимым делом – рушить старое и строить новое. Я дал согласие, и Андрей взялся за работу по расселению соседних квартир.

Как-то прекрасным весенним воскресным утром я сидел за рулем новенькой BMW 7-й серии с самым мощным на тот момент 12-цилиндровым двигателем. Таких машин в Москве были единицы. Рядом со мной сидела Лида, сзади Сережа с Женей и охранник.

Мы ехали с утренней пробежки из Тимирязевского парка. Я, по случаю выходного, в спортивном костюме, небритый – вид, прямо скажем, был не слишком презента-

бельный. К тому же стоило мне разочек утром не побриться – меня легко можно было принять за чеченца.

На Яузской набережной меня остановил милицейский патруль. Я затормозил у обочины, опустил стекло. Подошел милиционер, попросил предъявить документы.

– Оружие есть? – спросил он, неторопливо разглядывая права.

Сзади сидел вооруженный охранник. Я вызывающим начальственным тоном протянул:

– И оружие есть...

И вот тут всю неторопливость с мента как ветром сдуло. В мгновение ока он рванул ручку двери, выволок меня из машины, ударил лбом о капот и заломил мне руки за спиной. Одновременно трое его сослуживцев вытащили с заднего сиденья охранника, дали ему по зубам и разоружили.

– В машину! – заорал мне мент.

– Никуда не пойду! – рявкнул я в ответ.

Над ухом грохнул выстрел.

– Следующий – в висок! – прорычал мент.

Лида в истерике выскочила из машины.

– Умоляю! Едем! Я поеду с тобой!

Меня запихнули в ментовскую девятку, Лида села рядом. Машина тронулась. Второй мент плюхнулся за руль моей BMW и поехал следом. «Кто это? – лихорадочно размышлял я. – Бандиты? Что у них на уме? Как действовать?» Когда мы подъехали к отделению милиции, я немного успокоился. Значит, не бандиты, просто подпитые менты. Перегаром от них несло за версту.

В отделении меня спросили, кто я такой. Услышав, что задержанный – директор Черкизовского мясокомбината, дежурный переменился в лице, вскочил и умчался вверх по лестнице. Начался переполох, и через пару минут я беседовал с начальником.

– Вы что себе позволяете? Где эти суки?! Я этого так не оставлю!

– Игорь Алексеевич, успокойтесь! Да слава богу, что все хорошо закончилось. Живы – вот что главное!

– Ничего себе! Где эти сволочи?! Они же пьяны!

– Насчет того, что они пьяны, вы ошибаетесь. Это мои лучшие люди, они после дежурства. Поехали отдыхать.

– Да от них перегаром несло!

– Сегодня прошла информация, что вооруженные преступники угнали точно такую же BMW из правительственного гаража. Ну погорячились парни, бывает...

– Что значит «бывает»? – рассвирепел я.

– Хорошо, что вы не стали сопротивляться, – устало проронил начальник отделения. – А то они вас прям там положили бы, и не было бы у нас этого разговора.

Я еще долго бушевал, пытаюсь добиться, чтобы ментов-беспредельщиков призвали к ответу.

– Игорь Алексеевич, – успокаивал меня начальствующий мент. – Ну чего вы добьетесь? Ну предадите это недо-разумение гласности, а что в результате? У меня и таких-то – по пальцам перечесть. Это еще одни из лучших. Немало правонарушителей задержали. Я вам советую забыть про эту историю.

В конце концов я плюнул, обматерил их всех на чем свет стоит и уехал.

Сережу и Женю просто трясло. Нам долго еще не удавалось их успокоить. Первые пару часов они не могли ни говорить, ни плакать – только смотрели огромными, расширенными от ужаса глазами и вцеплялись в меня мертвой хваткой. В тот день они впервые столкнулись с тем, что у нас на родине называют беспределом.

После этого случая я, не откладывая, решил вопрос с мигалкой, и с тех пор за нами всегда следовала машина сопровождения с двумя вооруженными охранниками

с удостоверениями МВД. Это продолжалось больше десяти лет – до 2004 года, когда началась борьба с мигалками и в прессе стали появляться статьи о том, что мясной король отваливает тонны колбасы за спецсигнал.

XLVII

Цех сырокопченой колбасы молотил в полную силу, выдавая расчетные пять тонн в сутки. С Женей Кожуховым, который занимался финансированием проекта через дочернюю компанию Продинторга в Париже, мы подружились и поддерживали отношения. Он часто бывал в Москве. В один из его приездов я рассказал ему о своих планах запустить на комбинате линии мортаделлы и мини-салями и попросил совета:

– Жень, как ты думаешь, как среагирует Кривенко, если я приду к нему с предложением профинансировать новый проект?

– В принципе, это вариант, – ответил он. – Но знаешь, я бы на твоём месте сначала попробовал связаться с Совфрахтом – у них дочерних компаний гораздо больше, чем у Продинторга.

Мои сотрудники быстро собрали информацию о всесоюзном объединении «Совфрахт». Оно входило в струк-

туру министерства морского флота и размещалось во внушительном министерском здании в самом центре – на Рождественке, напротив Детского мира.

Я встретился с председателем Совфрахта Вадимом Леонтьевичем Шутовым, рассказал ему об опыте сотрудничества с Продинторгом и предложил по аналогичной схеме совместно создать цех мортаделлы и мини-салями на Черкизовском комбинате. Его это заинтересовало.

– Игорь Алексеевич, вы приехали к нам очень вовремя, – заметил он. – Как раз сейчас в Москве в командировке наш представитель в Голландии. Я вас с ним познакомлю.

Он бросил несколько слов секретарю по селектору, и вскоре в кабинет вошел высокий подтянутый человек.

– Лев Николаевич Кудрявцев, – представил его Шутов. – Он возглавляет нашу дочернюю компанию в Голландии. Если Совфрахт даст согласие создать совместное предприятие, то финансирование будет возложено на него.

Я пригласил Кудрявцева на комбинат. Он увидел собственными глазами цех сырокопченых колбас – небольшой, но великолепно оснащенный, европейского уровня; какой-то совершенно не российский островок в нашей тогдашней все еще почти советской мясоперерабатывающей промышленности. Я рассказал, что мы продолжаем сотрудничать с итальянцами, уже разработали документацию по производству мортаделлы и мини-салями, и показал ему этаж, где шли общестроительные работы по подготовке к технологическому монтажу.

– В ближайшие три месяца мы будем готовы принимать оборудование, – резюмировал я. – Главное сейчас – найти средства на финансирование проекта.

Позже, уже в моем кабинете, за чашкой чая, мы разговаривали о спорте, социальных вопросах, и выяснилось, что его сын Слава увлекается теннисом.

– О, так я вам сейчас такое покажу! – воскликнул я. – Пойдемте.

Мы поднялись на крышу дебаркадера, и нашему взору открылись три теннисных корта.

– Только что построены! Наша гордость! – похвастался я. – Самое лучшее покрытие, все по высшему разряду! Будет время – приезжайте, поиграем.

Кудрявцев был впечатлен. Вернувшись в Совфрахт, он доложил Шутову, что предприятие на ходу, развивается, так что стоит подумать о заключении контракта.

Председатель Совфрахта оказался человеком весьма осторожным. Моих заверений ему было недостаточно. Он связался с Кривенко, навел справки обо мне, о комбинате, о том, как складывалось наше сотрудничество с Продинторгом, запросил документы об организации совместного производства, и его сотрудники тщательно их изучили. Александр Константинович не подвел – дал самые лестные отзывы, расписал все в лучшем виде. Поговорил Шутов и с Тулуповым; его авторитет был высок – как-никак, ставленник Ельцина, – так что слово его много значило. Сельхозпромэкспорт, с которым Совфрахт тесно сотрудничал, тоже дал самые положительные отзывы.

По приглашению Пьеро Маньяни мы с Львом Кудрявцевым съездили в Италию, посмотрели производство мортаделлы и мини-салями на заводе «Юнибон» в городе Модене неподалеку от Болоньи.

По возвращении Кудрявцева в Москву Совфрахт принял положительное решение о создании совместного предприятия, и дело закрутилось с максимальной скоростью. Теперь сомнений не было: линии будут пущены в кратчайшие сроки.

Каждое утро перед совещанием я отдельно обсуждал с Чолокяном вопросы закупок мяса.

– Игорь, на сегодняшний день мы живем, и довольно неплохо! – торжествовал Георгий Георгиевич.

Его восторги были вполне оправданы: огромная предоплата, которую нам удалось провести благодаря Кандову, позволила перекрыть черкизовские долги и проавансировать будущие закупки, и это давало нам преимущественное право на бесперебойное снабжение комбината сырьем в то время, когда большинство предприятий были катастрофически неплатежеспособны.

– Да прям уж, не перегибайте! – улыбнулся я.

– Я нисколько не преувеличиваю. Он же, решая свою проблему, фактически спас нас! Слава богу, мясом мы зашарились, сделали довольно приличный задел и вопрос с Кандовым почти закрыли. На следующей неделе в Узбекистан уйдут последние двадцать вагонов, и дело сделано.

– Отлично! Значит, с сырьем у нас временная передышка. Гора с плеч.

– До поры... – невесело проронил Чолокян.

– В каком смысле?

– Игорь, во-первых, у нас основные поставки сейчас идут не из России – из Белоруссии, Украины и Прибалтики. Но надолго ли это? Судя по всему, в стране все движется к какой-то катастрофе. Рухнут связи – и деньги не помогут. А на сырье от отечественных поставщиков рассчитывать трудно: все разваливается, государственной поддержки нет, идет прямое уничтожение сельского хозяйства.

– Неужели все так безнадежно?

– Игорь, скоро сырье будет просто негде брать. Я же езжу по хозяйствам, смотрю, что и как. Ты бы видел, в каком состоянии сейчас убойные заводы! Разруха полная! Они все обсеменены, это просто рассадник заразы.

– Что вы предлагаете?

– Нам надо начинать самим обеспечивать себя сырьем. Предлагаю рассмотреть вопрос о строительстве собствен-

ных убойных заводов на базе животноводческих хозяйств и свинокомплексов. Покупать действующие совхозы, которые еще на плаву. Они наделены землей, и там можно построить современные предприятия. Аграрный сектор, конечно, рушится на глазах, но не может же быть, что его угробят вконец! Не верю я, что возьмут и полностью оставят животноводство без господдержки. Оно всегда было дотируемым, это же продовольственная безопасность страны!

– Георгий Георгиевич, я даже не знаю, что вам сказать... – проговорил я.

– Игорь, ты же практически реконструировал Черкизовский завод. Сегодня это современное предприятие, – ответил Чолокян. – Так что строительство таких же современных убойных заводов, которые обеспечат нас качественным сырьем, – вполне закономерный следующий шаг. Причем строить их нужно в ближнем Подмосковье. Всегда будем сидеть на свежем охлажденном мясе, а не пылесосить непонятно что по стране, да и за рубежом.

XLVIII

В один из дней, когда я приехал в МГУ инспектировать строительство ресторанчика, меня огоршил Валерий Васильевич Козлов.

– У нас намечается поездка учеников по обмену в американскую школу «Чоут Розмари Холл». Я включил Сергея в список. Летом он поедет на стажировку, – сообщил он. – Правда, была небольшая проблема: в «Чоуте» учатся ребята с четырнадцати лет, а Сереже только будет тринадцать. Я поговорил с руководством школы, и на короткую стажировку они дали согласие.

– В Америку? – я не поверил ушам.

– Ну конечно.

– Но как же он поедет? Один? – это не укладывалось в голове.

– Вы не волнуйтесь, – усмехнулся Козлов. – Схема отработана. В группе двенадцать человек, с ними полетит директор школы Дмитрий Аббаров. Сережа самый млад-

ший, так что Дмитрий за ним присмотрит особо. От вас требуется только одно – купить билет туда и обратно.

Вечером я рассказал новость Лиде и Сережке. Радости не было предела. Впрочем, до вылета времени еще оставалось достаточно, можно было съездить отдохнуть.

Испанская компания, у которой мы закупали белковую оболочку, не раз приглашала меня посетить свой завод: наш комбинат был у них одним из самых крупных клиентов и они всячески старались поддерживать и укреплять дружеские связи. И вот наконец я нашел время для поездки. Испанцы сообщили, что рады будут принять меня вместе с семьей.

Гостеприимные хозяева забронировали нам номер в пятизвездном отеле Hostal De La Gavina в Коста-Браве – их предприятие находилось неподалеку.

Мы впервые оказались не просто за границей, а на фешенебельном европейском курорте – словно на другой планете. Как это отличалось от привычного советского номенклатурного санатория! Сами принципы, подход к организации отдыха – просто небо и земля. Совсем другая атмосфера. Одно слово – воздух свободы.

На следующий день после приезда нас повезли на завод. Производство располагалось в старом неказистом здании. Я объяснял сыновьям, что представляет собой белковая оболочка.

– Она производится из натурального сырья, – рассказывал я. – Это спилки с внутренней части шкуры крупного рогатого скота. Из этого сырья получают коллагеновый белок. Его выдерживают в чанах в кислой среде, потом щелочью нейтрализуют кислоту, перерабатывают полученную массу, воздействуя на нее различными химическими реагентами. После этого из нее формируют оболочку нужной формы. Этот процесс называется «экструдирование». В эту оболочку на мясоперерабатывающих заводах и шприцуются колбасный фарш.

– Но ведь можно же делать оболочку просто из целлофана? – спросил Сережа. – В магазинах много такой колбасы.

– Конечно, можно, – кивнул я. – И целлофан гораздо дешевле. Только есть разница: целлофан – синтетический материал, несъедобный; он непроницаемый, а белкозин – это белок. Он состоит полностью из натурального сырья, и он пористый, дышащий – то есть максимально приближен к натуральной оболочке, которую колбасники традиционно использовали веками. У нас люди с детства привыкли, что самая лучшая колбаса – та, что в натуральной оболочке. Поэтому мы и покупаем белкозин – колбаса в нем продается гораздо лучше.

– Но оболочку же не едят? – спросил Сережа. – Тогда какая разница? Вкус-то от нее не зависит?

– Ну, во-первых, белкозин съедобный, – улыбнулся я. – Но даже если его не есть, вкус от него тоже зависит. Мы же обрабатываем колбасу дымом – и сквозь поры в белковой оболочке он проникает внутрь, колбаса получается ароматная, с привкусом дымка.

– Пап, ну здесь же грязно, – удивлялся Женя.

Завод действительно казался очень старым. Похоже, здесь так и работали уже десятки лет по одной и той же технологии, ничего не модифицируя, не вкладываясь в переоборудование.

– Это тяжелое производство, – ответил я сыну. – Ты посмотри, сколько здесь всякой химии – кислоты, щелочи, еще множество разных соединений. А на выходе они получают отличный товар, который везде востребован. Вот так и делают деньги.

Всегда, когда выдавалась такая возможность, я старался показывать детям, как устроено производство. С малых лет они получали представление о том, что такое промышленное предприятие, наблюдали за работой оборудования,

заглядывали в огромные чаны, задавали вопросы. Это было обязательным элементом моего воспитания.

По дороге с завода нас привезли в фамильный замок владельцев бизнеса – древнее строение, обнесенное высокой крепостной стеной. Поросшая мхом каменная громада с узкими окнами-бойницами навевала мрачные мысли. Но стоило ступить на порог, как впечатление полностью менялось. Роскошь интерьеров ошеломляла: золото, лепнина, резьба. В крошечной католической молельне горели свечи. Нам показали портретную галерею – про каждого из запечатленных на холсте предков хозяину было что рассказать. В голове не укладывалось: как это – жить практически в музее?

– А здесь никто из нас и не живет, – усмехнулся наш собеседник. – Все ветви семьи собираются в этом замке по торжественным случаям. Это – воплощенная история нашего рода.

Несколько дней мы провели на море. На пляже в Коста-Браве нас ждало своего рода потрясение: довольно много женщин, ничуть не смущаясь, загорали топлесс. Сказать, что для нас тогда это было в диковинку, – ничего не сказать. Женя был изумлен:

– Пап! Ну они же голые!

Никто, кроме нас, никакого внимания на обнаженных соседок по пляжу не обращал. Женька не растерялся – вооружившись подаренной Леной Тягачевым видеокамерой, с помощью зума наснимал целую кассету.

Потом нас свозили в Барселону – один из самых удивительных в мире городов, архитектурное чудо.

Под конец поездки нас пригласили в Севилью на корриду. Принимавшая нас аристократическая семья относилась к цвету здешней знати. Коррида для них – не просто развлечение, это традиционное священное действо, ну и, конечно, чрезвычайно значимое событие светской жизни.

Пока владелец компании показывал нам город, его супруга куда-то исчезла. Оказалось, что она отправилась в отель, чтобы подготовиться и переодеться в приличествующий случаю костюм. Увидев нашу спутницу при полном параде, мы обомлели: роскошное вечернее платье в пол, бриллианты – она словно на прием в королевский дворец собралась!

Перед началом действия наши спутники познакомили нас с героем дня. Тореадор в расшитом золотом, украшенном кистями парадном костюме церемонно раскланялся. Грациозный, статный, великолепно сложенный, он будто сошел с балетной сцены.

– Это знаменитый тореро, наша гордость, один из самых титулованных в стране! – объяснили нам.

Мы пожелали ему победы.

Мы, как почетные гости, разместились в специальной ложе. Богато украшенный балдахин защищал от палящего солнца.

И вот коррида началась. Бык носился по арене, его раззадоривали, втыкая в загривок бандерильи – украшенные перьями короткие копыя. Когда несчастный гигант был уже достаточно, по мнению устроителей, разъярен, зазвучали фанфары и на арену вышел тот самый тореро, с которым нас только что познакомили. Публика бесновалась от восторга. Да, наши спутники нисколько не преувеличили. Трибуны встретили его таким ревом, что сомнений не оставалось: этот парень – всеобщий кумир.

Размахивая мулетой – красным плащом, одной стороной закрепленным на палке, – тореадор принялся дразнить быка. Подпускал как можно ближе, злил, провоцировал на атаку. Трибуны бушевали.

Разъяренный израненный бык пронесся вплотную к человеку, их разделяли буквально сантиметры. От ужаса захватывало дух, но тореро каждый раз успевал усколь-

знуть в последнее мгновение и тут же, торжествующе воздев руки, поворачивался к трибунам. Публика приветствовала своего любимца неистовым ревом. Сцена повторялась вновь. Страсти накалялись. В какой-то момент тореадор помедлил буквально долю секунды – и эта доля секунды стала роковой. Бык молниеносно метнулся в сторону, поднял человека на рога и отшвырнул, как тряпичную куклу. Зрители зашлись криком. Поединок был остановлен, окровавленного тореадора вынесли с арены на носилках.

Мы поднялись и направились к выходу. Мне было не по себе. Да, безусловно, традиции надо уважать, в чужой монастырь со своим уставом, и так далее, и так далее... Я понимал, что для севильцев это праздник, но твердо знал: я присутствовал на корриде в первый и последний раз. Смотреть, как издеваются над животным, а человек реально рискует жизнью ради развлечения, мне, мягко говоря, удовольствия не доставляет.

Уже за ужином мы узнали, что спустя несколько часов после боя искалеченный тореадор умер в больнице.

XLIX

В конце июня, сразу после школьного выпускного вечера, в Москву приехали Лариса и Маша. Люда пока оставалась в Кисловодске с Анной Григорьевной. Лариса обещала ей, что к Новому году заберет их с бабушкой сюда, и Люда буквально считала дни – так не терпелось ей тоже оказаться в столице.

Школьный аттестат был получен, Маша с головой погружилась в занятия с репетиторами. Все в доме, казалось, было подчинено ее распорядку. Лида и Лариса ходили на цыпочках, Сережа и Женя тоже прониклись серьезностью момента и старались лишний раз не шуметь, и только Линда носилась по квартире как ни в чем не бывало, будоража всех звонким лаем.

Время неумолимо шло, Сереже пора было готовиться к отъезду. До самого последнего момента мне не верилось, что сын улетает – один, за океан, на край земли! И вот в середине июля мы поехали провожать его в Шереметье-

во. Моя служба безопасности обеспечила проход через все кордоны – меня пропустили и через таможенную, и за линию паспортного контроля. Это было неслыханно! Лиде с Женей, к сожалению, пришлось остаться ждать меня у стойки. Прощаясь с сыном, Лида так плакала, словно им предстояла разлука не на пару месяцев, а на долгие годы.

Я же прошел с Сережей в салон самолета, сам посадил его на место. От волнения темнело в глазах. Я ловил себя на том, что просто физически не могу повернуться и уйти, оставив Сережку здесь. Казалось, у меня сердце вынимают из груди. Я снова и снова давал ему наставления, говорил какие-то необязательные слова – тянул время, не решаясь отпустить своего мальчика. Вдруг как-то особенно остро резанула мысль: первый раз в жизни он будет праздновать день рождения не с нами, вдали от семьи. Как же так? Мы же всегда ему такое торжество закатываем! Накатил страх: что я делаю? В какую Америку? Он еще совсем ребенок!

С горем пополам взяв себя в руки, я обнял сына.

– Ну, Сереженька, родненький, счастливо тебе долететь, – проговорил я с напускной бодростью, но голос дрожал.

– Как он? – встревоженно допрашивала меня Лида, когда я вернулся к ним с Женей. – Нервничает? Место у него удобное? У иллюминатора? А рядом кто сидит?

– Лидусь, по-моему, мы с тобой нервничаем гораздо сильнее, чем он сам, – попытался я успокоить ее, но сердце все же было не на месте.

Уже стоя за стеклом на втором этаже, мы с замирающим сердцем смотрели, как задраивают дверь, как медленно буксируют самолет к взлетной полосе, как он набирает скорость и отрывается от земли...

– Вот так... – глотая слезы, проговорила Лида, идя рядом со мной к машине. – Не успеешь оглянуться – и они улетают.

Настала пора вступительных экзаменов в МГУ. Когда приходил очередной День Икс, переполох в доме начинался с раннего утра. В университет Машу провожали, как в бой, каждый раз с нетерпением ждали ее возвращения и тут же засыпали вопросами, стоило ей войти.

Экзамены были благополучно сданы, оставалось дожидаться решения приемной комиссии. В день, когда на факультете должны были вывесить списки поступивших, в доме никто себе места не находил. И вот, наконец-то, звонок в дверь!

Никому даже спрашивать ни о чем не пришлось – Маша так сияла, что все было ясно с первого мгновения.

– Я в списках! – торжествующе закричала она, едва ступив на порог.

В ответ раздалось многоголосое «Ура!».

Что тут началось! Женька прыгал от восторга. Смех, крики, суматоха! Все кинулись обнимать героиню дня.

Вернувшись вечером с комбината, я поздравил племянницу.

– Молодчина! Отлично поработала – и вот результат!

L

Хозяйственные связи внутри Союза рушились, достать мясо у отечественных производителей стало практически невозможно – поголовье скота таяло на глазах, мясо приходилось собирать малыми партиями, что было экономически невыгодно. Да и цена была ощутимо выше, чем у импортного сырья. Значительные объемы поступали из-за рубежа – из Европы, Америки, Канады. Нарождающийся российский рынок среагировал мгновенно: появилось множество контор-посредников. Они работали вчерную, правдами и неправдами уходя от оплаты таможенных пошлин. Иметь с ними дело у меня душа не лежала, но деваться было некуда. Формально говоря, мы при этом никаких законов не нарушали – противоправной деятельностью занимались именно посредники, а не их клиенты, но все равно от сотрудничества с такими сомнительными партнерами было не по себе. Тем более что Георгий Георгиевич был суперпрофессионалом и ви-

дел: поставками сырья из-за рубежа сегодня занимаются случайные люди, рвачи, абсолютно не разбирающиеся в качестве мяса, но обладающие недюжинным коммерческим даром. Они были зациклены на одном – как бы побыстрее и попроще срубить денег. Любой ценой.

– Эти конторы «купи-продай» завозят мясо в обход таможи, 15-процентную пошлину не платят. Делят между собой, что-то достается таможенникам – думаю, небольшая часть, максимум три-четыре процента, может, пять, а львиную долю – себе в карман. Да что я тебе рассказываю, ты все это не хуже меня знаешь! – Чолокян махнул рукой. – Так зачем нам мараться, связываясь с барыгами?

– Ну да, – кивнул я. – Это же, в сущности, бандиты. Непонятно, как с ними разговаривать в случае конфликта.

– Вот именно! Лучше выйти напрямую на нормальные компании, аккредитованные в России, работающие вбелую. Учитывая наши объемы, они дадут нам специальные цены, и эта скидка фактически скомпенсирует нам таможенную пошлину.

– И здесь есть гарантированная ответственность поставщиков, – добавил я. – В этом случае можно говорить о качестве.

– Я знаю такие компании, – заключил Чолокян. – Одну из них я уже пригласил на завтра.

На следующий день Чолокян вошел в приемную вместе с тремя канадцами.

– Оксаночка, – улыбнулся он секретарю, – Игорь Алексеевич у себя?

– Да-да, Георгий Георгиевич, пожалуйста, проходите. Он вас ждет.

Чолокян представил мне своих спутников:

– Игорь, знакомься: Тим Чизхольм – владелец канадской компании «Чизхольм». Джеф Ралли – коммерческий директор, Нейтон – представитель компании в Москве,

он неплохо говорит по-русски и поможет нам в общении. У них уже есть опыт работы по госзакупкам в СССР, теперь сотрудничают с Россией.

– Тим, – Чолокян повернулся к канадцу, – расскажите, пожалуйста, о деятельности вашей компании.

Тим кратко представил свою фирму:

– Канада занимает лидирующие позиции в поставках свинины и говядины на международном рынке. Основное направление деятельности нашей компании – поставки свинины из Канады, но мы также занимаемся поставками мяса – и свинины, и говядины – по всему миру: из Южной Америки, Европы, Австралии, Новой Зеландии и так далее. Я был бы рад видеть вас в нашем головном офисе в Торонто, с удовольствием покажу вам наши предприятия.

– Спасибо, Тим, – поблагодарил я. – Я обязательно воспользуюсь вашим приглашением. Ну а сегодня вы у нас в гостях, поэтому предлагаю вам ознакомиться с нашим заводом, а после этого мы продолжим разговор.

– Игорь, – обратился ко мне Чолокян, – попроси Мирошникова, пусть покажет им завод. Валера Кудрявцев договорился еще об одной встрече, с представителем французской компании, он сейчас подъедет. Мне нужно его принять и привести к тебе.

Валерий Кудрявцев, которого упомянул Чолокян, был его заместителем, руководил отделом по поставкам сырья. Энергичный, очень контактный, он во многом помогал Георгию Георгиевичу.

Я вызвал Мирошникова и вручил гостей его заботам, предупредив, чтобы после экскурсии он провел их в банкетный зал, а мы с Чолокяном подойдем позже.

Чолокян через несколько минут вернулся в кабинет вместе с человеком, внешность которого не оставляла сомнений в его происхождении.

– Ну нигде дело не обходится без наших братьев! – хмыкнул я.

– Не без этого, – с улыбкой ответил незнакомец.

Он представился Дмитрием Цирюльниковым. Это был высокий, грузный, очень общительный парень лет тридцати пяти. Я предложил ему сесть, и Дмитрий начал рассказ:

– Мой шеф, Аркадий Гайдамак, уже давно осел за рубежом, но в последнее время в связи с событиями в стране довольно успешно ведет дела с Союзом по различным направлениям бизнеса. Одно из них – торговля, которой занимаюсь я. Мы осуществляем различные поставки, в том числе и мяса. Работаем с компанией «Сокопа» – это мощная корпорация. Франция – лидер в Европе по свиноводству. Я думаю, Аркадий пригласит вас посетить тамошние заводы, чтобы вы могли оценить масштабы этой компании.

– Дима, – попросил гостя Чолокян, – расскажи Игорю Алексеевичу о ваших возможностях финансирования поставок.

– Да, Аркадий с Иванишвили учредили банк «Российский кредит».

– Что ж, это очень интересно. Мы с этим банком не работаем, но кредитование, банковское обслуживание – одна из серьезнейших проблем. Думаю, нам есть о чем поговорить, Дмитрий, но прежде чем предпринимать какие-то действия, я должен познакомиться с вашим шефом.

Дмитрий отвечал:

– На следующей неделе шеф будет в Москве. Я обязательно поставлю вас в известность, и мы договоримся о встрече.

– Отлично, жду вашего звонка.

Мы с Чолокяном вернулись к канадцам. Мирошников уже угощал их нашими деликатесами, и они горячо обсуждали увиденное.

– Я надеюсь, вам удалось все осмотреть.

Тим кивнул:

– Масштабы очень впечатляют. И, насколько мы успели заметить, у вас грандиозные планы – кругом идет строительство.

– Да, мы сегодня по объему производства товарной продукции – номер один в России, – отвечал я. – Сейчас занимаемся расширением ассортимента, совместно с итальянцами оборудовали цех по производству сырокопченой колбасы, готовимся к пуску новых линий – мини-салами и мортаделлы. И это далеко не предел: в ближайшее время мы будем перерабатывать в месяц до десяти тысяч тонн сырья.

– Игорь, надо сказать, я поражен. Это просто какой-то вулкан! – восхищался Тим. – Такого здесь, в Союзе, мы еще не видели.

Пора было переходить к делу.

– Тим, на каких условиях вы осуществляете поставки? – спросил я.

– Это предоплата в той или иной форме. Нам нужны банковские гарантии.

Я ожидал такого ответа.

– Я поясню, как работаем мы: сейчас ситуация в стране сложная, сумасшедшая инфляция и деньги очень дорогие. А получить гарантию западного банка – это вообще утопия. Поэтому речь может идти только о поставке мяса на консигнацию. Вы можете определить какой-то лимит – например, в пределах миллиона долларов. А потом револьверно пойдет оплата. Завод практически частный. Я взял его в аренду и отвечаю за свои действия. Поэтому гарантом в данном случае могу выступать только я. Вы видите предприятие, которое мы создаем, вы видите меня лично. Либо доверяйте, либо у нас ничего не получится. Решение за вами.

– Игорь, я говорю о европейской и американской практике, – отвечал Чизхольм. – Да, действительно, обычно мы работаем под гарантии серьезного банка, репутация которого у нас не вызывает сомнений. Но, учитывая ситуацию в России, мы пойдем вам навстречу. Мы готовы рассматривать и другие варианты помимо банковских гарантий, например, хотя бы частичную предоплату.

– Тим, – я покачал головой. – К сожалению, это невозможно. Только на консигнацию. Иначе переход от посредников к вам напрямую просто теряет смысл. Они поставляют нам сырье на консигнацию минимум на месяц, и для нас это условие имеет решающее значение.

– Ну хорошо, – ответил он. – Давайте с чего-то начнем. Пусть это будет небольшая сумма, но по мере роста объемов мы будем увеличивать масштабы кредитования.

– Спасибо за понимание, – улыбнулся я. – Поверьте, Тим, приобрести такого мощного потребителя, как мы, для вас гораздо выгоднее, чем иметь дело с сотней мелких клиентов. Наш комбинат вы видели. Убедились, что масштабы огромные, что мы реально платежеспособны. Это и есть моя гарантия оплаты. И я прошу вас определить объем поставки, которую вы можете сделать с учетом постоплаты. А потом уже мы запустим револьверный метод регулярной оплаты. То есть фактическим кредитором выступите вы. Других вариантов нет.

Ребята из «Чизхольма» переглянулись. В их взглядах читалось сомнение.

– Игорь, мы в России на таких условиях еще никогда не работали. А все-таки реально ли для вас получить гарантию банка? Это же общепринятая международная практика.

– Тим, на Западе – да, соглашусь. Но у нас, в условиях дикого рынка, когда только зарождаются элементы рыночной экономики, об этом даже не приходится гово-

рять. Поверьте мне: получить такую гарантию невозможно, но даже если получишь – цена будет запредельная. Вы же понимаете – первоклассный западный банк в этой ситуации попросит гарантию российского банка, и стоимость будет расти как снежный ком. Все эти затраты лягут на нас, мы этого просто не потянем. То, что в порядке вещей за рубежом, у нас здесь пока не работает.

Немного поразмышляв, Тим шутливо-торжественно произнес:

– Что ж, в таком случае банковской гарантией для нас будет господин Чолокян.

Мы все рассмеялись, но предложение было дельное. Я ответил:

– Для меня Георгий Георгиевич – непререкаемый авторитет, я ему всецело доверяю.

– Мы с Чолокяном знакомы давно, – подхватил Тим, – еще с тех пор, когда сотрудничали по поставкам для госрезерва. Нам будет приятно вновь работать с ним.

– Георгий Георгиевич, – объявил я. – Я предоставляю вам полную свободу – договаривайтесь, работайте. Все, что от меня требуется, я готов выполнить.

Мы распрощались с канадцами, и Георгий Георгиевич пошел их провожать.

Спустя некоторое время мне позвонил Мирошников.

– Игорь, у тебя есть минутка? Можешь зайти ко мне?

– Конечно, Альберт.

– Игорь, тут вот такая деликатная вещь, – начал Альберт, когда я зашел к нему. – Георгий Георгиевич не решается обратиться к тебе с просьбой о сыне. Ты же его знаешь – он человек гордый. Сам ни за что не попросит. А парня надо пристроить. Ты ведь помнишь Андрея? Он уже кандидат наук. Правда, занимается молоком – ну и что? Войдет в курс дела. Давай зайдём к нему, заведи разговор сам.

– Альберт, меня уговаривать не надо, я абсолютно согласен.

Мы с Альбертом вместе зашли в кабинет к Чолокяну – он был напротив кабинета Мирошникова.

– Георгий Георгиевич, могу я обратиться к вам с просьбой? Вашего сына я знаю давно, помню еще мальчишкой – его же привозили отдыхать в Анапу. Давайте заберем его сюда. Нам скоро запускать цех мортаделлы и минисалями, а возглавить его некому. Пусть Андрей берет это на себя. Для него такой переход вполне закономерен. Образование есть, творческое начало есть – я не сомневаюсь, справится. Да вот прекрасный пример: Сережа Рыжов начинал на комбинате практически с нуля – теперь руководит цехом сырокопченых колбас.

– Игорь, огромное спасибо тебе за предложение! Оно как нельзя кстати. Я уже голову сломал. Мается парень...

– Георгий Георгиевич, даже продолжать не надо. Пусть приходит, все решим. Войдет в коллектив и будет работать.

Вскоре Андрей уже осваивался на комбинате. И дело было не только – и даже не столько – в том, что я хотел помочь Чолокяну. Проблема с кадрами действительно стояла очень остро. Реконструкция шла такими стремительными темпами и в таких грандиозных масштабах, что квалифицированных, профессиональных людей катастрофически не хватало. К тому же наступали новые времена, мир менялся на глазах, поэтому я делал ставку на молодежь.

Через пару недель секретарь сообщила мне о звонке Димы Цирюльникова.

– Дима, здравствуй!

– Игорь Алексеевич, как и обещал – сообщаю: шеф сейчас в Москве и готов с вами встретиться.

– Дим, пожалуйста, – я готов. Можно встретиться у меня на заводе – покажу ему здесь все.

– Игорь Алексеевич, да не надо ему ничего смотреть. Поверьте мне. Ну представляете – то он смотрит ГОК, то металлургический завод, то еще что-то. Когда на комбинат приезжает профессионал – ему это интересно. А Гайдамак настолько от этого далек... Для него достаточно, что я в курсе. Этим занимаюсь непосредственно я. А вот конкретно договариваться о поставках и финансировании нужно напрямую с Аркадием. Я думаю, что он пригласит в ресторан или к себе в гостиницу.

– Хорошо, Дим. Но имей в виду, я с 6 утра и до 9 вечера на заводе. Так что лучше, если это будет поздно вечером. Готов подъехать и поговорить.

– Хорошо.

На следующий вечер я подъехал к гостинице «Метрополь», которая только что открылась после пятилетней реконструкции и поражала своим ослепительным великолепием.

Аркадий снял самый большой и, по-видимому, самый дорогой номер люкс.

Усадив меня за накрытый в номере роскошный стол, Гайдамак немного рассказал о себе:

– Я занимаюсь всем, что может приносить доход, – металлургией, недвижимостью и так далее. Россия сейчас открывает такие возможности! Не воспользоваться ими – просто преступление. Дима – мой родственник, брат моей жены. Я ему полностью доверяю, с ним можно решать все вопросы. Мы осуществляем обширные поставки и имеем хороший оборот. Ну а помимо этого мы вместе с Иванишвили учредили банк «Российский кредит». Я тебя с ним познакомлю. Под мою гарантию мы можем обсуждать финансирование контракта. Игорь, у нас основные поставки мяса идут из Франции. Можем съездить туда и на месте убедиться в качестве сырья.

– Конечно. Я готов в любое время.

– Договорились. Тогда Дима сообщит дату, и мы с тобой все детали обсудим уже в Париже.

– Что ж, Аркадий, я готов сотрудничать. А как тебе Россия? Ты же давно здесь не был?

– Да, почти двадцать лет. Сейчас это страна больших возможностей. Да, все рушится на глазах, но именно в мутной воде, как правило, и водятся большие деньги. Россия меняется. Сейчас покажу тебе, какой она стала.

С этими словами Аркадий встал и распахнул двери в соседнюю комнату. Моим глазам предстала невероятно красивая картина: на огромной кровати лежали четыре совершенно голые девушки.

– Послушай, Аркаш, ты что с ними сделал? Усыпил, что ль? Они же в полной отключке. Они вообще живы?

– Все нормально, – ухмыльнулся он. – Девчонки порезвились, развлеклись, теперь отдыхают...

Через несколько дней после нашей встречи Аркадий Гайдамак, как и обещал, познакомил меня со своим партнером – соучредителем «Российского кредита» Бидзиной Иванишвили.

Банк располагался на Садовом кольце. Историческое здание было отреставрировано и выкрашено в зеленый цвет. И когда только успели – удивлялся я.

Бидзина – щуплый, небольшого роста – говорил с заметным грузинским акцентом.

– Игорь, я рад, что ты с нами. Думаю, ты не пожалеешь о своем решении сотрудничать. Можешь на нас рассчитывать.

В парадном зале был накрыт стол. Белоснежные ска-терти, изысканная посуда, столовое серебро – принимающая сторона демонстрировала чудеса гостеприимства. Вышколенные официанты в безупречных костюмах ловили каждое движение Иванишвили.

За обедом Бидзина рассказывал:

– Игорь, мы прошли тяжелейший путь. Начинили с продажи вычислительной техники. Первыми привезли в СССР персональные компьютеры, заработали хорошие деньги, и это позволило нам развернуться. Спасибо Аркадию – он помог нам обеспечить капитализацию, необходимую на старте, когда мы решили создать банк. Для меня очень важно, что Аркадий выступает гарантом. Мы готовы финансировать закупки для Черкизовского завода.

LI

Погожим августовским утром после традиционного обхода в мой кабинет влетел Альберт Мирошников.

– Включай телевизор! Быстрее!

Я щелкнул кнопкой и услышал голос диктора: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127/7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу...»

– Вот это да! Горбачева, получается, сняли?! – я ошеломленно повернулся к Альберту.

– Похоже на то...

Диктор зачитал заявление: члены Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР сами себя назначили руководителями страны.

Передача закончилась, я вскочил.

– Да что они несут? Он же здоров как бык!
– Здоров не здоров, а каша, судя по всему, заварилась нешуточная.

Вечером у себя в кабинете я включил программу «Время». На экране диктор Вера Шебеко с опрокинутым лицом, почти не поднимая глаз от бумаги, траурным голосом зачитывала обращение ГКЧП. Потом пошли новости. Я ушам не мог поверить: введение чрезвычайного положения, ограничение перечня выпускаемых газет, ввод в Москву военной техники – танков, бронетранспортеров и боевых машин пехоты. И вдруг – репортаж с московских улиц: толпы людей, молодые ребята, взбравшиеся на танки, солдатик, отвечающий кому-то из москвичей: «Конечно, не буду стрелять!», человек, кричащий в камеру: «Это наша власть, мы ее выбрали, нам есть что защищать!». А потом – Ельцин на танке читает толпе у Белого дома обращение к гражданам России.

После программы «Время» пошел повтор прошедшей днем пресс-конференции ГКЧП.

Я смотрел на Янаева – самопровозглашенного президента страны, пытающегося сместить Горбачева, на лица этих людей – лица уходящей эпохи, и думал о том, что никто не в силах остановить время и повернуть его вспять. Время этих людей безвозвратно ушло. Страна стремительно менялась. Вроде и название пока еще было прежнее, и руководитель, хоть и назывался теперь президентом СССР, оставался все тот же, но остро ощущалось: мы стоим на пороге кардинальных перемен.

С комбината я поехал не домой, а на Арбат – забрать Лиду из нашей новой квартиры, где вовсю шел ремонт. До дома я доехать не смог: на подходе к Арбату с Садового кольца машина уперлась в баррикаду. Поперек улицы были развернуты троллейбусы и автобусы, громоздились мусорные баки, шины и бог знает что еще. Я вышел из ма-

шины и пошел пешком. Водитель остался ждать, чтобы отвезти нас с Лидой домой на 8 Марта.

Едва войдя в квартиру, я кинулся к окну.

– Лида, ты видела, что происходит? Я еле до тебя добрался – кругом баррикады!

– Игорь, что это все значит? Война?

– Борьба за власть.

Наша квартира на Арбате оказалась в самом центре событий. Мы вышли на балкон. Белый дом – здание Верховного Совета страны – окружала многотысячная толпа.

– Ой, Игорь, что же будет?! – переживала Лида.

– Пойдем погуляем! – предложил я.

– Куда, Игорь?! Там же опасно!

– Да брось, я только что шел пешком, там обычные люди! Я никакой агрессивности не заметил. Наоборот, такое впечатление, что на праздник собрались.

Мы шли по улицам, перегороженным баррикадами, запруженным толпами людей. Что удивительно – не ощущалось ни тревоги, ни уныния. Уже стемнело, и вокруг жгли костры, грели чай, кое-где играли на гитарах, пели. Время от времени кто-то начинал: «Ельцин – наш президент!», и многоголосая толпа дружно подхватывала. Мы просто кожей чувствовали какой-то невероятный подъем и воодушевление. Люди словно заряжались друг от друга уверенностью, видели, как их много, и понимали – ничего с ними никто не сможет сделать. Они будто праздновали победу – ее предчувствие буквально витало в воздухе.

Утром 20 августа, приехав на комбинат, я зашел в кабинет к Альберту.

– Ничего у них не выйдет, – с ходу заявил я. – Я сам видел это море людей. За Ельцина народ. Против народа не попрешь.

– И правда много людей? – переспросил Мирошников.

– Да ты что! Альберт, я же там был вчера поздно вечером, почти ночью – все на моих глазах происходило! Люди за Ельцина готовы насмерть стоять – выстроились цепью вокруг Белого дома, не пропустят войска.

– Невероятно!

– Альберт, а поехали туда сейчас! Это же не представишь, пока сам не увидишь. Поразительное ощущение – когда история делается у тебя на глазах!

– Точно, поехали. Это ж всю жизнь потом будем вспоминать, детям рассказывать.

– Слушай, их там тысячи. Всю ночь стояли и сейчас остаются. Нужно отправить туда машины с хлебом и колбасой.

Я дал распоряжение отвезти к баррикадам продукты, фургоны быстро загрузили колбасой и хлебом и отправили. Мы с Альбертом сели в машину и тоже поехали к месту событий – к Белому дому, конечно, водитель нас не довезет, ну встанет где-то поблизости.

Километра два мы прошли пешком и в конце концов оказались у одной из баррикад на пути к Белому дому. Вчера ночью, когда мы с Лидой ходили здесь, все казалось не вполне реальным, каким-то призрачным, словно сон, – ночная тьма все окутывала мистической пеленой. Теперь же, при дневном свете, я увидел эту огромную воодушевленную толпу как бы заново – и снова испытал потрясение.

– Игорь, смотри! – Альберт ткнул меня в плечо.

В нескольких метрах от нас стоял фургон с символикой Черкизовского комбината. Водитель и экспедитор споро раздавали колбасу и хлеб, народ толпился вокруг, расхватывая провиант.

– Спасибо, спасибо!

– Вот молодцы, что приехали! Это хорошее подкрепление!

– У-у-у! Колбаска!

– Ребята, супер! Вот это кстати!

Мы с Альбертом молча стояли в сторонке и не могли сдерживать улыбки.

Да, ничего не скажешь – ощущение было неопишное. Никакие фотографии, никакой телерепортаж не сравнится с личными впечатлениями. Чтобы понять, что там творилось в те дни, надо было быть там, дышать этим воздухом. И, я уверен, ни один человек, побывавший в той ликующей толпе, не забудет об этом никогда в жизни.

В те дни где бы я ни находился – на заводе или дома, – у меня постоянно был включен телевизор. Разве можно было хоть что-нибудь пропустить? Борьба за власть в стране шла полным ходом. Ельцин издал указ о переподчинении президенту РСФСР органов союзной власти, в том числе силовых структур. Россия создала временное республиканское министерство обороны. Члены ГКЧП Язов и Крючков, которые руководили главными силовыми структурами страны – вооруженными силами и КГБ, стягивали в Москву все новые подразделения. Безоружные люди становились на пути военной техники. В ночь на 21 августа в таком противостоянии погибли три человека. Именно ночью с 20 на 21 августа в событиях произошел перелом – высшее руководство Минобороны СССР предложило министру Язову вывести войска из Москвы и объявить ГКЧП незаконным. Ранним утром 21 августа армейские подразделения, введенные двумя днями ранее, покинули Москву.

Это был крах. Члены ГКЧП решились на переговоры с Горбачевым и вылетели в Крым. Всего несколько минут не хватило группе сотрудников МВД, чтобы арестовать их прямо у трапа самолета. Когда они прибыли в аэропорт, самолет с путчистами уже взлетел. Горбачев с мятежниками говорить отказался. Через пару часов после Янаева

с подельниками в Форос вылетели вице-президент РСФСР Александр Руцкой и премьер-министр Иван Силаев. Вместе с ними Горбачев вернулся в Москву.

Мы с Лидой замерли у телевизора: Горбачев в сопровождении автоматчиков неуверенной походкой спускался по трапу самолета. Усталый, непривычно домашний, в какой-то трикотажной кофточке, какой же разительный контраст он составлял стоящему на танке Ельцину – поистине народному герою!

– Все, Лида. Ельцин теперь наш президент. Уверю тебя, Горбачев уйдет. Ельцин сейчас на коне. За ним народ!

Путч провалился. 22 августа мы наблюдали с балкона, какой умопомрачительный концерт закатили для защитников Белого дома рок-группы. «Рок на баррикадах» – под таким названием вошел он в историю. На следующий день по Москве прокатились победные митинги. Тысячи людей шли по улицам, размахивая трехцветными российскими флагами. Придуманный еще Петром I триколор планировалось сделать официальным флагом РСФСР после выборов президента России. Но события августа 1991 года превратили его в символ страны. В день окончания противостояния, 22 августа 1991 года, когда войска покинули город, Ельцин издал указ об учреждении нового флага России.

ЛII

Привыкнуть к тому, что старший сын уехал так далеко от дома, да еще и так надолго, было трудно.
– Как там Сережка наш... – то и дело вздыхала Лида.

– Да, неизвестно, – кивнул я. – Отправили сына на другой край земли – и даже позвонить некуда.

– Игорь, как бы с ним связаться? Узнай у Козлова, может, есть какой-нибудь телефон.

На следующий день я заехал к Валерию Козлову на Ленинские горы обсудить детали проекта и спросил про Сережу.

– Валерий Васильевич, жена мне просто покоя не дает, очень переживает. Неужели нельзя хоть куда-то позвонить или передать Сергею, чтобы он нам сам позвонил?

– Игорь Алексеевич, не волнуйтесь. Полетело двенадцать человек, ребята по пятнадцать-шестнадцать лет, Сережа младше всех. Я Дмитрия Абрарова просил о нем

максимально позаботиться. Он его персонально опекает, можете не сомневаться. Дмитрий – парень очень ответственный. Я с ним регулярно общаюсь, вот вчера он звонил. Говорит, они вместе с Сережей смотрели по телевизору путч, Сережа волнуется за родных, просит узнать, все ли у вас в порядке. Я их успокоил, конечно. Так что передайте жене – все у них хорошо. К тому же они оба теннисисты, Абраров прекрасно играет, так что им там есть чем заняться в свободное время.

Лиду слова Валерия не очень-то утешили, но делать было нечего.

– Остается только ждать, – вздохнула она.

И вот долгожданный день возвращения Сережи настал. Встречали его в Шереметьево Лида и Женя. Я, как всегда, с раннего утра уехал на комбинат.

В аэропорту Лида с замиранием сердца вслушивалась в объявления. «Совершил посадку рейс номер... из Нью-Йорка», – раздалось наконец из репродуктора.

– Мама, ну где же он? Почему не идет? – у Женьки уже не хватало терпения.

– Сейчас, сейчас, – успокаивала его Лида. – Надо немножко подождать. Он должен пройти паспортный контроль, получить багаж, а потом еще таможня.

Время тянулось бесконечно. И вот в проходе среди пассажиров появился Сережа. На ходу внимательно оглядел толпу встречающих, увидел мать и брата. Кинулся на встречу чуть ли не бегом.

– Сыночек, родненький! Как же мы соскучились! – Лида обняла сына. По щеке ее покатились слеза.

– Мам, ну ты что? – улыбнулся Сережа. – Я же вернулся!

– Это я от радости. Тебя так долго не было!

По дороге домой Сережа говорил без умолку: об Америке, о школе, о ребятах, с которыми познакомился, о том, как

праздновали день его рождения. Лида расспрашивала его без устали – ей хотелось знать все до мельчайших деталей. Под занавес, рассказав о своем житье-бытье за океаном, Сережа сделал многозначительную паузу и выдал главную новость:

– Ну а в конце нашей стажировки двум ученикам выдали приглашение на годовое обучение. В том числе и мне.

– Что ты говоришь?! – переспросила Лида, словно не расслышав.

– Меня пригласили на обучение в Америку.

– Тебя?! В «Чоут»?

– Да, мам. Сказали, что, когда мне исполнится четырнадцать лет, дадут возможность учиться год. Бесплатно.

Лида в растерянности откинулась на спинку сиденья. Переварить такое известие было непросто.

Вечером, не успев я войти в квартиру, мне навстречу бросился Женька.

– Сережку пригласили учиться в Америке!

Видно, ему не терпелось первому сообщить потрясающую новость.

– Что-что? – переспросил я. – Жень, не выдумывай, пожалуйста.

– Ничего он не выдумал! – Сережа выскочил в прихожую вслед за братом. – Действительно, пригласили!

– Подожди, подожди, – я обнял сына. – Дай хоть на тебя посмотреть!

Всего два месяца – а как повзрослел! Вот что значит самостоятельная жизнь.

– Ну давай, рассказывай. Как это – учиться в Америку?

– Из всей нашей группы по итогам стажировки отобрали двоих лучших и предложили провести в школе год бесплатно, – стал рассказывать Сережа. – Но только нужно дождаться, когда мне исполнится четырнадцать.

– Сережка, это же потрясающий успех! Оказаться одним из двоих лучших! Ты у нас молодчина!

– Пап, как ты думаешь – ехать мне? – буднично, словно о чем-то повседневном и совершенно обычном, спросил Сергей.

– Сереж, это здорово. Такую возможность упускать нельзя. И у тебя как раз будет время подтянуть язык. Тебе же, получается, нужно будет туда приехать осенью следующего года?

– Да, первого октября начинаются занятия.

– Значит, успеешь подготовиться.

Прерывисто зазвонил телефон. Межгород. Лида ответила и, поздоровавшись, позвала меня:

– Игорь! Иди скорей! Отец звонит!

Сердце дрогнуло: Хаво? Я схватил трубку.

– Папа, здравствуй!

– Игорь, привет! Я завтра прилечу на несколько дней в Москву.

– Как мать? Что-то случилось? – встревожился я.

Отец не оставлял Хава ни на день.

– Нет, нет, все терпимо. Просто появились неотложные дела в Москве. Все подробности завтра. Как вы там?

– Да все хорошо у нас. Вот, Сережа сегодня прилетел из Америки.

– Сережка прилетел? Здорово! Завтра мне сам все расскажет!

На следующий день я послал за отцом машину во Внуково. Водитель привез его сразу к нам.

– Лидочка, принимай гостинчик из Кисловодска, – прямо с порога протянул он Лиде увесистый баул. – Забежал перед отъездом на рынок. Помидоры, зелень – в Москве таких днем с огнем не сыщешь.

– Ой, большое спасибо! – обрадовалась Лида. – Какие запахи! С ума сойти!

Когда я вернулся с комбината, Лида показывала отцу квартиру. Он с интересом осматривался.

– Неплохо! А я вот надумал свою двушку на Новаторов обменять. Хороший вариант подыскал – на Фрунзенской. Потому и примчался срочно – тянуть нельзя, уйдет. Быстро все оформлю – и сразу назад.

Я спросил о матери. Отец помрачнел.

– Совсем сдала, Игорь. Ходит с трудом, все больше лежит. Или сядет где-то в уголке, глаза закроет – вид отрешенный, словно она уже не здесь. Витает в воспоминаниях. Почти не ест. Уколы, катетеры... При ней медсестра круглые сутки – их двое, сменяют друг друга. Ну и мы все, конечно, глаз с нее не спускаем.

– Пап, может, перевезти ее в Москву? Здесь все-таки медицина посильнее.

– Да нет, Игорь, все возможное и невозможное делается. Возраст, никуда не денешься... Никакая медицина от старости не спасет. Да к тому же сколько горя на нее свалилось! Это ж какие силы нужны, чтоб такое пережить!

– Да уж... Мало кому столько бед выпадает. И как она вынесла это все, непонятно.

– Одно слово – горянка, – проронил отец.

Мы помолчали.

– Как Валя? – спросил я.

– От матери не отходит, – ответил он. – Всю душу вкладывает.

– Спасибо ей от меня лично передай, пожалуйста.

Отец с пристрастием расспрашивал Сережу об Америке.

– Да, это вы меня поразили! Подумать только – внук уже совсем взрослый парень, самостоятельный – за границу поехал учиться! Один, без старших!

– Дед, он скоро вообще на год туда уедет! – похвастался успехами брата Женя.

– Да что ты говоришь? – удивился отец. – Ну дела!

За разговорами вечер пролетел незаметно, отец засобирился к себе на Новаторов.

– Да оставайся, пап, – предложил я. – Переночуй у нас. Что ты там будешь делать? Квартира пустая стоит сколько времени!

– Нет, – отрезал он. – Это не по-хозяйски. Надо съездить, посмотреть, что и как.

– Ну ты хотя бы до моего дня рождения в Москве побудешь? – спросил я. – Тут осталось-то всего ничего – пара дней.

– Конечно.

Отец распрощался и уехал на Новаторов.

31 августа мы праздновали мой день рождения. Гвоздем вечера стало поздравление Сергея, которое он произнес по-английски, чем, конечно же, произвел на всех неизгладимое впечатление. Я внимательно выслушал его речь, а когда он закончил, сказал:

– Мне очень приятно слышать поздравление от тебя на английском. Но мы ничего не поняли, поэтому прошу – теперь скажи все-таки по-русски.

Отец засмеялся, Сережка заулыбался:

– Пап, я очень тебя люблю. Спасибо тебе за поддержку, за то, что ты делаешь для меня. Я буду рад оправдать твое и мамино доверие и в жизни хочу быть похожим на тебя.

Он говорил – и мое сердце таяло. Сережа заметно повзрослел, возмужал. Он на глазах превращался в самостоятельного человека. Надо же – как стремительно летит время! Кажется, еще вчера я учил его стоять на лыжах, держать в руках теннисную ракетку, а сегодня мой сын уже делает первые шаги во взрослую жизнь! Лучшего подарка ко дню рождения я не мог и пожелать.

На душе было тепло. Я смотрел на гомонящих родственников и радовался: значит, все не зря. Я сумел поза-

ботиться не только о своей семье, но и о родне, все получалось вполне складно.

Я взглянул на отца – он сиял. Его переполняла гордость за внука, за меня, за всех нас, Бабаевых. И, откровенно говоря, ему действительно было чем гордиться.

Все вернулось на круги своя: вновь по утрам приезжал Скавронский, мальчишки играли в теннис, по выходным мы бегали в парке, в новой квартире на Арбате полным ходом шел ремонт. Маша стала студенткой, в ближайшие месяцы мы планировали переезд в Москву Люды и Анны Григорьевны.

ЛIII

Игорь Алексеевич, есть минутка? – в мой кабинет заглянул Сережа Рыжов.
– Да, Сергей, заходи.

– Игорь Алексеевич, Иосиф Александрович просил меня с вами поговорить, – начал он. – Один из его аспирантов, Мушег Мамиконян, зарегистрировал свою инженерно-внедренческую компанию «Биотон». Занимаются совершенствованием технологий мясопереработки, внедряют свои изобретения на предприятиях. Иосиф Александрович просит вас дать ему возможность сделать у нас на комбинате презентацию его разработок – может быть, что-то найдет свое применение на «Черкизово». Он о Мише чрезвычайно высокого мнения.

– Сереж, я позвоню Иосифу Александровичу.

Я попросил секретаршу соединить меня с Роговым.

– Конечно, знаю Мишу Мамиконяна, – стоило мне произнести это имя, голос Иосифа Александровича потеплел.

– Мой аспирант, очник, недавно защитился. Да я со всей его семьей знаком. Чудесные люди. Они из Ленинакана, – Рогов вздохнул. – Мать была директором мясокомбината, отец – директором молокозавода. Все было прекрасно у них, дом замечательный. А потом – эта страшная беда, землетрясение. Ты помнишь, вся страна содрогнулась – добровольцы отовсюду туда ехали помогать, помощь собирали. Тридцать тысяч человек погибло, от города камня на камне не осталось, одни развалины. Пришлось переехать в Москву и начать жизнь заново. Сам понимаешь, что это такое – начинать все с нуля в таком возрасте. Единственная радость – дети. Они их просто обожают.

Несмотря на свои тридцать лет с хвостиком, Миша Мамиконян показался мне совсем юным. Чуть полноватый, сдержанный, явно хорошо воспитанный, говорил с небольшим акцентом. Сразу видно: домашний, семейный мальчик, вроде Сережи Рыжова – тактичный, деликатный, немного застенчивый, какой-то трогательно незащищенный, что ли. Едва увидев Мушега, я почувствовал в нем родственную душу. Как горцы распознают друг друга? Не знаю. Но иногда достаточно взглянуть на человека, и сразу ясно: свой.

Строго говоря, совершенствование существующих на тот момент отечественных технологий для «Черкизово» было неактуально: в области технического оснащения мы отстали от развитых стран лет на тридцать-сорок; Россия производила оборудование на уровне каменного века.

Во время Мишиной презентации я не столько вникал в суть самих разработок, сколько пытался оценить разработчика – его стиль работы, уровень владения материалом, используемые подходы, методологию. Тогда, в начале пути, Миша производил впечатление сугубо кабинетного исследователя, чистого теоретика. Суть технологических процессов и академическую теорию управления он знал

великолепно, а вот о проблемах реального производства, о том, какие подводные камни могут ожидать промышленника в нынешней сложной, мягко говоря, экономической ситуации, имел довольно туманные представления. Ну, это дело наживное, решил я. Главное – есть база. Профессиональный уровень и творческий потенциал Мушега Мамиконяна сомнений не вызывали, остальное приложится.

После окончания презентации я пригласил его в свой кабинет. Расспросил о семье, о жизни в Ленинакане.

– Я работал в Политехническом институте, – рассказывал Миша. – Был самым молодым из заведующих кафедрами пищевых производств всех вузов страны. Так случилось, что в день, когда произошло то страшное землетрясение, я оказался в Москве. Половина моей кафедры погибла. Половина, Игорь Алексеевич! – в его глазах блеснула слеза. – Мои родители и жена были в Ленинакане. Они выжили. Но это был самый страшный день в их жизни.

Он помолчал, перевел дух. Потом продолжал:

– Когда я вернулся... Игорь Алексеевич, это невозможно описать. Если существует ад на земле, то это был он... От нашей жизни ничего не осталось. Я думаю, мы сделали ошибку. Надо было сразу уезжать в Москву, но родители решили восстанавливать дом. Они-то восстановили, но вокруг – полная разруха, нищета... Стройка заняла три года, и, как только ее закончили, я уехал – даже не переночевал в новом доме. Три года было упущено. Но вот теперь мы в Москве, и я занимаюсь тем, что хорошо знаю, умею и люблю.

Мы перешли к обсуждению его разработок.

– Миша, все, что ты рассказал на презентации, произвело самое благоприятное впечатление, – начал я. – Кроме того, я много добрых слов слышал о тебе и о твоей семье от Иосифа Александровича Рогова. Но наш комбинат ори-

ентируется полностью на самые современные западные технологии, поэтому о внедрении твоих разработок можно говорить, но, поверь мне, сейчас это не главное. У меня есть для тебя гораздо более дельное предложение. У нас вакантна должность главного технолога. Это твоя сфера, думаю, тебе это должно быть интересно. Судя по тому, что я сейчас услышал, ты с твоей квалификацией и подходом к делу как нельзя лучше соответствуешь этой позиции. Как ты смотришь на то, чтобы прийти к нам на комбинат работать в штат?

– Игорь Алексеевич, – от волнения у Миши даже немножко сел голос. – Да, опыт теоретических разработок и их внедрения у меня есть, и, конечно, было бы замечательно применить свои знания на практике. Но, если я правильно понимаю, в таком случае мне придется отказаться от самостоятельной работы в своей компании. Вряд ли удастся это совмещать.

– Да, ты совершенно прав. Совмещать работу главного технолога такого комбината невозможно ни с какой другой сторонней деятельностью. Тут придется выбирать, это верно. Но уж точно здесь у тебя появится гораздо больше возможностей для самореализации и перспектив развития, не говоря уж о том, что твои заработки на «Черкизово», вне всякого сомнения, будут выше.

– Мне никогда не приходилось иметь дело с производством таких огромных масштабов, – смущенно улыбнулся Миша.

– Миша, – проговорил я мягко. Хотелось как-то ободрить парня, – я понимаю: наверное, поначалу это выглядит пугающе. Но когда-то ведь надо сделать решительный шаг. Сделай его сейчас.

– На первых порах, наверное, будет сложно, но, я думаю, если вы предоставите мне такую возможность, стоит попробовать.

– Будет сложно – поможем. Я очень верю Иосифу Александровичу и не сомневаюсь – у тебя все получится.

Рогов, как это всегда и бывало, оказался абсолютно прав. Мягкий, застенчивый Мушег Мамиконян в работе просто не знал удержу. Освоившись, творил на комбинате чудеса. Ну а про квалификацию и уровень профессионализма даже и говорить не приходится – подготовлен он был, безусловно, на совесть.

LIV

Новый год мы встретили в горах – по приглашению Лени Тягачева катались на лыжах в Швейцарии со сборной России.

В начале 1992 года Люда и Анна Григорьевна, как мы и планировали, вслед за Ларисой и Машей переехали в Москву и обосновались у нас на улице 8 Марта. С третьей четверти Люда пошла в ту же английскую спецшколу, в которой учились Сережа и Женя.

– Ну вот, Ларис, вся семья в сборе, – завел я разговор как-то вечером. – Пора тебе подумать об устройстве на работу.

– Игорь, для этого нужна московская прописка, – вздохнула она. – Вот обменяем Кисловодск на Москву...

– Это дело долгое, что время терять? – ответил я. – Я уже все продумал. Можно решить вопрос с пропиской быстро и без лишних затрат.

– Это как?

– Выйти замуж, – улыбнулся я.

– Да господь с тобой, Игорь, смеешься, что ли?

– А что такое? – как ни в чем не бывало спросил я. – Ты у нас завидная невеста. Подберем тебе подходящего жениха...

Лида взглянула на меня с немым укором.

– Ну ладно, если серьезно – я говорил с Касимом. Он ставропольский парень, на него можно положиться. Отнесете документы в загс, вас оформят – и он пропишет тебя. Никто ж не заставляет тебя с ним жить! Главное – получить бумажку.

Я заметил, как сестры обменялись взглядами.

– Ну а что, Лар, это выход, – поддержала меня Лида. – Как решишь все свои проблемы – разведетесь.

– Именно, – кивнул я. – Чисто фиктивная регистрация. Так ты устроишься куда угодно. Хотя, конечно, я бы советовал тебе идти ко мне на «Черкизово». Сейчас медицина практически рухнула. А у меня на комбинате новая поликлиника, импортное оборудование – всем этим надо руководить.

На следующей неделе Лариса с Касимом подали заявление в загс. Как только они зарегистрировали брак, она оформила прописку и вышла на работу на комбинат.

LV

Аркадий Гайдамак не любил ходить вокруг да около – сразу брал быка за рога.

В марте 1992 года мы с Мушегом Мамиконяном прилетели в Париж. Аркадий встретил нас в аэропорту и с ходу заговорил о деле:

– Игорь, завтра мы встречаемся с владельцем компании «Сокопа» – одной из ведущих во Франции. Они покажут заводы, сможешь сам оценить масштабы.

Гайдамак привез нас в гостиницу «Ренессанс» поближе от Трокадеро – он выбрал ее для нас, потому что сам жил в доме напротив. Вечером мы ужинали у него, с его семьей – женой Ириной, двумя дочерьми и сыном.

– Аркадий, а что тебя дернуло свалить за кордон? – полюбопытствовал я. – Ты же уехал совсем мальчишкой?

– Да, – улыбнулся он. – В Израиле оказался еще в 1972 году.

– Сколько тебе было тогда?

– Двадцать лет.

– А во Францию когда перебрался?

– Примерно через годик. Денег не было совсем, устроился работать охранником. Сидел в своей будочке по ночам, смотрел на светящиеся парижские окна и думал – настанет ли когда-нибудь день, когда хоть одно окно в этом громадном городе будет мое? Мечтал, как куплю квартиру, холодильник, телевизор, машину... Мои дети никогда не поймут, какой жизнью они живут. И никогда не смогут себе представить, что за жизнь была у меня в детстве.

– И как же ты выбрался из будки охранника?

– Единственной моей сильной стороной были два языка – французский и английский. Они меня и спасли. Обзавелся знакомыми из советского торгпредства, стал подрабатывать переводами. Наши тогда устанавливали деловые отношения с западными партнерами – требовалось переводить кучу документов. Я делал переводы, ну и потихоньку вникал в то, что там в этих документах содержится, разбирался, как что устроено, кто что кому продает. А потом задумался – а я-то сам почему этим не занимаюсь, сижу чужие бумажки перевожу? Механика-то понятна. Я, в сущности, учился бизнесу по тем переводам. Вот такая школа жизни.

– С чего ты начал?

– Да, собственно, это и было первое дело. Я открыл свое бюро переводов. Один уже не справлялся, пришлось набрать ребят. Потом заметил, что очень много переводов требуется в Северной Америке. Открыл филиал в Канаде. Стал понемногу заниматься бизнесом – покупать, продавать... Раскрутился, двинулся в Россию. Меня познакомили с Церетели, через него удалось обзавестись полезными связями. Меня интересует все, что может приносить доход.

За разговорами мы засиделись за полночь, а следующим утром, позавтракав в гостинице, поехали в офис «Сокопа».

Нас встретил владелец компании. Познакомившись и обменявшись стандартными любезностями, мы приступили к делу.

– Мсье Бабаев, «Сокопа» – одна из крупнейших аграрных компаний Франции. Мы будем рады предложить вам свои услуги по поставкам сырья. Прежде чем мы приступим к обсуждению условий контракта, я хотел бы ознакомить вас с нашими возможностями. У нас заказан вертолет, сейчас мы полетим на северо-запад Франции, где находятся наши убойные заводы и хозяйства по выращиванию свиней.

Гайдамак остался в Париже.

– Игорь, ну что я там буду время терять? Все равно я в этом ничего не понимаю. Летите без меня.

Ну а для нас с Мишей поездка оказалась чрезвычайно интересной. Прежде чем направиться на северо-запад смотреть заводы, пилот сделал круг над пригородами, чтобы показать нам Версаль с высоты птичьего полета. Ну а уж когда мы добрались до заводов... С какой завистью смотрел я на все эти чудеса! Вот это уровень культуры производства! Безупречное ветеринарное обслуживание, санитарная обработка, предельно четкая логистика, поставка живка, грамотная организация производства – просто мечта, а не заводы! Убойные комплексы были сблокированы с разделкой мяса. Часть продукции отгружали на местный французский рынок, но львиная доля уходила за рубеж – в полутушах и в виде блочного мяса.

Мы осмотрели два завода – они находились недалеко друг от друга, километрах в ста. И везде – идеальная, немислимая для наших убойных заводов чистота и порядок.

Вечером владелец «Сокопа» пригласил нас в гости. Нас вместе с Аркадием привезли на виллу неподалеку от Парижа. Облицованный светлым песчаником дом, окруженный безупречно ухоженным парком, показался

мне едва ли не дворцом – так изысканно было его убранство. После великолепно сервированного ужина в увешанной гобеленами столовой мы перешли в гостиную – французское окно вело из нее на веранду, выходящую в сад. Хозяин – немолодой, уже под семьдесят, лохотенный, явно знающий себе цену, и его жена, классическая француженка – сухошавая, элегантная, довольно язвительная, за бокалом вина наперебой расспрашивали нас о перспективах сотрудничества с Россией, о происходящих в стране рыночных преобразованиях, о моем комбинате. Аркадий болтал без умолку, то и дело переходя с французского на английский и обратно, расписывал «Черкизово», всячески подчеркивая, какого достойного клиента приобретает компания в моем лице.

В тот же вечер мы договорились о начале поставок.

– Ну вот, дело сделано, – подытожил Гайдамак на обратном пути. – С французами все решили, согласие Иваннишвили на кредитование под мою гарантию получили – считай, поставки тебе обеспечили.

Условия, которые он предложил, меня более чем устраивали: он поставляет мне мясо на консигнацию, я оплачиваю закупку по прошествии месяца.

Вечером с чувством выполненного долга мы отправились гулять по парижским улочкам.

– Игорь, давай заскочим посмотрим квартиру, которую я купил, – предложил Аркадий. – Там заканчивается ремонт, скоро собираемся переезжать.

На авеню Жоржа Манделя мы вошли в дом, пересекли роскошный вестибюль и поднялись на верхний этаж. Квартира была огромной – метров пятьсот, двухуровневой, на крыше – пентхаус с видом на Эйфелеву башню.

– Смотри, – показал мне Аркадий, – на той стороне улицы живут Ростропович и Вишневецкая. В общем, достойное место. Кстати, здесь этажом ниже продается

квартира двести сорок метров – вдвое меньше, потому что один ярус. На этаже один владелец. Покупай.

– О чем ты говоришь, – отмахнулся я. – Откуда у меня такие деньги?

– Да ладно, Игорь, – хмыкнул он. – Не прибедняйся.

За панорамными окнами пентхауса сверкал огнями ночной Париж.

– Послушай, это непостижимо, – проговорил я. – Ты сидишь в будке охранника, без копейки денег – а потом пентхаус в столице Франции!

Аркадий рассмеялся и похлопал меня по плечу:

– Игорь, мечты сбываются.

Контракт с Аркадием на поставку мяса мы заключили. Судя по его заинтересованности в нашем деле, он зарабатывал на поставках для «Черкизово» очень неплохо. В детали его взаиморасчетов с французами я не вникал, с самого начала мы договорились: он дает мне цену, которая меня устраивает, а уж сколько с него берут предприятия-поставщики – это его дело.

LVI

Плановая экономика и имущественные отношения, к которым мы привыкли во времена советского прошлого, рухнули на наших глазах в 1992 году. Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», подписанный Горбачевым еще до августовского путча 1991 года, фактически не работал. Но как только Советский Союз прекратил свое существование, глава правительства Егор Гайдар и бывший тогда председателем госкомитета по управлению государственным имуществом Анатолий Чубайс пролоббировали подписание Борисом Ельциным президентского указа «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». Это дало старт реформе.

Еще в начале 1992-го всем гражданам России в отделениях Сбербанка выдавали приватизационные чеки – ваучеры. Номинальная стоимость такого чека составляла десять тысяч рублей. Ваучер задумывался как документ, удосто-

веряющий право собственности гражданина на частичку народного достояния. Его можно было обменять на акции какого-то предприятия, продать или же не делать с ним ничего – у многих приватизационные чеки так и остались валяться ненужной бумажкой среди прочего хлама.

Так как предприятие было у меня в аренде, я автоматически стал владельцем тридцати восьми процентов акций Черкизовского завода. Моя доля собственности определялась исходя из стоимости вновь созданной капитализации с момента заключения договора аренды. Стоимость нереконструированных мощностей оценивалась с учетом амортизации. Все произошло ровно так, как и обещал мне когда-то Юрий Тулупов. После получения в собственность тридцати восьми процентов акций завода я начал выкупать у сотрудников ваучеры по хорошей цене – за один приватизационный чек я выплачивал его владельцу не номинальную стоимость, а сумму, равную нескольким окладам. Кто-то с готовностью обменивал непонятную бумажку на реальные деньги, кто-то сомневался. И вот тут неоценимую помощь оказал мне Альберт Мирошников. Методично, последовательно, с невероятным тактом и терпением он проводил разъяснительную работу.

– Вам не акции нужны, – убеждал он людей, – а стабильная работа и хорошая зарплата. Вы получаете за этот чек реальные деньги. Нам всем нужен эффективный лидер. А еще очень важна консолидация – акции должны быть в одних руках, чтобы Бабаев мог привлекать инвесторов и развивать наш завод.

Постепенно я довел количество акций до контрольного пакета и стал полноправным владельцем комбината.

В стране шли бурные обсуждения экономических реформ вообще и приватизации в частности. Для меня же приватизация стала новой вехой в развитии бизнеса – теперь уже собственного.

LVII

Одной из ключевых проблем развития бизнеса было сырьевое обеспечение. Чолокян по-прежнему сбивался с ног.

– Игорь, ты посмотри, что у нас происходит, – сокрушался он. – Мы работаем на девяносто процентов на импортном сырье. Скоро обвалка вообще остановится, перейдем полностью на мороженое мясо. Оно же из госрезерва, с длительным сроком хранения, не исключено, что вообще просроченное! Инжектированное, непонятно чем накачанное. Мало того, что работаем на низкогокачественном сырье, так мы еще, по существу, поддерживаем иностранного производителя. А наши-то как? Да, конечно, селяне сейчас просто погибают без господдержки, но, оказывается, еще не все полегли. Вот в Кашире жизнь пока теплится. Я только что оттуда, это всего 130 километров от Москвы. Скотокомплекс рассчитан на десять

тысяч голов, сейчас, конечно, до полной мощности они не добирают, но тысяч семь у них еще есть! Кстати, директор комплекса твой однофамилец – Бабаев.

– Забавно, – хмыкнул я.

– Они там держатся из последних сил, пытаются выкарабкаться, но без господдержки им крышка. Это просто вопрос времени. Еще пара лет – и там не будет ничего. Поголовье сокращается с каждым годом, но пока что-то есть. Если мы подключимся, это может помочь им удержаться на плаву, даст толчок к развитию. Сейчас нарушены связи – да. Нет четкого взаимодействия, никто не знает, что происходит у соседа. Так что у нас нет иного пути, кроме как выстраивать собственную цепочку поставок сырья напрямую от производителя.

– Георгий Георгиевич, вы уверены?

– Игорь, я считаю, что нам надо попытаться их приватизировать и самим организовывать убойный цех в Кашире. Будем работать на свежем сырье, а не на резервах с длительным сроком хранения. И никаких посредников.

– Звучит убедительно...

– Игорь, уверяю – это выстрел в десятку! Я тебе больше скажу – я еще и в Балашихе был. Это совсем рядом с Москвой. Там свинокомплекс, стотысячник. Ста тысяч, понятное дело, уже и близко нет, но тоже не пустой, представляешь! Он погибается, конечно, но если приватизировать, то наверняка можно его восстановить. Только ставь убойный завод – и работай. Да можно и подвозить живок из близлежащих районов.

Чолокяну удалось заинтересовать меня этой идеей. Первым делом мы с ним съездили в Каширу и Балашиху, предложили тамошнему руководству купить у них животноводческие комплексы целиком. И там, и там встретили нас в штыки. В чем только не обвиняли... Оккупанты! Мироеды! Последнее хотите отобрать у народа!

– Да поймите вы, – пытался я вразумить своего одофамильца, директора совхоза «Растовцы» в Кашире, – в одиночку вам не выжить! Либо господдержка, либо частные инвестиции – другого пути нет. Вы же видите, что происходит с сельским хозяйством. И это повсеместно, куда ни глянь!

– Не может быть, – отвечал он, – что государство нас оставит без поддержки.

– Георгий Георгиевич, ну, значит, и нечего их уговаривать, – сказал я на обратном пути Чолокяну. – Раз они так уверены, то господдержка, наверное, все-таки будет. А нам нужно поставить рядом убойные заводы. Давайте говорить о том, чтобы они выделили нам участки по пятьдесят гектаров в долгосрочную аренду с правом выкупа, и начинать строительство.

Это предложение было принято, площади нам выделили. Я связался с коллегами из «Травалини» и попросил, чтобы они рекомендовали мне хорошую итальянскую компанию, которая занимается производством оборудования для убоя скота. Они познакомили нас с Наташей, женой владельца компании «Ровани», весьма предприимчивой русской дамой. Их пути с Одером Ровани пересеклись во время его делового визита в Москву. У них завязался роман, и в конце концов Одер развелся с женой и женился на Наташе. Она пригласила нас в Италию. И мы с Чолокяном встретились с Одером Ровани и осмотрели убойные заводы, на которых было смонтировано оборудование, произведенное его компанией, – что говорить, с нашими, конечно, сравнить невозможно. После моего визита представители «Ровани» по моему приглашению приехали в Москву. Мы начали прорабатывать проект.

– Мы планируем начать строительство как можно скорее, – объяснял я Одеру. – На этом этапе мне прежде всего

нужно знать, какой шаг несущих колонн позволит вписать любое оборудование.

– Игорь, делайте двенадцать на шесть метров – мы сможем вписать все что угодно, – ответил он.

Осмотрев площадки в Кашире и Балашихе, итальянцы сориентировали нас по основным параметрам строительства каркаса и приступили к подготовке технологической компоновки оборудования и его привязке к площадям.

На комбинате работало конструкторское бюро и мощная строительная команда – человек четыреста. КБ сделало проект железобетонного каркаса для двух заводов площадью по тридцать тысяч квадратных метров каждый и привязку к местности, и мы начали строительство в Кашире и Балашихе за счет собственных средств.

Газеты ухватились за эту новость: хоть что-то делается в стране для поддержки сельского хозяйства! «Черкизово» идет на помощь аграрному сектору!

Однако энтузиазм новое начинание вызвало не у всех. Как-то ко мне в кабинет влетел Мушег Мамиконян:

– Игорь Алексеевич, что происходит? Мы что, строительная компания? Нам не хватает оборотных средств, не из чего делать колбасу!

– Миша, спокойнее. Сейчас сложный период, но именно поэтому железобетон можно взять за копейки – заводы-то стоят. Чолокян правильно говорит: не сделаем это сейчас, пока на бетон и стройматериалы цены бросовые, – потом не потянем. Конечно, мы забегаем вперед, проектная документация еще не готова, но сетка колонн есть. Почему бы ее не поставить, пока это дешево?

– Игорь Алексеевич, да у нас уже не хватает средств на покупку мяса и компонентов! Комбинат получает чистой прибыли пять-шесть миллионов долларов в месяц, это же огромные деньги! И все в прямом смысле закапывается в землю. Я вас умоляю: давайте лучше вклады-

ваться в переработку! Или расширять сеть продаж! Зачем мы строим эти заводы? Да еще целых два сразу! Скота в России уже почти нет, а скоро совсем не останется – к этому все идет!

– Погоди, Миша, не горячись. Чолокян все же не один пуд соли съел за годы работы в министерстве. Он утверждает, что есть живые хозяйства и они будут развиваться.

– Да уничтожат все! Вы слышали, что Чубайс сказал про сельское хозяйство? «Хрен им, а не деньги!» Гайдара слышали? «Пусть сами барахтаются. Кто выплывет – тот выплывет». Вот такая у них позиция. Так что загнется все сейчас, поверьте моему слову!

– Миша, ну с кем ты споришь? Это все же Чолокян...

– Да хоть и Чолокян. Он тоже может ошибаться. Сейчас совсем другие времена. Только посмотрите, что творится: для импорта ворота распахнули, нас просто забросали иностранным товаром! У них-то сельское хозяйство дотируется, и российский крестьянин с ними конкурировать не сможет. Будут везти все больше мяса оттуда, а отечественное производство никто поддерживать не станет.

Мамиконян долго пытался убедить меня в ошибочности решения о строительстве убойных заводов, но все же аргументы Чолокяна казались мне тогда более здравыми. В общем, своего решения я не поменял. Работы продолжались. И все же во многом Миша был прав: направлять на строительство оборотные средства больше нельзя, это чревато очень тяжелыми последствиями.

Необходимо было срочно найти финансирование для реализации этих грандиозных планов.

Я знал, что на сельское хозяйство в бюджете страны было выделено восемьдесят миллиардов рублей. Но как получить доступ к этим средствам? Пробриться к государственному бюджету можно было только через государ-

ственных людей. Я вспомнил про Леню Тягачева. В ту пору он возглавлял федерацию горнолыжного спорта России, был вхож в высокие кабинеты. Я вкратце обрисовал ему ситуацию:

– Леня, мне нужно выбить деньги в Минсельхозе. Помоги мне. Есть ли возможность с кем-то поговорить о выделении средств целевым назначением для «Черкизово»?

Леня, глазом не моргнув, ответил:

– Лучше всего – с Ельциным.

– Как?! – я удивленно уставился на него.

– На следующей неделе мне должны подтвердить встречу с президентом в Кремле по вопросам, связанным со спортом. Заодно могу и на твою тему поговорить. Ты же знаешь, он за село очень болеет. Если объясним ему, что деньги нужны на восстановление сельского хозяйства, вполне вероятно, что он даст добро. Ты подготовь объективку, чтоб мне не мямлить там и ничего не перепутать – в конце приема я закину удочку.

Вместе с Чолокяном мы приготовили лаконичное обоснование с расчетами.

Вскоре Леня меня обрадовал: ему назначен прием у президента.

– Игорь, в следующую среду. Предлагаю идти вместе.

– Леня, я готов.

По пути Леня кратко сориентировал меня:

– Я зайду в кабинет, ты останешься в приемной. Если в ходе разговора возникнет такая необходимость – тебя пригласят, зайдешь вслед за мной.

В кабинете президента Леня пробыл минут двадцать. Я ждал его в приемной, как мы и договорились.

– Игорь, я изложил твою проблему, – объявил он мне, едва мы вышли из приемной и пошли к выходу кремлевскими коридорами. – Борис Николаевич при мне позвонил в министерство финансов Вавилову и сказал, что ты подъ-

едешь к нему и все расскажешь. Он дал прямое указание решить проблему.

– Значит, теперь все зависит от министерства финансов? – переспросил я.

– Игорь, это был фактически приказ о выделении средств. Визит к Вавилову, считай, формальность. Поезжай прямо сейчас.

Сразу из Кремля я помчался в министерство финансов. Меня принял заместитель министра финансов Андрей Вавилов. В то время он исполнял обязанности министра. Первое, что меня поразило, это перемены в самой атмосфере солидного государственного учреждения. Вместо представительных матрон со стервозными физиономиями в приемной у Вавилова сидели молоденькие секретарши модельной внешности. Одна из них, покачивая бедрами, удалилась в кабинет шефа и тут же вынырнула, пригласив меня.

Внимательно выслушав мои разъяснения, Вавилов задал несколько уточняющих вопросов по нашему проекту, просмотрел бумаги и сказал:

– Что ж, документы я оставляю. Можете считать, что вопрос решен. Министерству сельского хозяйства выделяется восемьдесят миллиардов рублей в форме беспроцентного кредита, из них двадцать целевым назначением получите вы.

При тогдашней чудовищной инфляции получить такую сумму в виде беспроцентного кредита было просто невысказанной удачей – ведь к моменту возврата средств эта сумма обесценилась в десятки раз.

Личное распоряжение президента страны было исполнено молниеносно. С момента принятия положительного решения до получения денег прошел всего месяц. Мы с Чолокяном не могли прийти в себя от изумления.

Получив государственный кредит таких огромных масштабов и к тому же на таких сказочных условиях,

я приобрел смертельного врага: меня люто возненавидело министерство сельского хозяйства в полном составе. Еще бы! Я умудрился забрать четверть всех выделенных на отрасль кредитных денег – этого мне простить не могли.

Ну а для нас это стало просто подарком судьбы! Мы развернули строительство инженерных сетей и коммуникаций, в Кашире поставили котельную, подвели газ и линию электропередач. А самое главное – купили у Ровани оборудование для убоя скота. То же самое мы планировали в Балашихе.

Мушег Мамиконян не оставлял попыток донести до меня свои соображения – составил несколько аналитических записок о состоянии и перспективах рынка, происходящей смене парадигм, принципах производства и потребления. Я проглядывал их по диагонали, честно говоря, не особо вникая. Тогда он решил сменить тактику. Как-то, отыграв партию в теннис у нас на корте, мы с Женей Пантелеевым отправились в парную. К нам присоединился и Миша. Как бы между прочим он завел с Пантелеевым разговор:

– Евгений Алексеевич, хочу посоветоваться с вами. Просто интересно, для теоретического понимания процессов. Возьмем такую гипотетическую производственную модель: фабрика производит сто блоков сигарет «Мальборо» в день, тратит на каждую пачку один доллар, продает за два доллара.

– Ну, ну? – благодушно кивнул Пантелеев.

– Смотрите: чтобы обеспечить хотя бы простое воспроизводство товара, даже без развития, фабрике должен возвращаться хотя бы один доллар с каждой пачки, верно?

– Ну да, – согласился Пантелеев. – Это же очевидно.

– И тут, – Миша сделал интригующую паузу, словно рассказывал детективную историю, – хозяин начинает от-
влекать по полтора доллара с каждой пачки на строитель-

ство сушильного табачного завода. Что ему приходится делать для обеспечения воспроизводства товара? Кредитоваться, так?

– Само собой, – подтвердил Пантелеев.

– В результате неизбежно возникает риск кредитной петли, когда проценты банку за кредит превышают прибыль компании.

– Ну, надо полагать, он рассчитывает, что при вводе в строй сушильного завода прибыли возрастут и за счет этого удастся рассчитаться с банком, – предположил Пантелеев.

– Только есть еще один нюанс, – добавил Миша. – Сушильный завод строится в регионе, где табака нет. Был раньше, но теперь нет и не будет. Фабрике целесообразно покупать сушеный табак там, где это выгодно, – импортировать, например. А строящийся завод не окупится никогда. Что вы думаете о такой ситуации?

– Ну а что тут думать? – пожал плечами Женя. – Опасная стратегия. Так нельзя.

– Ох, Миша! Ну, хитер! – расхохотался я. – Жень, камень-то в мой огород. Это Миша иносказательно описывает нашу ситуацию. Впрямую не получается, так он решил через тебя до меня достучаться.

– Ну, в общем, да, – признал Миша.

– Это же он про наши стройки, про Каширу и Балашиху, – объяснил я Жене.

Теперь хохотали уже мы все троим.

– Ну, смех смехом, – посерьезнел Миша, – но это же чистая правда. Деньги в первую очередь идут на приобретение железобетона, стройматериалов, оплату работ. Нельзя финансировать производство по остаточному принципу. Пошли перебон со снабжением, комбинат просто лихорадит! Надо это остановить, пока не случилась катастрофа! Вот смотрите, Евгений Алексеевич: мы производим двести-триста тонн продукции в день; по рецеп-

турам мне нужно как минимум пятьдесят тонн свинины, а на остатке у меня всего семь тонн! Вот и выкручивайся. И это уже не иносказания, это реальные цифры. Тут не мелкие неприятности, инвестиции в строительство ставят под угрозу устойчивость компании!

– Миша, не переживай, – я похлопал его по плечу. – Вот, кредит огромный нам выделили. Справимся.

– Так я и ратую за то, чтобы теперь мы этот кредит не ухнули в ту же бездонную бочку, а хотя бы закрыли дыру в оборотных средствах, которая из-за этих строек образовалась, восстановили баланс! – с горячностью воскликнул Миша. – Чтобы производство не встало, нам нужно иметь необходимый сырьевой запас!

– Миша, ну ты устроил тут производственное совещание! – примирительно проговорил я. – Сделаем. Все восстановим.

К сожалению, о принципах рыночной экономики мы тогда имели довольно смутные представления. Основам ведения бизнеса, экономического и финансового анализа никто нас не учил. Новое время предъявляло новые требования, и отмахнуться от них было бы губительно.

Без конца прокручивая в мыслях наши разговоры на эти темы, я понял: знаний о рыночных отношениях, о том, как устроен современный бизнес, мне явно не хватает. Посмотрев программы западных бизнес-школ, которые тогда появились в Москве, я выбрал самую подходящую и снова, как в юные годы, засел за учебу. Три месяца по вечерам с комбината я ехал не домой, а на занятия. Когда курс был пройден, мы отправились на две недели на стажировку в Германию. Не скажу, что учеба в бизнес-школе перевернула мои взгляды на мир, но системности в подходе к управлению, безусловно, прибавила. Многие вещи, которые я чувствовал интуитивно, я смог сформулировать для себя более осознанно.

LVIII

Хочу поднять наболевший вопрос. Послушайте, ну сколько можно везти возвраты из Питера! Это же все надо отправлять прямиком в утиль – там не то что срок реализации истекает, это просто просроченный товар, переработке не подлежит! Непонятно, сколько эта колбаса там лежала. Ее и возить-то уже смысла нет, только на списание. И речь идет не о какой-то мелочи, это тонны! Прямые убытки!

Выступление начальника колбасного цеха Нины Петровны Левиной на расширенном совещании по коммерческим вопросам никого не оставило равнодушным. Проблема возвратов из Питера стояла у нас как кость в горле.

– Хватит возить эту тухлятину! – призывала она. – Ее объемы растут из месяца в месяц! Дальше мириться с этим невозможно. Надо что-то предпринимать.

– Валерий, – обратился я к менеджеру по регионам Волкову, – поясните, пожалуйста, что происходит с Питером.

Волков тяжело вздохнул.

– Туда фурами идут из Москвы оптовые партии по двадцать тонн, – заговорил он. – Да, в связи с такими объемами где-то сбрасываем больше, чем они в состоянии реализовать. Проблема еще и в том, что Питер довольно сильно отстает от Москвы в техническом оснащении торговых предприятий. Холодильники слабые, логистика не отлажена. Поэтому непроданный товар порой лежит в непригодных для хранения условиях неделю-полторы, а то и больше и, естественно, портится. А в соответствии с договором остатки мы в любом случае обязаны забирать.

– Питер представляет для нас особый интерес, – вступил я. – После Москвы это вторая по значимости площадка сбыта. По Москве у нас работает специальный коммерческий отдел. У них все под контролем, они обеспечивают возврат непроданных остатков на завод для переработки, не дожидаясь истечения срока годности. Гордеева, сколько у вас там человек?

– Около пятидесяти, – ответила руководитель коммерческого отдела.

– А в Питере сколько у нас сотрудников?

– Четверо, – сказал Волков.

– Ну вот, сравните – пятьдесят человек и четыре. Вывод простой: мы созрели для того, чтобы открыть в Питере свое торговое представительство – оно будет вести учет потребностей торговых точек с тем, чтобы минимизировать возвраты, и контролировать объемы поставок в каждую из них. Валерий, выезжайте на место и формируйте там такую структуру – подыскивайте площади под офис и под оптовый склад, набирайте людей. Надо застолбить там место. В Питер сейчас все рвутся – и «Останкино», и «Царицыно», и «Микоян». Наш торговый дом должен стать там номером один! А для начала, Валера, заберите в Питер как минимум на месяц наиболее опытных сотруд-

ников московского коммерческого отдела – пусть потестируют специалистов, которых вы будете набирать, и помогут в организации работы.

Волков оперативно подыскал помещение площадью около двухсот пятидесяти квадратных метров: в дореволюционном доме на Литейном проспекте он купил все квартиры на первом этаже, объединил их и открыл офис. Поначалу туда приехали сотрудники коммерческого отдела из Москвы, но постепенно Волков набрал торговых представителей на месте. Однако этого было недостаточно. Необходима была площадь для организации склада. Валерий присмотрел магазин на первом этаже жилого дома, мы выкупили его и соседние квартиры, получив в собственность примерно половину первого этажа, и установили промышленные холодильники для приема продукции из Москвы. Отсюда ее мелкооптовыми партиями развозили по торговым точкам. Емкость холодильников единовременного хранения составляла около шестидесяти тонн. Этого было вполне достаточно для обеспечения оборота.

Объемы продаж быстро росли, и скоро мощностей этой базы комбинату стало уже не хватать – в Питер теперь поставлялось шестьсот-семьсот тонн колбасы в месяц. Пришлось арендовать под склад две тысячи квадратных метров. Однако стоимость аренды ложилась на комбинат тяжелым бременем. Я дал задание Волкову искать варианты для приобретения собственных складских площадей.

Время шло, ничего подходящего по цене и условиям в черте города найти не удавалось. В конце концов Валерий пришел ко мне с предложением посмотреть площадку на Валдае:

– Прямо на трассе, в ста семидесяти километрах от города. С коммуникациями местные власти готовы помочь. Даже железнодорожная ветка проходит совсем рядом –

метрах в четырехстах. Вполне возможно будет дотянуть ее прямо до места.

– Да, далековато, конечно, – размышлял я, приехав и осмотрев все на месте. – Но есть в этом и некоторые плюсы.

Я позвонил Джефу Ралли из «Чизхольма».

– Джеф, я сейчас на Валдае. Как ты смотришь на то, чтобы в ста семидесяти километрах от Питера прямо на трассе на Москву поставить холодильную емкость единовременного хранения на пять тысяч тонн? Ты бы сбрасывал сюда все поставки, обеспечивал нас и отгружал бы отсюда мясо по всей России?

– Неплохая мысль, Игорь! – ответил Джеф. – Если вы это постройте, мы с удовольствием возьмем площади у вас в аренду.

В то время девяносто процентов сырья, на котором мы работали, составлял импорт. Мясо из Европы и Америки на все российские предприятия шло транзитом через Питер. Это и навело меня на мысль помимо офиса и оптового склада выделить часть площади под емкость единовременного хранения до пяти тысяч тонн мяса.

Ну и еще одна мысль все никак не оставляла меня: так или иначе когда-нибудь мы придем в Питер с мясной переработкой. И потому часть площади я решил зарезервировать под это с прицелом на будущее.

Если поставить каркас тысяч на десять квадратных метров, то места хватит и на офис, и на наш оптовый склад, и на перевалочную базу, которую можно будет сдать в аренду Чизхольму, и на будущие производственные мощности.

Глава местной администрации помог нам решить проблемы подведения коммуникаций и железнодорожной ветки, я дал задание КБ сделать привязку к местности, можно было начинать строительство.

LIX

Объемы производства росли, и на комбинате все острее ощущалась нехватка куттерной мощности. Обычно мы закупали куттеры немецкой компании «Кремер-Греббер», но австрийская «Ласка» продавала аналогичное оборудование дешевле.

– Судя по отзывам коллег, по техническим характеристикам австрийские установки ничуть не уступают немецким, – говорил мне Васкович. – А цена на тридцать процентов ниже. Думаю, стоит взять несколько единиц на пробу, посмотреть, как они покажут себя в деле. Я с ними уже связывался, они готовы дать их нам с отсрочкой платежа как минимум три месяца. Они в России слабо представлены, спят и видят, как бы через нас зайти на наш рынок. Приглашают к себе познакомиться.

Я позвонил Кандову.

– Боря, привет! Собираюсь в Австрию на переговоры по поставкам оборудования. Можем пересечься.

– Игорь, дорогой, привет! Рад слышать твой голос! Ну наконец! Я тебя обязательно встречу в аэропорту!

Мы с Васковичем быстро провели переговоры, заключили контракт, и на следующий день Васкович улетел. Я ненадолго остался – уж больно Боря меня уговаривал:

– Ну задержись на пару дней! Покажу тебе Вену, пообщаемся без спешки. Обсудим наши коммерческие вопросы.

Офис Кандова располагался ни много ни мало на Штефансплац, окна выходили прямо на собор Святого Стефана.

– Ну? Красота, да? – мое изумление явно доставило Кандову немалое удовольствие.

– Да, вид просто потрясающий, – только и смог выговорить я.

В довольно просторном – метров, наверное, под тысячу – офисе работало человек сорок сотрудников. Дела у Бориса, судя по всему, шли неплохо.

– Ты мне скажи, – спросил Борис, – у тебя здесь еще какие-то дела есть?

– Надо бы Лиде и ребятам что-то привезти.

– Ну, поехали.

В бутике Ива Сен-Лорана я купил Лиде невероятной красоты красное платье, потом мы выбрали подарки мальчишкам.

– Ну вот, вернешься не с пустыми руками, – удовлетворенно констатировал Борис.

Мы еще погуляли по городу, потом поехали в ресторан. Ужинали уютно, по-семейному – с женой Бориса и его очаровательными детьми – дочерьми и сыном.

Улучив минуту, Кандов завел разговор о делах.

– Игорь, нам с тобой надо рассчитаться. Сделка завершена, я должен отдать тебе деньги. Давай завтра слетаем в Швейцарию, съездим в банк, в котором у меня деньги.

Открою на тебя счет и переброшу с моего на твой. А уже оттуда полетишь домой.

На следующий день, в субботу, мы с Борисом на частном самолете полетели в Женеву. Банк, в который мы приехали, меня слегка обескуражил.

– Борь, это что? – я недоуменно озирался.

Помещение крошечное, сотрудников – раз-два и обчелся. Специально в субботу открыли офис, чтобы нас принять.

– Не беспокойся, – подмигнул Кандов. – Это правильный банк. Я с ним много лет работаю. Надежный, как скала. Во всех отношениях. Никакая информация отсюда никуда не уйдет. Проверенные люди. Смотри – вот твои деньги.

Он показал мне выписку со счета, на котором лежали четыре миллиона долларов.

– Сейчас откроем тебе счет и переведем их на него, – пояснил он.

В последний момент, когда все документы уже были заполнены, я передумал.

– Знаешь, Борь, все-таки не надо открывать на мое имя счет. Береженого бог бережет.

– Игорь! И как же мне действовать?

– Мне в Париже Гайдамак показывал квартиру – прямо под ним. Ты можешь со своего счета ее оплатить? А Гайдамак все оформит со своими юристами.

– Идет.

Таким образом у моей семьи появилась квартира в центре Парижа.

LX

Стройка убойных заводов не отпускала меня. Бетон, песок, щебень, транспорт... Я непрерывно подписывал счета, ужасался растущим с каждым днем затратам. Миша Мамиконян донимал меня без устали:

– Игорь Алексеевич, куда мы влезли? Мы зарабатываем такие колоссальные деньги и закапываем их в землю! Это же гибель! Ну ладно, если без этого никак – давайте сосредоточимся на одном заводе.

Из строительного опьянения меня вывела привлеченная Мишей в помощь бухгалтер:

– Игорь Алексеевич, мы такие масштабы строительства профинансировать не можем. Нужно что-то делать. Или мы останавливаем стройки, или же продолжаем брать кредиты и сами себя загонять в кабалу.

– Куда же делись деньги?! – недоумевал я.

– Кончились.

– Но мы же все просчитали!

– Так цены не стоят на месте. Все стремительно дорожает. Расчеты, которые вы делали в начале года, безнадежно устарели. Сейчас совершенно другие условия.

– Надо заканчивать с этими стройками, пока они не потянули за собой в могилу наш завод! – настаивал Миша.

Я вызвал Чолокяна.

– Георгий Георгиевич, смотрите, что происходит. Ваша уверенность, что государство не оставит без поддержки аграрный сектор и что дотации все-таки будут, к сожалению, не оправдывается. Даже в тех хозяйствах, где мы строим, скот вырезают. В Кашире осталось четыре тысячи голов, в Балашихе свиноводство на ладан дышит. Получается, что Миша был прав. Приходится признать: это была наша стратегическая ошибка.

– Хватит меня учить! Ты кто такой, чтобы мне лекции читать?! – рявкнул он.

– Я – хозяин здесь.

– Видали мы таких хозяев, – бросил Чолокян и вышел, оглушительно хлопнув дверью.

Вечером у меня на столе лежало его заявление об уходе. Мы с ним расстались. Позже я узнал, что он перешел на должность заместителя по сырью на Микояновский мясокомбинат.

LXI

Весной 1992 года ремонт на Арбате был закончен и мы переехали в новую квартиру. Люда отправилась с нами, а Лариса, Анна Григорьевна и Маша остались на улице 8 Марта в ожидании окончания оформления обмена Кисловодска на Москву – удалось подобрать неплохой вариант на улице Гастелло в Сокольниках.

Пора было подумать о даче.

– Давай в выходные съездим за город по Минскому шоссе? – предложил я Лиде.

– Зачем?

– Надо начинать дачу присматривать по этому направлению. Будет удобно ездить – Арбат переходит в Кутузовский, а потом по прямой – по Минке.

В воскресенье с утра мы отправились на разведку.

– Смотри, поворот на Жаворонки, – увидев указатель, я сбросил скорость. – Я же здесь был у Кривенко. Он по-

нимает, что к чему, в плохом месте строиться не стал бы. Заедем посмотрим.

Я свернул. Старый поселок в основном был застроен дачами. Тихое местечко, рядом – станция Белорусской железной дороги. Проезжая по улицам, я обратил внимание на несколько ветхих, явно заброшенных строений за покосившимся забором. Я остановил машину.

– А что, очень даже может быть, – пробормотал я себе под нос.

– Что ты говоришь? – переспросила Лида.

– Хорошее место, – ответил я. – Наверное, стоит здесь подыскать участок для строительства.

Вернувшись в Москву, я навел справки. Выяснилось, что почти все участки давно нарезаны и кому-то принадлежат, однако нашлось в поселке около гектара пустующей земли. Я поехал к главе района Александру Гладышеву.

– Раньше тут был пионерский лагерь, – рассказал он мне. – А потом пошли перемены, и его забросили – так и стоит уж сколько лет. Строения потихоньку ветшают, все, что можно, оттуда растащили, в общем – пустырь. Нарезаем потихоньку участки, вот, примерно гектар остался.

С Гладышевым мы нашли общий язык, этот гектар земли я приватизировал и начал строительство. Потом, приобретая соседние участки, понемногу расширял свои владения и в конце концов довел их площадь до трех гектаров.

В сентябре Люде и Жене предстояло осваиваться в новой школе на Арбате – в двух шагах от дома, прямо через дорогу, а Сережу ждали в Америке, в «Чоут Розмари Холл». Прошлогодняя поездка на стажировку показала: с английским у него, может быть, и неплохо, но для поездки на целый год, да еще и одному, не в группе русскоязычных ребят, его уровня языка явно недостаточно. Я решил

поговорить с директором математической школы Дмитрием Абраровым – он ездил с группой детей в Америку, с «Чоутом» хорошо знаком, наверняка поможет сориентироваться. И он действительно здорово помог.

– Игорь Алексеевич, – сказал Дмитрий Леонардович, выслушав меня. – Заранее позаботиться об уровне английского Сережи – очень правильная мысль. И преподаватель тут нужен не абы какой, а носитель языка. В «Чоуте» есть сотрудница, Сильвия, мы с ней в прекрасных отношениях. Сережа тоже с ней знаком, она была куратором нашей группы в прошлогодней поездке. Давайте я позвоню ей и предложу приехать в Москву на месяц-другой, интенсивно позаниматься с ним.

– Дмитрий Леонардович, это было бы замечательно! – обрадовался я. – Договаривайтесь с ней о приезде и скажите, что все материальные вопросы мы решим на месте.

Так и сделали. В мае Сильвия приехала в Москву. В этой миниатюрной большеглазой темноволосой женщине таилась какая-то нечеловеческая энергия. Она стремительно двигалась, стремительно говорила – по-английски и по-испански – и заражала своим оптимизмом всех окружающих. Неудивительно, что с Сережей у нее сразу же, еще в «Чоуте», установился великолепный контакт. Они приступили к занятиям. Мы с Лидой только диву давались – ну и целеустремленность у нашего сына! Два месяца непрерывной, с утра до ночи, интенсивнейшей учебы! Английский, математика, а еще история России, русская литература – в американской школе этих предметов преподавать не будут, парень спешил сделать задел. Сережа трудился, не поднимая головы. В конце концов мы решили, что пора сменить обстановку. Пьеро Маньяни пригласил нас в Сардинию, забронировал нам отель в крошечном курортном городке Стинтино на берегу Азинарского залива, где у него был дом. После отъезда

Сильвии мы с Лидой и детьми отправились туда отдохнуть на неделю. Пляжи с белоснежным песком, живописные бухты, ослепительно лазурное море – Сардиния нас просто покорила. Мы решили непременно побывать здесь еще раз!

LXII

Мы вернулись в Москву, и Лида принялась собирать Сережу в поездку на год в «Чоут». С Сильвией у нас была договоренность, что он приедет заранее и месяц до начала учебного года поживет у нее: все-таки его английский был пока слишком далек от совершенства.

– И как же теперь быть с московской школой? – волновалась Лида.

– Как бы там ни было, я думаю, нужно, чтобы Сережа там числился, – ответил я. – Мы же не знаем, что будет через год или два. Пусть получит аттестат. Я схожу к директору, договорюсь, чтобы он сдавал экзамены экстерном, когда будет приезжать.

– Думаешь, это реально?

– Мне кажется, вполне. С директором я уже знаком, не думаю, что возникнут проблемы. Возьмет с собой про-

граммы по всем предметам – будет готовиться. Сжигать мосты нельзя.

– Сложно ему будет. Представь: другая страна, незнакомая среда, английским нужно будет интенсивно заниматься, а тут еще и программа московской школы.

– Ну а что делать? У парня должно быть чувство ответственности. К тому же историю России, русскую литературу там ему не дадут. А знать свою страну надо.

Я нанес визит директору школы на Арбате и договорился, что Сереже выдадут учебные программы и он будет заниматься дистанционно, а по приезде сдаст экзамены экстерном и, если возникнет такая необходимость, сможет вернуться в школу.

Накануне вылета мы пригласили в гости директора математической школы при МГУ Дмитрия Абрарова, ну и, конечно же, проводить Сережу собралась вся семья: Анна Григорьевна помогла Лиде накрыть стол, приехали Лариса с Машей. Люда и непривычно серьезный Женя, кажется, все старались осознать, что брат уезжает надолго.

После проводов в аэропорту потянулись бесконечные часы ожидания. Лида вздрагивала на каждый телефонный звонок. Только на следующее утро она наконец услышала в трубке голос сына:

– Мам, привет! Я добрался, звоню уже от Сильвии, у меня все отлично!

– Господи, сыночек, слава богу! Хорошо долетел?

– Да конечно, мам. Не беспокойся.

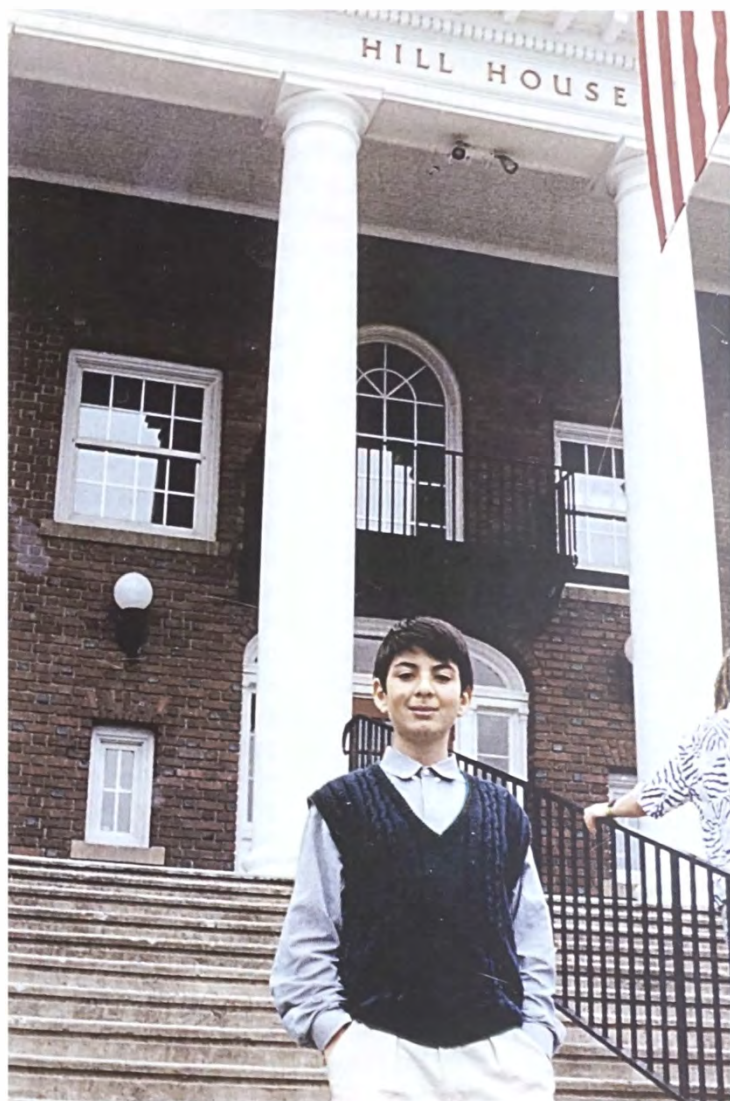
– Как Сильвия?

– Прекрасно. Встретила меня в аэропорту. Передает вам привет.

– И ей тоже передай привет и огромную благодарность!

Теперь, когда Сережа уехал, главной заботой Лиды стал младший сын. История с попыткой похищения Жени

не выходила у нее из головы, она до беспамятства боялась за него. Хотя школа на Арбате была еще ближе к дому, чем на улице 8 Марта, Лида с маниакальным упорством продолжала отводить Женю на занятия и неизменно встречала их с Людой после уроков. Происходящее в стране оптимизма тоже не прибавляло. В новостях то и дело мелькали сообщения о бандитских разборках, убийствах, похищениях. Ощущение беспредела нарастало, волна страха захлестывала Лиду все сильнее. Каждый вечер, приезжая с работы, я выслушивал одно и то же:

– Игорь, так жить невозможно! Ты посмотри, что творится! В любой момент могут ограбить, похитить, убить. Ну как здесь растить детей? Что со всеми нами будет?!

Это было уже не просто беспокойство. Это превращалось в какую-то навязчивую идею.

– Понимаешь, вот Сережка уехал – из меня как будто часть души вынули, и все же за него я спокойна – по крайней мере, там он в безопасности. А Женя-то здесь! Я каждую секунду вздрагиваю. Я так больше не могу!

– Родная, послушай, – пытался я ее успокоить. – Ты сама себя накручиваешь – и меня заодно. Так нельзя. Ты хочешь, чтобы мы оба с катушек слетели? Да, ситуация сложная, все очень тревожно вокруг, тут ты права. Но невозможно же на этом заикливаться! Все выправится, вот увидишь.

– Когда оно выправится, Игорь? – Лида чуть не плакала. – Когда?! Я тебе про сегодняшний день говорю! Здесь опасно, пойми ты! Я Женю на улицу боюсь выпустить! Надо что-то делать! Радикально что-то менять!

– Если ты об отъезде, то сразу скажу: это исключено. Я из страны не уеду. Мне здесь есть что терять. Я слишком многого достиг, чтобы бросить все и оказаться в чужой стране у разбитого корыта. Повторить судьбу Люсика я не хочу. Его пример окончательно меня убедил:

мое место здесь. Там таких возможностей у меня никогда не будет.

– Игорь, но как же быть? Я с ума тут сойду! Неужели нельзя что-то придумать?

– Ну, придумать можно только одно: отправить Женю тоже учиться за границу. Жаль, для «Чоута» он еще мал. Давай-ка я выясню, какие есть возможности.

Я принялся наводить справки о школах, куда можно было бы отправить Женю. В конце концов, выслушав все советы, мы решили присмотреться к Швейцарии. Лида вместе с Роберто Балатти отправилась в поездку. Они побывали в нескольких частных учебных заведениях и остановили свой выбор на «Коллеж дю Леман» – небольшой прекрасной школе неподалеку от Женевы.

Первое, что впечатлило там Лиду, – это то, что не видно было толп учеников.

– А где дети? – недоуменно спросила она.

– Вы знаете, – ответили ей, – у нас не так много учащихся – чуть более пятидесяти человек. В каждой группе – по пять-шесть ребятшек.

Пожалуй, это и сыграло решающую роль – спокойная, почти домашняя обстановка. Мы надеялись, что в таких условиях Жене будет проще адаптироваться.

В октябре Лида повезла Женю в «Коллеж дю Леман». Казалось, ему там понравилось. У Лиды отлегло от сердца.

– Ну что, сынок, давай прощаться, – она обняла мальчика. – Мы будем часто тебя навещать. Сейчас тебя отведут в комнату, где ты будешь жить. Будь умницей!

И тут... Женя поднял на мать полные слез глаза.

– Не оставляй меня здесь, – прошептал он, изо всех сил стараясь не заплакать.

– Женечка... – опешила Лида. – Как же так? Тебе же здесь нравится! Посмотри, как тут здорово! Ты под-

ружишься с мальчиками, научишься говорить на разных языках!

– Не хочу оставаться один, – еле слышно проговорил он. – Не хочу. Забери меня домой.

– Папа скоро придет. Скоро-скоро, обещаю тебе. Ты очень быстро привыкнешь, даже уезжать не захочется, вот увидишь! – Лида уговаривала сына, но сама еле сдерживала слезы.

Поняв, что спорить бесполезно, Женя что было сил закусил губу, чтобы не разреветься, закинул на плечо теннисную ракетку и ушел с сотрудником школы.

Всю обратную дорогу до аэропорта Лида проплакала в машине.

Через пару недель я прилетел в Швейцарию по делам и, конечно же, заехал навестить сына.

Женя радостно выбежал мне навстречу – улыбка до ушей.

– Привет, пап!

– Сынок, ну как ты тут?

– Да все нормально.

У тебя все хорошо? Может быть, что-то нужно? Я помогу – ты только скажи!

– Не-а, у меня все есть.

– Мама переживает очень. Что ей передать?

– Привет передавай, – беззаботно бросил Женя. – Ну ладно, пап, у меня дела – я пошел.

Он весело помахал мне, повернулся и побежал обратно в школу. Только я его и видел. Нашего Женьку будто подменили.

Вернувшись домой, я в деталях рассказал о встрече с сыном Лиде.

– Игорь, ты мне правду говоришь? – она пристально вглядывалась мне в глаза. – Не обманываешь? Точно? Или просто не хочешь расстраивать?

Поверить действительно было трудно. И все же это была чистая правда. Мы вздохнули с облегчением. За сына теперь можно было не волноваться.

Позже, когда Лида приезжала проведать Женю, он уже свободно болтал по-английски (школа была англоязычная), чувствовал себя как рыба в воде, устраивал ей экскурсии по Женеве – в общем, со временем совершенно освоился.

Дети разъехались, наш дом опустел. Лида бродила по квартире как потерянная.

– Лидусь, что ты маешься? – пытал я ее. – Ну вот, Женя в безопасности, как ты и хотела. Что теперь тебя гнетет?

– Игорь, я так не привыкла. Я места себе не нахожу. Я здесь – а дети там одни. К Женечке ты можешь часто заскакивать – то и дело мотаешься в Европу, а Сережка один-одинешенек за океаном!

– А ты поезжай и поживи там немного. За ним присмотришь, тебе будет спокойнее, заодно подтянешь язык. А в конце семестра – к рождественским каникулам – мы с Женей прилетим к вам. Вот только...

– Что? – Лида подняла на меня глаза.

– Я думаю о твоём дне рождения. Получается, вы с Сережей будете в Америке, Женя – в Швейцарии, а я здесь.

День рождения Лиды – 12 декабря – всегда был грандиозным семейным событием. И вот теперь мы окажемся в этот день раскиданы по разным континентам.

– Но ведь если я останусь в Москве, дети все равно в это время будут учиться и приехать не смогут, – задумчиво проговорила Лида.

– Значит, отпразднуем все вместе в Нью-Йорке, но только с небольшим опозданием, – заключил я.

Мы созвонились с Сильвией.

– Жить будете у меня в доме, – сразу же безапелляционно заявила она. – Это идеальный вариант – школа со-

всем рядом, сможете часто видеться с Сережей, и ездить никуда не придется.

– Ой, как же так? – смутилась Лида. – Мне неудобно вас стеснять. Может быть, отель...

Сильвия решительно отмела все сомнения.

– Да о чем вы говорите? – рассмеялась она. – Места у нас хоть отбавляй, будем рады вас принять. Заодно получите языковую практику с полным погружением.

Вскоре Лида вылетела в Америку.

LXIII

Наступил ноябрь, а с ним пришла горькая весть – Хаво умерла.

Я собрался срочно лететь в Кисловодск.

– Игорь, только в сопровождении охраны! – не терпящим возражений тоном заявил Альберт Мирошников.

– Альберт, ну что ты выдумываешь? – отмахнулся я. – Что там со мной может случиться? Полечу один.

– Об этом не может быть и речи! – отчеканил Альберт. – Ты по Москве-то с сопровождением едешь, а это Кавказ! Там сейчас такой разгул бандитизма, что у нас тут по сравнению с ними тишь да благодать.

Я прислушался к Мирошникову и полетел с охраной. То, что он был прав, выяснилось буквально сразу же после прилета. Аэропорт в Минеральных Водах и раньше-то особым шиком не отличался, а теперь превратился просто в какую-то помойку. Толпы нищих, бродяги в лохмотьях, засилье уличных торговцев всех мастей – настоя-

щее столпотворение. До ожидавшей нас машины нужно было пройти метров двести. Не успел я сделать несколько шагов, как ко мне подскочила цыганка с грудным ребенком и принялась просить милостыню. Она просила так жалобно, что я дрогнул. Достал из внутреннего кармана пачку купюр и дал ей одну. Цыганка растворилась в толпе, но буквально несколько секунд спустя меня плотным кольцом обступили ее соплеменники. Я не мог сделать и шагу – они хватали меня за руки, тянули за плащ и кричали наперебой:

– Дай нам денег, дай! Ты же богатый, у тебя есть!

Вываться из окружения не было никакой возможности. Спасла меня из их цепких рук охрана. Энергично работая локтями, ребята еле вызволили меня из цыганского плена и расчистили коридор до машины.

Вся улица Катыхина была заставлена машинами и запружена народом. Люди стояли на подходах к дому, у калитки, во дворе... Все, кому Хаво помогала, – а таких были сотни и сотни, – все, кто ее знал, пришли проститься.

Я вошел в дом. Зеркала были завешены темной тканью. По иудейской погребальной традиции в комнате теплился масляный светильник нешомэ лихт. Он будет гореть здесь ровно год со дня смерти – таков обычай. Я молча подошел к отцу: здороваться, входя в дом во время траура, у евреев не положено. Я обнял его. Он зарыдал. Я тоже не мог сдержать слез. Мы стояли обнявшись, окаменев от горя.

Кто-то подходил сказать слова соболезнования, а я даже ответить не мог – горло перехватывало от рыданий.

Для отца это был страшный удар. В матери он души не чаял. Он провел рядом с ней последние месяцы ее жизни, окружив ее заботой и бесконечной сыновней любовью. Хава вырастила пятерых своих детей и стала матерью для нас четверых – троих сыновей и дочери своего

сына. Она жизнь положила на то, чтобы воспитать нас достойными людьми, чтобы мы ни в чем не нуждались, чтобы были счастливы. Она была человеком невероятной силы – такой же, как наш отец, а может быть, даже еще сильнее. Мы не просто любили ее – мы ее боготворили. И теперь собрались, чтобы проводить в последний путь.

Неслышно ступая, в комнату вошел распорядитель из хевра кадиша. Пора. Процессия на пути к кладбищу растянулась на многие сотни метров.

У открытой могилы раввин рассказал о Хаво – о том, скольким людям она помогла за свою долгую непростую жизнь, как трудилась не покладая рук, пока были силы, каких детей вырастила. Невозможно было сдержать слезы.

Завершив обряд погребения, мы двинулись к выходу с кладбища. Как велит обычай, все, кто был на похоронах, выстроились в два ряда лицом друг к другу, и по этому скорбному коридору мы, родственники усопшей, шли к воротам.

В этот же день я улетел в Москву. Отец и все родные остались на семидневный траур – Шива. В день его окончания я снова прилетел в Минеральные Воды.

По истечении Шивы скорбящим позволяется приступить к повседневным делам. Лишь теперь я расспросил Славу о его житье-бытье.

– Работаем помаленьку, – неохотно рассказывал брат. – Колбасный цех, розлив воды, печенье... Но вся эта потребкооперация... Мне кажется, я просто теряю тут время.

– Слав, да что ты в самом деле? Давай, переезжай в Москву, иди ко мне. Сейчас зам по сырью ушел. Мне очень нужен заместитель. Это такая должность, что абы кому не доверишь, а ты – свой, родной человек. Ты-то мне и нужен. Это же гарантия хорошего будущего для ваших детей!

Слава пожал плечами.

– Даже не знаю... Жить-то где?

– Да ты не беспокойся на этот счет. Я тебе куплю квартиру. Сейчас нет тех проблем, что были буквально несколько лет назад.

– Только здесь надо еще все завершить. Нельзя же все бросить на самотек...

– Ой, да перестань, Слав! Вот просто переезжаешь в Москву – и все.

В этот момент к нам подошел отец.

– Пап, я вот уговариваю Славку переезжать в Москву и идти моим заместителем на «Черкизово».

– А тут и думать нечего. Решение правильное. Нечего здесь штаны просиживать.

– Пап, ну а ты-то что?

– Игорь, я отсюда никуда не двинусь, пока не закончится Шлошим. Тридцатидневный траур надо соблюдать. Мы еще эту тему обсудим, будет время.

LXIV

Мысль о запуске производства штучных сосисок в вакуумной упаковке по американской технологии крепко засела у меня в голове после моей первой поездки в США и не давала мне покоя, но вплотную я занялся этим вопросом только осенью 1992 года. Джеф Ралли, коммерческий директор компании «Чизхольм», с которой мы уже вовсю сотрудничали по поставкам мяса, познакомил нас с Кнудом Саймоном – канадским бизнесменом, производящим термоагрегаты непрерывного действия для варки сосисок. Кнуд приехал в Москву, побывал у нас на комбинате и пригласил меня в Канаду. Да и у меня было немало вопросов, связанных с поставками мяса из Канады. Кнуд встретил меня в аэропорту Торонто, и мы поехали в офис.

Саймон показал мне свою компанию, сделал презентацию термоагрегата, потом свозил на завод, чтобы я увидел установку в действии и мог посмотреть весь процесс це-

ликом, включая концевую операцию автоматизированной линии «Рэпид Пак».

– Термоагрегат непрерывной варки нужно брать у меня, – объяснял Кнуд, – начало линии, до загрузки термоагрегатов, можно приобрести у немцев – куттеры и шприцы «Фэмаг» и «Поли-Клип», а конец линии по сортировке, укладке и упаковке с фиксированным весом – у американцев, «Рэпид Пак».

Кнуд Саймон был уже не молод – хорошо за шестьдесят. Его многочисленная семья – жена, двое сыновей и две дочери – жила самой настоящей сельской жизнью. В их усадьбе площадью пятнадцать гектаров держали лошадь и корову, все было тщательно ухожено – просто загляденье. Я с интересом наблюдал быт истинных католиков – как перед каждой трапезой они молятся, смиренно склонив головы и взявшись за руки, как в воскресенье в полном составе чинно отправляются на мессу.

Вечером за ужином я упомянул, что мой сын учится в США и жена сейчас там с ним в школе «Чоут Розмари Холл» – километрах в ста севернее Нью-Йорка.

– Надо воспользоваться случаем, чтобы с ними познакомиться! – предложил Кнуд. – Ниагарский водопад находится на границе США и Канады, нам отсюда просто рукой подать, а от них – километров четыреста. Давай в выходной мы с тобой туда съездим, и они приедут. Ниагару нужно увидеть обязательно!

– Отличная мысль! – воодушевился я. – Это же будет как раз день рождения Лиды!

– Как удачно! – обрадовался Кнуд. – Вот и отпразднуем!

Так мы и сделали. Я познакомил Сережу и Лиду с Кнудом, мы полюбовались величественным Ниагарским водопадом – над обледеневшей громадой поднимались облака пара, зрелище было незабываемое. За обедом в рестора-

не я расспрашивал Лиду о Сережиной школе, о ее жизни у Сильвии.

– Игорь, все сложилось прекрасно, – рассказывала она. – Мне у них очень комфортно. Сережа приходит, она занимается с ним языком. Я тоже делаю успехи, – не преминула она похвастаться. – Ну и подкармливаю его по возможности, чтобы не налегал на фастфуд.

– Сережа, как ты, роднуля? – спросил я. – С ребятами ладишь?

– Да, пап. Подружился с классным парнем, его зовут Ник. Мама даже с его семьей уже познакомилась.

– Правда? – улыбнулся я. – Ну, я смотрю, вы там всю налаживаете международные контакты.

– Да, Игорь, ты представляешь, – вступила Лида, – Ольга, мама Ника, – русская!

– Да что ты говоришь? И давно они сюда приехали?

– Ой, там такая сложная судьба! Ольга с мамой жили в Белоруссии. Во время войны их угнали в Германию, Ольге было лет восемь. Они там остались, Ольга вышла замуж за американца Билла Зебба, лет на десять младше нее, и вот их сын Ник учится с Сережей вместе.

– Он тоже живет в кампусе?

– Нет, – ответил Сережа, – у них дом недалеко от школы, я у них иногда даже остаюсь ночевать.

– А по-русски он говорит?

– Ну, так... – Сережа усмехнулся. – На ломаном русском. Но все понимает. Так что мы друг другу устраиваем языковую практику.

Поговорили о том, как причудливо порой складываются человеческие судьбы.

Потом разговор зашел о праздновании Рождества – до него оставалась пара недель. Я рассказал Кнуду, что в конце декабря мы с Женей собираемся навестить Сережу и Лиду в «Чоуте».

– Так это же замечательно! – воскликнул Кнуд. – Мы планируем как раз на Рождество слетать в Майами – давайте там встретимся! Я вам забронирую авиабилеты и отель и все расходы возьму на себя.

Так и договорились. Это был чудесный день. Вечером Лида с Сережей поехали обратно в «Чоут». Я провел еще пару дней в Торонто в переговорах с Тимом Чизхольмом и улетел в Москву.

LXV

Организацией новогоднего вечера для сотрудников Черкизовского комбината Мирошников занялся заранее, еще в октябре. Он запланировал устроить грандиозный концерт, пригласить едва ли не всех звезд, что блистали тогда на московской эстраде, – коллектив это заслужил. Его сотрудник Женя Меньшов провел огромную подготовительную работу, связался с директорами всех артистов и представил мне перечень предполагаемых участников концерта с указанием гонораров, которые они запрашивают. В начале декабря, просматривая список выступающих, я остановился на строчке с фамилией Пугачевой.

– Алла Пугачева... Альберт, а почему у всех три, пять, семь тысяч долларов за выступление, а у нее – двадцать пять?!

– Игорь, что ты хочешь? – Альберт пожал плечами. – Примадонна. Вот такие запросы.

– Нет, ну смотри: тут Ширвиндт, Державин, Шифрин, Аллегрова – прекрасные артисты, и у всех примерно близ-

кие цифры, а Пугачева – двадцать пять?! Слушай, кто занимается приглашением выступающих?

– Женя Меньшов.

– Передай ему: столько я платить не буду. Десять тысяч за выступление. Это мое последнее слово.

Пугачева, конечно же, отказалась.

Ну а мы провели прекрасный вечер в Театре эстрады. Я пригласил Женю Пантелеева, Леню Тягачева, Юру Тулупова, всех, с кем хотелось пообщаться. В те годы корпоративы, тем более такие – на широкую ногу, в Москве были еще в новинку. Сотрудники комбината пришли с семьями, разодетые, торжественные. Тот новогодний вечер вспоминали на «Черкизово» еще много лет.

– Ну что ж, достойное завершение года, – подвел я итоги на следующий день на традиционной утренней планерке. – Надеюсь, что и наступающий 1993-й будет не хуже.

Перед католическим Рождеством я забрал Женю из школы в Швейцарии, и мы с ним полетели в Америку.

Сильвия в первый же вечер пригласила нас всех в гости, познакомила со своими детьми и отцом – бравым стариканом хорошо за восемьдесят. Услышав, что приехали гости из России, он расчувствовался, принялся рассказывать о своих молодых годах – о войне, о встрече на Эльбе, о братании с советскими солдатами. Даже припомнил пару слов по-русски: «Привет!» и, конечно же, «Будь здоров!» – под это «Будь здоров!» мы с ним чокнулись и выпили за мир и дружбу.

На следующий день Сильвия показывала нам кампус. Мне не терпелось увидеть, где живет наш Сережка. Общешитие выглядело довольно скромно. Сережа с соседом занимали небольшую однокомнатную квартиру – вернуться особо негде, но вполне благоустроено, чисто, все необходимое для нормальной жизни есть. Мы позна-

комились с Серезиным новым другом Ником. Он был рад попрактиковаться в русском, мы перебросились несколькими фразами. Ничего от русского парня в нем, конечно, не просматривалось – типичный американец.

Потом Сильвия повела нас в офис директора. Первое, что бросилось в глаза в вестибюле, – бюст Джона Кеннеди.

– Почему именно он? – поинтересовался я.

– Так он же здесь учился, – буднично, словно о чем-то общеизвестном, обронила Сильвия. – На счету у этой школы множество именитых выпускников.

Директор, мистер Эдвард Шэнахан, принимал нас лично. Еще бы! Российская семья – в те времена для американца это было совершеннейшей экзотикой! Эдвард засыпал нас вопросами – интерес к России был поистине огромный и, вне всякого сомнения, совершенно искренний, без малейшего наигрыша, без стремления понравиться, угодить гостям – не просто дань вежливости.

– Я рад, что изменения, которые сейчас происходят, позволяют мне принимать русских учеников, – говорил он нам. – Школа, в которой учится ваш сын, – одна из самых престижных в Америке. Из ее стен вышли многие известные американцы, включая президента Кеннеди.

Директорский офис – скромнее некуда. Вспомнилось помпезное убранство громадного кабинета Садовнического в МГУ – какой поразительный контраст! Эдвард показал нам территорию школы, учебные корпуса, спортивные сооружения. Конечно, Сережа нам все это подробно описывал, но то, что я увидел своими глазами, повергло меня в настоящий шок. Здесь были отдельно стоящие здания для занятий точными науками – физикой, математикой, внушительных размеров библиотека, открытые и закрытые спортивные комплексы; на территории действовали синагога и католическая часовня. Неужели школа мо-

жет быть такой? Ничего подобного я себе и представить не мог. Это был мини-городок, полностью приспособленный и великолепно оборудованный и для получения всестороннего образования, и для повседневной жизни.

После экскурсии мы распрощались до вечера – директор пригласил нас на ужин к себе домой.

– О, это знак высочайшего уважения, – заметила Сильвия. – Американцы редко зовут кого-то к себе в дом, только в исключительных случаях.

Семья Эдварда – он сам, его жена Кристи и четверо детей – занимала типичный американский двухэтажный деревянный домик здесь же, на территории школы.

Кристи оказалась дамой весьма эмоциональной. Она встретила нас с таким восторгом, словно мы были лучшими друзьями и сто лет не виделись:

– О! Игорь!!! – она заключила меня в объятия и дружески похлопала по спине.

Обстановка в доме поражала практичностью и аскетизмом – никаких излишеств, только самое необходимое. Стол был накрыт по-светски сдержанно: вино, несколько видов бутербродов, какие-то закуски. Для меня стало открытием, что, принимая гостей, здесь не принято готовить. Не то что у нас: холодные и горячие закуски, несколько видов салатов, основное блюдо (а то и не одно!). Американцы особо не заморачивались, предпочитали обходиться покупными готовыми блюдами вроде гамбургеров.

Эдвард сказал немало лестных слов о Серее.

– Игорь, для нас это в новинку. Конечно, есть иммигранты, что осели в Америке давно, полностью ассимилировались, их сложно назвать русскими – это, скорее, уже американцы. Но чтоб вот так – ребенок жил в России и вдруг приехал учиться к нам – такое у нас впервые. И скажу, что ваш Сергей произвел самое благоприятное впечатление. Он демонстрирует великолепные аналити-

ческие способности, делает блестящие успехи в учебе и очень быстро совершенствуется в языке.

– Спасибо, мне как отцу приятно слышать столь лестный отзыв, – ответил я сдержанно, но в душе все ликovalo.

– Отмечу еще один немаловажный нюанс, – продолжал директор. – Сергей обладает таким не особенно распространенным сегодня качеством, как любознательность. Преподавателей поражает его пытливый ум, стремление непременно разобраться в сути любого процесса, вникнуть до мельчайших деталей.

– Это у него с детства, – рассмеялась Лида. – Когда был маленький, не соглашался сесть в кресло к зубному врачу, пока тот подробно не объяснит ему, как именно он будет лечить зуб – что сделает сначала, что потом. Доктор говорил: «Ну что ж, проведем семинар юного стоматолога».

– Мам, ты шутишь? – не поверил Сережа. – Я не помню такого совсем.

– Было, было, – подтвердил я. – Еще в Нальнике.

– Я позволю себе дать вам одну рекомендацию: если есть такая возможность, пусть мальчик окончит эту школу. Тогда он сможет поступить в любой из престижнейших вузов.

Весь вечер нас увлеченно расспрашивали о нашей жизни, о том, как мы относимся к только что произошедшему распаду СССР, чего ожидаем в будущем.

– Это так странно: вдруг проснуться в другой стране, – рассуждала миссис Шэнахан.

– Ну а что это меняет? – отвечал я. – Заботы остались все те же. Ребята учатся, я работаю. Конечно, многое меняется на глазах, и трудно сразу все осознать, но, думаю, мы на правильном пути.

– Происходящее как-то отразилось на вашей жизни?

– Вы знаете, судьба сложилась так, и поэтому перемены я воспринимаю с оптимизмом. Хочется верить, что со вре-

менем у нас в стране все будет значительно лучше. Если вам интересно, как живут в России, я приглашаю вас в Москву.

– О! Это было бы здорово.

– Мы с удовольствием примем вас и вашу семью, сделаем приглашение. Наверное, вам будет удобнее во время каникул – где-нибудь в марте?

– Спасибо, – ответил Эдвард Шэнахан. – Дату мы согласуем чуть позже.

Это был длинный вечер, но невероятно интересный. Я открыл для себя много нового о далекой Америке.

На следующий день мы вылетели в Майами. Кнуд Саймон тоже прилетел туда и всячески нас опекал. Рождество мы встретили без особых затей, в «Макдоналдсе».

– У вас ведь, я читала, Рождество не празднуют? – спросила жена Кнуда.

– Да не то что не празднуют, – ответила Лида, – просто в советские времена религиозные праздники не особенно приветствовались, так что за несколько десятков лет уже сложилась традиция: самые пышные торжества – на Новый год, а Рождество как-то немножко в тени.

Кнуд оплатил нам отель в Ки-Уэст, оформил аренду машины и вручил мне ключи от типично американского огромного кадиллака.

– Счастливого пути! Отдыхайте!

Окрыленный чувством свободы, я утопил в пол педаль акселератора. Не зная маршрута, без навигации и карт, мы мотались по дорогам, не понимая, как выйти на хайвей. Жень дергал брата:

– Вон люди идут – спроси у них!

Сережка не решался просто так подойти к прохожим на улице.

– Так, ребята. Едем на заправку, спросим, куда нам двигаться, и купим карту.

Кое-как мы выбрались на хайвей. На идеально ровной дороге скорость совершенно не чувствовалась.

– Кажется, мы очень быстро едем, – забеспокоилась Лида, глядя, как стремительно за окном сменяются пейзажи.

– Сложно понять – я в этих милях ничего не понимаю, – улыбнулся я в ответ и только тут обратил внимание, что люди в машинах, которые мы со свистом обгоняли, смотрели на меня как на сумасшедшего и крутили пальцем у виска. В зеркале заднего вида я увидел полицейскую машину.

– Ну все. Приехали, – объявил я, останавливая автомобиль у обочины.

Подошел полицейский, потребовал документы. Сережа мне переводил.

– Пап, он говорит, ты превысил скорость.

– Сереж, скажи ему, что тут у них на спидометре мили, а я привык к километрам – не сориентировался. Задумался, машина хорошая, дорога еще лучше – вот так и вышло.

Полицейский выслушал Сергея и что-то ответил.

– Он сказал, что ты должен заплатить штраф.

– И сколько же?

– Пятьсот долларов.

– Сколько?!

Сережа пожал плечами. Я попытался разжалобить стража порядка – мол, первый раз, иностранец, растерялся... Никаких поблажек! Я заплатил штраф и аккуратно покати́л дальше, но теперь уж неукоснительно следуя всем дорожным указателям и внимательно следя за спидометром – это не на родных просторах, здесь, как выяснилось, небрежность на дороге обходится дорого.

В Ки-Уэст Кнуд забронировал нам номера в прекрасном пятизвездном отеле. Новый, 1993 год мы встречали на берегу океана. Шампанское открыли по московскому времени – под сияющим солнцем.

LXVI

Из-за галопирующей инфляции деньги обесценивались мгновенно – иногда ценники в магазинах переписывали по несколько раз в день. В соответствии с законом о либерализации цены отпустили, и они взлетели до небес. В стране разрешили свободную торговлю, и все кинулись продавать что только можно. Москву заполонили ларьки и палатки, на каждом углу чем-то торговали – со складных столиков, из стоящих прямо на земле ящиков, просто с рук.

Разброс цен в разных торговых точках поражал воображение. Дешевле всего нашу продукцию продавали в ларьках и на оптовых рынках – они явно работали вчерную, налогов не платили; наверняка просто отстегивали часть прибыли тем, кто их крышевал. Я смотрел на эти ларьки, и меня брала оторопь: как можно так торговать? Там же сплошная антисанитария! Однако товар у них расходился быстро – слишком велика была разница в ценах

с крупными магазинами, которые не стеснялись накручивать огромные наценки.

Комбинату остро не хватало оборотных средств. Главная беда заключалась в том, что поставки в стационарные магазины Москвы и отгрузка в регионы шли с отсрочкой платежей на месяц, да и этот срок сплошь и рядом не соблюдался – оплату затягивали месяца на полтора-два. За время, которое проходило между отпуском товара и поступлением денег за него, инфляция просто съедала нашу прибыль.

На совещаниях я рвал и метал:

– Отпуская товар на консигнацию, мы теряем деньги!

– Игорь Алексеевич, на условиях предоплаты магазины работать не готовы.

– Значит, надо принимать радикальные меры, – отрезал я. – Смотрите, в ларьках на оптовых рынках колбасу с руками отрывают – только давай. Потому что дешево. А что если нам самим начать торговать? Только не в таких свинарниках, а цивилизованно. Сколько раз в поездках по Европе мы с Васковичем обращали внимание на торговые фургончики! Их полно – колесят по улицам и в Италии, и в Австрии. Мобильные, прекрасно оборудованные – есть холодильные емкости, охлаждаемая витрина, товар отлично виден покупателю, все приспособлено для санитарной обработки. Почему бы и нам не организовать собственную выездную торговлю? Можно будет продавать продукцию комбината с минимальной наценкой, которая покрывала бы только издержки, связанные с выездной торговлей, а главное – реализовав товар, вечером того же дня уже получить деньги.

– Игорь Алексеевич, на следующей неделе мы едем на выставку в Германию, – откликнулся начальник коммерческого отдела. – Наверняка там будут представлены и такие фуруны.

– Отлично. Я слетаю на день вместе с вами, – решил я.

На выставке у нас просто глаза разбежались. Чего только там не было! Фургончики – чудо техники, под завязку напичканные всевозможным оборудованием: не только холодильниками и охлаждаемыми витринами с подсветкой, но и грилями, мини-печами для разогрева продукта, кофемашинами, соковыжималками, да бог знает чем еще. Стоимость, конечно, соответствующая.

– Ну, такие навороты нам ни к чему, – заключил я, – мы же не собираемся устраивать выездные мини-кафе. Нужно в подобном формате сделать автомобиль для передвижной торговли колбасой.

Мы собрали необходимые информационные материалы, сфотографировали все модификации торговых фургонов в разных ракурсах, я вернулся на комбинат, а коллеги остались знакомиться с остальными разделами выставки.

Я решил сконструировать передвижной магазин на базе автомобиля «Даф». Мы уже закупаем у этой голландской компании фургончики для развоза продукции по торговым точкам, так что с главой ее московского представительства я был хорошо знаком. Ганс по моей просьбе приехал на комбинат, я показал ему наши наброски, рассказал о требуемых технических параметрах и предложил в сотрудничестве с нашим КБ разработать конструкцию точки передвижной торговли на базе шасси «Даф».

Наш магазин на колесах должен был вмещать тонну колбасы. Чтобы товар был хорошо виден покупателю, борт кузова на всю длину надо было превратить в стеклянную витрину. Внутри, разумеется, требовалось установить холодильные емкости. А еще я попросил разместить на видном месте экран, на котором крутились бы ролики о комбинате, демонстрирующие технологию и то, в каких безупречных санитарных условиях производится колбаса.

Мы договорились, что «Даф» изготовит экспериментальный образец и, когда он будет готов, я прилечу на смотрины.

Партия из ста таких автомобилей стоила примерно шесть миллионов долларов. Медлить было нельзя. Где взять средства на этот проект? Я вспомнил, как оперативно Аркадий Гайдамак решил проблему финансирования поставок через банк «Российский кредит». Наверняка и здесь быстро сработает. Я связался с Димой Цирюльниковым и рассказал ему о своих планах по организации выездной торговли.

– Дима, это быстрые деньги, – объяснял я. – Народ считает колбасу моментально. Как только товар заканчивается, фургон возвращается на завод с выручкой. Если Аркадия заинтересует мое предложение, можем создать отдельное торговое предприятие на базе вашего юридического лица – мы вместе с ним, пятьдесят на пятьдесят. Это будет выгодно нам обоим. Окупим затраты на приобретение транспорта быстро.

Дима рассказал о нашем разговоре Гайдамаку. Аркадию идея понравилась. Примерно через месяц голландцы сообщили: опытный образец готов. Я собрался в Париж, чтобы оттуда вместе с Гайдамаком отправиться в Голландию на завод «Даф» в Эйндховене – осмотреть наш будущий магазин на колесах и заключить контракт на поставку партии таких автомобилей.

В это время в Москве был отец – занимался ремонтом своей квартиры на Фрунзенской.

– Пап, хочешь слетать в Париж? Оттуда поедем в Эйндховен смотреть фургон для выездной торговли, хочу, чтобы ты тоже взглянул. И квартиру свою тебе покажу. Отметим там твой день рождения, – предложил я ему.

– Поехали! – отец всегда был легок на подъем.

Он был верен себе – отправляясь в Европу, не забыл прихватить пару бутылок водки.

– Пап, ну куда ты ее тащишь? – увещевал я его. – Там водки – хоть залейся!

– Да ты что! – отец был непреклонен. – Это же «Посольская»! Там такой нет.

Так мне и не удалось его отговорить. Он уложил бутылки в чемодан, заботливо обернув, чтобы не разбились.

В Париж мы прилетели 24 января – в день рождения отца. Сразу из аэропорта заехали посмотреть квартиру. Отец покупку одобрил, но от критики удержаться не смог:

– Просторно, ничего не скажешь. Потолки бы вот только повыше.

Потолки, действительно, были два семьдесят. Новое строительство, экономия... Не то что в парижских зданиях старой постройки.

Ну а вечером праздновали день рождения – душевно, в кругу друзей: Аркадий Гайдамак с Ириной, Дима Цирульников с Анной-Мари, я и отец.

На следующий день Гайдамак заехал за нами.

– Ну что, вы готовы? Поехали!

– Давно готовы, – ответил я, и тут в сумке отца предательски звякнули бутылки.

– Я смотрю, вы во всеоружии, – усмехнулся Аркадий.

– Да уж. Отец не изменяет своим привычкам, – кивнул я. – Он всегда с водочкой. В тех местах, где он всю жизнь делал бизнес, без этого шагу не ступить.

– Везде свои методы, – рассмеялся Аркадий.

Мы сели в машину и поехали в Голландию, на завод «Даф» в Эйндховене.

Опытный образец, который нам показали, привел Аркадия в восторг.

– Вот это фургончик! – восхищался он. – Просто игрушка!

Голландцы, надо отдать им должное, действительно в грязь лицом не ударили. От сверкающего автомобиля с символикой «Черкизово» невозможно было отвести глаз.

– Да, хорош! – протянул отец. – Представляю, как будет смотреться на московских улицах. От покупателей отбою не будет.

Воодушевившись, Гайдамак тут же дал согласие войти в долю.

Мы заказали сборку ста таких магазинов на колесах и по приглашению голландских друзей отправились в ресторан.

Отец был в ударе. Не успели мы сделать заказ, как он попросил рюмочки и принялся разливать водку.

– Ребята, это дело надо отметить! Давайте выпьем настоящей русской водки.

– Пап, не торопись! – пытался я его урезонить. – Это же иностранцы, они так пить не привыкли.

– Игорь, ты что? А обмыть покупку? Давайте, давайте, по чуть-чуть.

Что-что, а уговорить выпить отец мог кого угодно – был у него такой дар. Для него самого махануть граммов триста-четыре – как делать нечего. Голландцев же он накачал практически до бесчувствия. Для них это было убойной дозой.

На следующий день после возвращения в Москву мне позвонил Ганс:

– Игорь! Ну и богатырь у тебя отец! Как он себя чувствует?

– Прекрасно, Ганс! Передает тебе привет!

– Вот это да! А мы тут до сих пор в себя прийти не можем!

Мы с Аркадием вложили в этот проект по три миллиона долларов каждый. В середине 1993 года сто автомобилей пришли в Россию, и мы начали выездную торговлю.

LXVII

Расширение ассортимента продукции, ввод в строй новых производственных линий, внедрение современных технологий – Черкизовский комбинат двигался вперед семимильными шагами. Иначе было нельзя: мы стремились удержать первенство в мясной индустрии столицы, не сдавать завоеванные позиции на рынке. Для этого было очень важно отслеживать перемены в структуре потребления и соответственно перестраивать тактику продаж.

Условия жизни в стране стремительно менялись. Отпущенные в свободный полет цены устремились вверх, из-за инфляции платежеспособность покупателей падала. Если раньше продукты было трудно купить из-за дефицита, то теперь товаров на полках хватало – не хватало денег. К тому же открытие границ привело к резкому росту объемов ввоза продовольствия. В СССР, а потом и в России, за импортными товарами всегда гонялись. И вот теперь

на прилавках их появилось великое множество. Все новое, чего раньше здесь и в помине не было, имело колоссальный успех! Ведь доступным стал товар, который советские люди раньше видели разве что в кино. Теперь появилась возможность вкусить запретных плодов вожделенного Запада. Магазины были завалены импортной продукцией, и мы во многом проигрывали западным конкурентам.

Наши гирлянды сосисок казались такими обыденными и привычными – не то что удобные компактные вакуумные упаковки на заокеанский манер. Уступали мы и по срокам хранения – развесные сосиски и колбасы долго лежать не будут. Герметично упакованная же зарубежная продукция не портилась месяцами. Наши сосиски были лучше по качеству, но, соответственно, и дороже – а в начале 90-х цена для потребителя зачастую имела решающее значение. На совещаниях то и дело возникали вопросы:

– Какие меры помогут нам повысить спрос на нашу продукцию?

– Что предпринять, чтобы наш товар соответствовал зарубежным стандартам по срокам реализации?

– Как добиться того, чтобы на полках магазинов упаковки с логотипом «Черкизово» не проигрывали по дизайну импортным аналогам?

Необходим был решительный шаг.

Мы с Васковичем не раз возвращались к нашему давнему разговору о сосисках в вакуумной упаковке, которые так поразили меня в американских супермаркетах в мой первый приезд в США. От Кнуда Саймона мы получили предложение о поставке термоагрегатов непрерывного действия для варки сосисок, которые производила его компания. Но это могло решить лишь часть проблемы.

– Кнуд, термоагрегаты, которые вы производите, это сердце линии, – говорил я ему. – Но есть же еще ее нача-

ло и конец. Мне нужно предложение на все оборудование в комплексе.

Кнуд прилетел в Москву и представил мне такое предложение. Начало линии составляло немецкое оборудование производства компаний «Фэмаг» и «Поли-Клип», потом шел собственно непрерывно действующий термоагрегат, а затем – оборудование для укладки, фасовки и вакуумной упаковки с фиксированным весом от американской компании «Рэпид Пак». Мы обговорили с Кнудом цену и условия, уже практически подошли к подписанию контракта, однако немецкая компания «Фэмаг» предложила оборудование для начальных операций дешевле, поскольку в этом случае отсутствовал посредник, а также представила нам термоагрегат собственного производства – и тоже по цене ниже, чем у Кнуда. Поэтому предложение канадца пришлось отклонить. Что же касается концевых операций, то тут американцам не было равных, и эти установки мы, как изначально и предполагалось, приобрели у «Рэпид Пак».

Запуск в производство такого продукта решал сразу несколько проблем: в нашей продуктовой линейке появлялся штучный товар с фиксированным весом, к тому же с длительным сроком хранения. Еще одним условием было преимущество в цене перед конкурентами. Проблеме сырья для этой линии мы обсуждали с Мишей Маминяном.

– Игорь Алексеевич, главное в этом продукте – дешевый птичий фарш. У нас такого не делают. Он составляет примерно шестьдесят пять процентов массы. Остальное – свинина.

– Где нам достать этот фарш?

– Он есть в Англии, в США, Канаде... Не проблема.

Шесть месяцев ушло на доставку необходимого оборудования, монтаж и запуск линии. Замороженный фарш

– МДМ – мы получали в блоках. Таким образом удалось выдержать стандарты качества, добиться вкуса, идентичного импортным сосискам, и предложить покупателям относительно недорогой продукт.

В магазинах фасованные сосиски в вакуумной упаковке расхватывали на ура. Российская мясная промышленность прежде никогда ничего подобного не выпускала. Отечественный товар впервые на равных вступил в конкуренцию с продуктами западных производителей.

LXVIII

Переход к рыночной экономике и общечеловеческим ценностям во всех сферах государственной и общественной жизни изменил отношение к нашей стране в мире. В 1992 году Россия стала членом Международного валютного фонда, и на огромный, совершенно неосвоенный, прежде закрытый для внешних игроков российский рынок устремились коммерсанты из разных стран. В результате переговоров на высшем уровне была достигнута договоренность о выделении межправительственных целевых кредитов из Европы, в том числе из Италии.

Узнав о возможном выделении целевого кредита, ко мне тут же прилетели итальянцы.

– Игорь, какие у тебя впечатления? Наши линии работают на полную мощность, хорошо загружены, – говорил мне Пьеро Маньяни.

– Пьеро, все же на бумаге одно, а на деле другое. Все-таки мы получаем на выходе на десять-пятнадцать про-

центов меньше, чем заложено проектом, – не без некоторого разочарования отвечал я.

– Игорь, климокамеры рассчитаны на ту мощность, которая предусмотрена контрактом. Это вне всяких сомнений.

– Может быть, я ошибаюсь, время покажет. А вообще, молотим мы на всю катушку. Я вам очень благодарен за мортаделлу и мини-салями. Расширение ассортимента произошло в самый нужный момент. Конечно, это все-таки не та мортаделла, что вы производите у себя. Не тот вкус. Достичь итальянского уровня качества мы пока не можем – приходится работать на замороженном сырье, а не как вы – на охлажденном мясе.

– Ну, сам знаешь, Игорь – вопрос сырья не в нашей компетенции, – вздохнул Маньяни.

– Пьеро, на самом деле, этот штучный мини-батон мортаделлы с фиксированным весом, конечно, сильно облегчил жизнь. Стало проще работать с торговлей. Мортаделла прекрасно продается. Да и потом, сейчас рынок таков: что ни выкинешь – все сметают.

– То есть люди берут?

– Отрывают с руками. Даже тех объемов, что мы выдаем, уже не хватает. Емкость рынка значительно больше. Если бы мы не были так сильно закредитованы, я бы и дальше инвестировал бы и развивал производство. Банковская система в России – это просто катастрофа. Я кредитуюсь в банке «Возрождение». Но при такой инфляции процентная ставка просто зашкаливает.

– И сколько же процентов они берут? – поинтересовался Пьеро.

– Да под двадцать пять порой заламывают, представляешь? Это ж какая прибыль должна быть, чтобы обслуживать такие дорогие кредиты! Дмитрий Орлов, хозяин банка «Возрождение», просто выкручивает руки. И это

они еще по-божески по сравнению с другими банками. Там вообще караул!

– Игорь, – проговорил Пьеро после паузы, – надо подумать о том, что еще мы можем сделать у тебя на комбинате. Дело в том, что по соглашению между нашими странами выделяются межправительственные льготные целевые кредиты на пять-десять лет. Мы решили, что и тебе, и нам будет интересно продолжить наше сотрудничество. Мы добились, что нас включили в список предприятий, рекомендованных для сотрудничества с российской стороной.

– Это отличная новость! Какие у нас сроки?

– Если мы сейчас оперативно поработаем и подготовим проект, то гарантированно итальянская сторона нас пролоббирует и мы получим деньги.

– О какой сумме идет речь? – поинтересовался я.

– Примерно о двадцати двух миллиардах лир – это около двенадцати миллионов долларов.

– Пьеро, это очень интересно! Если кредит можно будет погашать в течение пяти лет, это позволит нам задуматься о чем-то более масштабном. Учитывая уже сделанное, я считаю, что общий объем выпуска сырокопченых колбас можно увеличить с нынешних пяти до двадцати пяти тонн. Причем поставить полностью новую линию, которая будет работать от сырья до нарезки готовой колбасы и вакуумной упаковки. Тут ведь дело не только в ассортименте продукции, но и в форме подачи. Я до сих пор прийти в себя не могу от того, как продуманы в западной торговле маркетинг и дизайн: какое качество упаковки, полиграфия, сколько вариантов фасовки, нарезок! Вот и нам нужно идти по этому пути.

– Сразу на двадцать тонн больше? – изумились итальянцы. – Отлично, Игорь. Эта идея нам нравится. Официальный визит итальянской правительственной делега-

ции в Россию должен состояться через пару месяцев, и к этому времени нам нужно подготовить проект.

Вместе с итальянцами мы пробежались по заводу и решили, что для установки новой линии сырокопченых колбас на «Черкизово» можно построить громадную площадь на крыше производственного корпуса.

– Пьеро, мы все просчитали: фундамент и каркас здания спроектированы с запасом. Мы можем смело надстроить и нагрузить еще один этаж.

– Игорь, а какая полезная площадь получится в итоге? – поинтересовался Пьеро.

– Пять тысяч квадратных метров, – ответил я.

Итальянцы сделали все необходимые замеры и приступили к разработке проекта. Через некоторое время Пьеро Маньяни сообщил:

– Знаешь, Игорь, этой площади маловато. На ней вполне можно разместить климокамеры, а вот отделения нарезки и упаковки требуют еще пару тысяч квадратных метров.

– Раз так, я готов надстроить над весовой как минимум трехэтажный корпус. Это позволит решить эту проблему.

– А как же мы будем объединять процессы? Везти все по улице от одного здания к другому? Ты как себе это представляешь?

– Пьеро, не беспокойся – сделаем крытый переход с верхнего этажа-надстройки в новый корпус над весовой. Это даст нам дополнительно как минимум две тысячи квадратных метров производственных площадей. Там можно разместить блок нарезки колбас. Готовые батоны будут попадать в цех через переход, минуя улицу.

Моя идея ошеломила итальянцев. Но мы с ними были уже не первый день знакомы, так что сомнений в том, что очень скоро мои планы обретут реальные очертания, у них не возникло. Они принялись дорабатывать проект с учетом моих предложений.

Примерно через месяц мне позвонил Пьеро:

– Игорь, проект готов. Итальянская делегация в Москве, нас включили в перечень приоритетных проектов, остается только ждать. Мы задействовали все свои связи, думаю, что все будет нормально.

Идея получить целевой итальянский кредит полностью завладела мной.

– Представляешь, – говорил я Мирошникову, – получить двенадцать миллионов долларов! Это дешевые и длинные деньги, которые совершенно нас не обременят!

– Да, Игорь, это сильно нам поможет. По сырокопченой колбасе мы станем в стране монополистами.

Главной нашей проблемой на тот момент оставались стройки: Валдай, Балашиха и Кашира. Не проходило дня, чтобы я не ломал голову, что же с ними делать. И бросить нельзя, и дальше тащить на себе это бремя невозможно. Строительство в Балашихе мы заморозили – сырьевая база там была сведена к нулю, поголовье свиней полностью вырезано. В Кашире же и на Валдае работы все еще шли, но уже абсолютно не теми темпами, что вначале.

– Надо думать, как довести объекты до ума, и попробовать их как-то использовать. Ну или реализовать. В конце концов, это собственность, – рассуждал Альберт.

– Да кому это все надо? – махнул я рукой. – Сельское хозяйство в ауте, никто не потянет такие гиганты. Хотя, конечно, ты прав – надо думать. Кстати, у нас ведь уже есть договоренность с Чизхольмом по Валдаю: они берут в аренду холодильник емкостью в две тысячи тонн, но только по готовности здания. Наверное, придется мне просить их вложиться в завершение строительства. Нужно будет проинвестировать миллиона полтора.

В следующий приезд в Россию Джефа Ралли я завел с ним разговор о Валдае. Уговорить его согласиться отступить от условий нашей первоначальной договоренности

и принять участие в финансировании завершения строительства было непросто. Признаюсь честно: пришлось надавить. «Черкизово» было для Чизхольма настолько крупным клиентом, что не считаться с моей просьбой Джеф не мог. А мне некуда было деваться – речь шла буквально о выживании нашей компании.

– Джеф, – говорил я ему, – поверь, я попал в безвыходное положение. Это жизненно важно, я вынужден просить вас помочь. Деньги, которые вы вложите, отобьются. В крайнем случае, если что, продадим объект и я тебе их верну.

В конце концов согласие было получено, с помощью компании «Чизхольм» строительство на Валдае впоследствии было доведено до конца, и они начали использовать тамошние складские мощности в качестве перевалочной базы для поставок замороженного блочного мяса. Это позволило канадской компании стать одним из крупнейших игроков на рынке мясного сырья в России.

Ситуация в Кашире была намного сложнее. Мало того что совхоз-то мы в конце концов купили, но поздно – скота там осталось не больше двух тысяч голов и ставить убойный завод уже просто не имело смысла, так мы к тому же оплатили линию по убою КРС и оборудование вот-вот должно было прибыть в Россию. У меня все же теплилась надежда, что мы сможем довести до ума этот объект, запустим линию по убою и станем привозить скот из близлежащих регионов, поэтому работы в Кашире я пока не останавливал. Сети, коммуникации, скважины, очистные сооружения, складские площади – все это продолжало строиться в расчете на будущее.

Ну а что касается Балашихи, мы приложили немало усилий, чтобы продать замороженный объект. В конце концов покупатель был найден. Полученные от продажи Балашихи два миллиона долларов мы направили на продолжение строительства в Кашире.

LXIX

Как мы и договаривались, директор школы «Чоут Розмари Холл» Эдвард Шэнахан с женой прилетели в Москву во время весенних каникул. В конце марта я встречал Эдварда и Кристи в аэропорту Шереметьево. Я забронировал им номер в гостинице «Интурист», которая тогда стояла в самом начале Тверской.

Лида провела с Эдвардом и Кристи всю неделю – показывала им Москву, сводила в Кремль, Третьяковскую галерею. В совершеннейший восторг привело Шэнаханов Коломенское – Кристи только и успевала щелкать фотоаппаратом. Конечно же, для уважающего себя американца немислимо побывать в Москве и не увидеть легендарный русский балет. «Лебединое озеро» в Большом театре мы смотрели из директорской ложи.

Но в основном я присоединялся к Лиде и нашим гостям уже поздним вечером, вернувшись с завода.

– Эдвард, ну как вам Кремль?

– Игорь, это потрясающе! Мы столько раз видели это на фотографиях, но оказаться там самим, пройти по этой древней брусчатке – это ни с чем не сравнимое ощущение! Москва прекрасна!

– А Царь-пушка! А Царь-колокол! – вторила ему жена.

– Да, – усмехнулся я. – Пушка, которая никогда не стреляла, и колокол, который никогда не звонил.

– Ах, загадочная русская душа! – закатывала глаза Кристи.

Они с упоением гуляли вместе с Лидой по узким замоскворецким улочкам, разглядывая старые московские дома. А когда Лида показала им особняк Рябушинского на Малой Никитской, Кристи едва не рухнула в обморок от восхищения.

– Боже! Какие мозаики! Какие линии! Русский модерн!

Миссис Шэнахан была, безусловно, ценительницей прекрасного, но высокими материями ее интересы вовсе не ограничивались. Повседневная жизнь занимала ее ничуть не меньше.

– Игорь, мне хочется поближе увидеть, как у вас живут люди.

Я немного оторопел.

– Ну вот, вы видите, как живем мы, – отвечал я.

– Давайте съездим на самый обычный рынок, посмотрим, что покупают самые обычные люди? Ты ведь человек обеспеченный и живешь все же не так, как все. А нам интересна жизнь обыкновенных москвичей.

«Ох, дорогая, – подумал я. – Не знаешь ты, о чем просишь. Не с твоей впечатлительностью погружаться в пучину нынешней российской жизни». А вслух сказал:

– Давайте сходим в Елисеевский магазин – это и старинная архитектура, и невероятный интерьер – одна люстра чего стоит! – и современная жизнь – там полно обычных покупателей.

– Игорь, в Елисеевском мы уже были. Интересно посмотреть на московский рынок.

Я повез их на Дорогомиловский. Глазам наших американских гостей предстало душераздирающее зрелище: изобилие всевозможных продуктов и бродящие вдоль прилавков люди, которые не в состоянии что-то здесь купить.

Кристи ходила по рядам, вчитывалась в ценники, пересчитывала в уме рубли на доллары и ошарашенно вопрошала:

– Кто же может себе позволить это купить при таких зарплатах?!

В довершение картины к нам подскочила нищая с грудным ребенком на руках. Кристи разрыдалась:

– Боже, несчастной матери нечем кормить дитя!

Достав из сумочки деньги, она сунула их женщине. Успокоить ее мне стоило больших трудов.

Ремонт в нашей – теперь уже сильно расширенной – квартире на Арбате подходил к концу, и я не преминул показать ее американским гостям. Мы устроили для них настоящее, как принято в России, застолье. Эдвард и Кристи диву давались:

– В Америке это совершенно непредставимо – столько всего наготовить, принимая гостей!

Размеры квартиры их тоже немало удивили.

– Игорь, это очень впечатляет! – восхищался Эдвард. – У нас мало кто может себе позволить триста квадратных метров в центре Нью-Йорка. У меня вот, например, пока вообще нет своего жилья. Ты же видел – дом предоставлен школой.

Я провел гостей на балкон.

– О! Так здесь все и происходило в августе 1991 года? – восклицал Эдвард, глядя на Белый дом.

– Да, вот прямо у этого моста были баррикады, а вот там Ельцин выступал, стоя на танке.

– Игорь, вы живете не просто в центре, а в историческом месте!

– Да, это меня сразу подкупило. А еще я заканчиваю строительство загородного дома. Мы туда съездим, я вам его покажу.

Трехэтажный особнячок площадью около пятисот метров с отдельно стоящей столовой произвел на гостей впечатление.

– Да, Игорь! У нас в Америке все гораздо скромнее, – посмеивался Шэнахан.

Конечно же, я показал гостям и Черкизовский завод.

– Вот это да! А говорят, в России разруха, – протянул Эдвард.

Американцы гостили у нас неделю. Зная, с каким восторгом они относятся к русским народным промыслам, мы надарили им множество подарков: оренбургские платки, жостовские подносы, палехские шкатулки, хохлому и бог знает что еще. Они были просто одержимы всем русским.

В конце визита Эдвард признался:

– Я потрясен вашей страной, здесь необыкновенные люди! Очень дружелюбные, теплые, отзывчивые. Во многом похожи на американцев. Но как же трудно они живут!

Да... А ведь это он только в Москве побывал. Видел бы, что творится в глубинке!

– Игорь, меня поражает контраст. Когда мы с тобой – все великолепно, столы ломятся, все двери открываются. Но шаг в сторону – и сразу видно, как скудно живет народ. О чем думает ваш Ельцин? Надо же с этим что-то делать!

– Эдвард, я не могу говорить за Ельцина. Я могу сказать за себя – мы делаем что можем. Но не бывает так, чтобы все было хорошо везде и сразу.

– И все же я надеюсь, что жизнь у вас наладится.

В аэропорту мы прощались как лучшие друзья. Кристи даже всплакнула.

– Столько эмоций, столько впечатлений! – восклицала она. – Обязательно ждем вас на следующий год!

LXX

Основной объем оболочки мы покупали у американской компании «Типак». Европейское и российское направление ее деятельности курировало представительство в Швейцарии. С директором Максом Кайзером мы не раз встречались, хорошо знакомы были и с вице-президентом по общим вопросам господином Бадалом, ему не раз доводилось бывать на нашем заводе.

Грузный, седоволосый, Бадал выглядел на свои 60 лет. Ассириец по национальности, он прожил всю жизнь в США, женат был на американской армянке. Взращенный в довольно консервативной среде, с молоком матери впитавший дух древней культуры своего народа, Бадал вырос и формировался как личность в типично американской атмосфере свободы и предпринимательства 50–60-х годов. Прибавим сюда энциклопедические знания во всех областях, невероятную интуицию и безграничную харизму. Это сочетание делало Бадала без преувеличения уникальным.

Он никогда не терял самообладания, был безупречно вежлив и чрезвычайно обходителен. Где бы он ни появлялся, само его присутствие придавало общению какую-то особую сердечность. В любой компании он всегда задавал тон. Человеколюбие и доброжелательность были у него в крови. О России он неизменно отзывался очень тепло:

– То, что произошло в вашей стране, те изменения, которые мы видим, – все это очень тяжело, ведет к разрушению привычного уклада. Но уверяю, пройдет совсем немного времени и очень скоро именно в России откроются невероятные перспективы для бизнеса.

При каждом удобном случае Бадал твердил, что я непременно должен побывать на их предприятиях в Америке:

– Игорь, я заверил руководство компании, что ты прилетишь в Америку и посетишь наши производства. Я приглашаю тебя в большую ознакомительную поездку с посещением мясных заводов в США. Мы продемонстрируем все наши возможности.

– Бадал, это очень интересно.

– Игорь, мы тебя ждем! С профессиональной точки зрения это будет очень интересно, – заверял меня Бадал. – Всю организацию на месте мы берем на себя.

Мы стали готовиться к поездке. К обсуждению нашего визита в США подключился Маньяни.

– Американцы, – сказал мне он, – мировые лидеры по производству сосисок. И раз ты едешь в США, наши коллеги братья Коззини хотели бы с тобой встретиться. Их представительство находится в Чикаго.

– Конечно, Пьеро, с удовольствием! Мне просто необходимо самому увидеть эти сосисочные линии. Давай организуем встречу.

Поскольку мы получали громадное количество мяса из Америки, я позвонил Джефу Ралли.

– Джеф, я буду в Нью-Йорке в апреле, после этого мы полетим в Чикаго. Согласуй наш график с Бадалом. Можно организовать встречу с производителями мяса – я буду в вашем распоряжении.

– Отлично, Игорь. Я познакомлю тебя с ведущими производителями свинины.

Вылетели мы мощной командой: я с Лидочкой, Женя Пантелеев, к тому времени министр промышленности Москвы, с супругой, Мушер Мамиконян и Людочка. По случаю нашего приезда из Швейцарии прилетел Макс Кайзер. Они вместе с Бадалом встретили нас в аэропорту и отвезли в отель Four Seasons.

Мы прибыли в Нью-Йорк в пятницу. В тот же день из «Чоута» приехал Сережа, мы провели уик-энд с сыном.

Лида не могла на него наглядеться, безостановочно расспрашивала обо всем на свете.

– Да все нормально у меня, мам, ну что ты волнуешься? Я ж не в глухоту какой-нибудь, – смеялся Сережа.

– Ох, может, в каком-то смысле, и лучше бы в глухоту, – вздыхала Лида, вспоминая засилье фастфуда в столовой «Чоута». – Сынок, ты особенно не налегай на все эти гамбургеры, картошку фри, соусы, снеки всякие – это же просто вредно! Особенно для растущего организма.

– Мам, да брось ты, – отмахивался Сережа. – Все американцы так питаются, и ничего.

– Ну да, ничего! – вступил я в разговор. – Посмотри вокруг – ты где-нибудь видел столько толстых людей? А это же гарантированные проблемы с сердцем, с сосудами. Все дело в этом фастфуде!

– Пап, ну конечно, это не то, что дома, но я же здоров, – возражал сын.

– Никто не знает, как эта мусорная еда потом аукнется, – сокрушалась Лида.

Мальчишка рос, и нас очень беспокоило, чем он питается.

Я познакомил Сережу с Бадалом и Кайзером. Они с легкостью нашли общий язык. По поводу наших споров о питании Бадал сказал:

– Ребята, питание – это не столь важно. Молодому сильному организму навредить сложно. Главное, что он в «Чоуте» – это одна из лучших школ Америки. После ее окончания перед ним будут открыты все двери!

В Нью-Йорке мы пробыли два дня, а потом понеслось: каждый день мы перелетали в новый город. Начали с любимого города Бадала – Чикаго. Он здесь жил и по-настоящему трепетно к нему относился. С залива задувал прохладный весенний ветер, но в лучах солнца город выглядел по-американски великолепно.

Здесь мы посетили офис компании «Типак». Ее руководство встречало нас в полном составе. Приняли нас очень тепло – ведь мы были лидерами мясной переработки в стране и считались сильными бизнес-партнерами. В подробнейшей презентации нам продемонстрировали поистине громадные масштабы бизнеса компании и размещения ее производств в Америке, Канаде и Европе.

Неподалеку от города мы посетили один из заводов по производству пленки, полиграфических и упаковочных материалов – великолепное мощное предприятие.

Показывая нам его, Бадал не уставал твердить, что России необходимо следовать примеру США в технологиях упаковки товара. Он буквально уговаривал нас максимально серьезно заняться товарным оформлением, концевыми операциями производства.

Вечер мы провели за ужином в одном из лучших итальянских ресторанов города с руководителями компании «Типак». За ужином Бадал предупредил:

– Завтра за вами заедут Коззини и вы продолжите свою программу пребывания с ними. А мы еще встретимся с вами позже.

На следующий день мы познакомились с Оскаром и Иво Коззини. Братья возглавляли фирму с давней историей. Основал ее их отец, европейский эмигрант. Изначально он занимался заточкой ножей. Дело росло, и со временем фирма стала лидером по производству эмульсаторов.

Вместе с братьями Коззини мы полетели в Индианаполис знакомиться с компанией «Алкар», производящей термоагрегаты, и ее президентом Биллом. Нас отвезли на находившийся неподалеку завод, чтобы мы могли увидеть воочию всю линию по производству фасованных сосисок: эмульсаторы «Коззини», термоагрегат непрерывного действия «Алкар» и упаковочное оборудование «Рэпид Пак».

Линия работала слаженно, как единое целое. Все этапы производства были безупречно увязаны друг с другом, оборудование разных производителей идеально сочеталось, и производственный процесс шел без сучка без задоринки – от подачи сырья до упаковки готовой продукции. Приятно было в деле, а не на демонстрационном стенде увидеть машины «Рэпид Пак», которые мы закупили для «Черкизово».

Осмотрев завод, мы вместе с Коззини вернулись в Чикаго. Бадал непременно хотел показать нам Чикагский университет, который когда-то окончил и которому его компания регулярно делала благотворительные пожертвования.

Я, конечно же, не упустил случая побывать в одном из лучших американских высших учебных заведений. Увиденное там не могло не впечатлить. Было ясно: в сфере образования Америка тоже опередила нас очень много. Я ходил по кампусу, по учебным корпусам, и меня не покидала мысль: может быть, когда-нибудь Сережка и Женя будут учиться в таком университете.

Еще день спустя к нам присоединился Джеф Ралли. С ним мы полетели на завод компании «Смитфилд».

В преддверии визита я поинтересовался у Джефа, будет ли возможность провести с ее руководством коммерческие переговоры.

– Игорь, я не уверен, что они пойдут на конкретный разговор, – ответил Джеф. – Но встречу, знакомство с руководством, думаю, организовать можно. Им интересно увидеть русского бизнесмена, пообщаться и показать один из своих заводов. Это крупнейший в Америке производитель свинины. Они покажут один из своих лучших заводов – он бьет в день десятки тысяч поросят.

– Сколько?! – удивленно воскликнул я.

Производство таких масштабов я и представить себе не мог. Не терпелось взглянуть на эти чудеса.

Так мы оказались на одном из убойных заводов «Смит-филд». Свиней везли фурами непрерывным потоком. Запасов практически не было. Как мне объяснили, вся логистика здесь выстроена таким образом, чтобы сделать снабжение бесперебойным.

– По-моему, это рискованно, – заметил я. – Если живок привезут с опозданием – производство же встанет.

– Игорь, – усмехнулся Джеф Ралли, – здесь невозможно себе представить, чтобы были нарушены сроки и живок пришел с опозданием.

– Но ведь бывает, что что-то пошло не так?!

– Договоры составляются таким образом, что малейшее нарушение графика поставок или сбой в логистике влечет за собой громадные штрафы. Так что все делается всегда в срок. У них нет запасов. Они работают на оперативных поставках. Утром начинается забой, в полночь – санообработка. И к этому моменту никаких остатков нет.

Подумать только! У нас всегда было наоборот: есть в холодильнике хороший запас – директор чувствует себя королем, ну а если шаром покати – плохо твое дело.

А вот, пожалуйста, – работают вообще без запасов – и хоть бы хны.

Как же мы отстали, если у нас показатель благополучия завода – большой запас мяса в холодильниках! О том, что огромное количество голов свиней может ежедневно прибывать на убойный завод, что переработку можно снабжать свежайшим мясом без малейшего сбоя, нам даже и мечтать не приходится!

Поодаль, немного на отшибе, стояла пара строительных вагончиков – что-то вроде сдвоенной бытовки. Ну, бытовка и бытовка, мало ли что там такое? Каково же было мое изумление, когда нас повели прямо к этим хибаркам.

– Джеф, – спросил я, – а туда-то нам зачем?

– А это их офис, – ответил он.

Что?! Вот эта вот конура – офис крупнейшей мясной компании США?! Я глазам не мог поверить.

– Конечно, – усмехнулся Джеф. – А зачем им больше? Учет совсем небольшой, он практически сведен к нулю – все, что приходит на завод, тут же перерабатывается без остатка. Что там учитывать? Так что в большом офисе нет нужды.

Внутри вагончиков человек пятнадцать сидели за компьютерами – вот и вся управленческая команда. Единственное, что отличало их от остальных работников, – резиновые сапоги на ногах.

Здесь же, в строительных бытовках, была оборудована небольшая переговорная, где мы и встретились с главой компании «Смитфилд» – угрюмым тучным мужчиной среднего возраста. В переговоркупустили только меня и Джефа Ралли. Лида, Люда, Мушег и Пантелеев остались за дверьми – босс не пожелал разговаривать ни с кем, кроме директора. Его взгляд сквозил холодом, на нас он смотрел исподлобья, словно на вражеских лазутчиков. Его трудно было понять, невозможно найти подход и хоть как-то завязать обычную беседу.

Я сделал несколько попыток направить разговор в русло экономической составляющей. Хотелось выяснить, какую цену нам объявят, если мы увеличим объем поставок. Но прямых ответов на свои вопросы я не получил. О деталях организации работы предприятия хозяин тоже не распространялся – сразу уводил разговор в сторону. Так нам и не удалось обсудить ничего, кроме общих вопросов о структуре и перспективах потребления в России, – никакой конкретики.

На следующий день снова подключились братья Коззини. Мы вместе с ними и Бадалом полетели в Канзас-Сити и посмотрели завод «Тайсон». Коззини хотели показать нам свои новые эмульсаторы на линии производства куриного фарша. Название этой компании было на слуху в России, ведь к тому времени птицеводство в стране было полностью уничтожено и на рынке господствовала продукция из США. Меня поразили объемы производства куриного мяса – около двух миллионов тонн! Неслыханное тогда количество. Впечатлений было море: чего стоил хотя бы пресс для подготовки сырья! А великолепная термоусадочная пленка! Это были настоящие технологические шедевры, не иначе. Много интересного и важного для развития бизнеса я почерпнул и из разговоров с Бадалом.

– Игорь, поверь мне, – говорил он, – если ты хочешь развернуть производство сосисок, тебе так или иначе придется заниматься выращиванием бройлера. Это хорошее дело. Это отличное сырье для производства и сосисок, и вареных колбас.

– Бадал, господи, какой еще бройлер? Ты о чем? У нас своих проблем с переработкой хватает. Ни о каких бройлерах я и не думаю! – отвечал я.

Как же он был прав! Пройдет несколько лет, и мы займемся бройлерами. Бадал еще тогда это предвидел.

Мы побывали в самых разных частях Соединенных Штатов. В Сан-Франциско нам показали завод по произ-

водству пленки и оборудование по нанесению на нее красочного рисунка методом литографии, в Лос-Анджелесе и в Цинциннати мы осматривали мясоперерабатывающие заводы.

Когда, облетев чуть ли не всю страну, мы вернулись в Нью-Йорк, туда снова приехал Сережа.

Вместе с Бадалом мы подводили итоги поездки. Я обмолвился, что у Сережи скоро летние каникулы и он полетит в Москву.

– Игорь, а пусть он перед вылетом домой заедет на пару недель ко мне в Чикаго? – предложил Бадал. – Пусть поживет у меня. Это будет для него полезно, да и мне интересно пообщаться с твоим хлопцем.

Сережка с удовольствием согласился.

Поддержал идею и Мушег Мамиконян:

– Общение с человеком, обладающим таким опытом и энциклопедическими знаниями, Сереже пойдет на пользу.

Надо сказать, у Мушега с Бадалом завязался очень хороший контакт. Как выяснилось, и Бадал, и его жена немало знали западноармянский язык, и они с Мушегом с удовольствием общались на наречии предков. Ну и помимо национальных у них хватало других общих интересов. Мушег без усталости расспрашивал Бадала о его жизненном опыте, о становлении его как бизнес-администратора, о тонкостях управления компанией.

Разумеется, приглашение Бадала мы не могли не принять. Уже после отъезда Сережи обратно в «Чоут» я попросил его заодно познакомить парня с производством.

– Знаешь, я всегда таскаю его с собой – стараюсь показать все технологии, – рассказывал я Бадалу. – Поэтому, если получится организовать ему визит на американский завод, я был бы очень рад. А вообще, как бы ни было ему хорошо в Америке, но, наверное, придется переводить его в другую школу.

– Что? – изумился Бадал. – Не вздумай! Ты что? Это лучшая школа в мире! Если тебя беспокоит питание – то, Игорь, поверь, это такие мелочи...

– Да не в питании дело. У него есть младший брат Женя. Он учится в Швейцарии. Ему трудно там одному. Ладно бы они просто учились в разных школах, а то ведь на разных континентах!

– Ну вот этот аргумент я могу понять. Ради этого, наверное, стоит.

В разговор вступил Макс Кайзер:

– В Швейцарии есть прекрасная американская школа. Я наведу справки.

На следующий день мы вылетели в Москву.

Сережа первые недели лета провел у Бадала и долго еще вспоминал их дом с теплотой и признательностью.

Наша поездка по США оказалась невероятно интересной и полезной для всех нас. Путешествовать в таком напряженном графике, когда плотной чередой идут осмотры множества заводов, нам до сих пор не приходилось, и к концу этого марафона даже я почувствовал усталость от ежедневных перелетов. И все же благодаря знакомству с Бадалом это было незабываемо.

Вскоре после нашего возвращения в Москву Макс Кайзер сообщил: его секретарь, болгарка Диана, собрала сведения о лучших швейцарских учебных заведениях и рекомендует американскую школу «Розенберг» в городе Санкт-Галлен в немецкой части Швейцарии.

В этой привилегированной частной школе учились дети крупных бизнесменов, политиков, дипломатов. Но для нас главным аргументом стало то, что возраст позволял поступить туда и Сереже, и Жене.

– Ну вот, дело сделано, – радовался я. – Осталось только Сережку перебросить из Америки в Европу.

– Вот с этим будет непросто, – вздохнула Лида.

– Почему?

– Игорь, я же жила там, видела, как он себя ощущает в этой школе. Он захвачен учебой полностью! Да, поначалу с английским было плохо, сложно было привыкнуть, адаптироваться, но он решал все проблемы сам. Занимался языком с Сильвией, подтягивал свой уровень. Он обожает преодолевать трудности!

– Не зря же директор называл его одним из лучших учеников школы, – улыбнулся я.

– И несмотря на все, он в первый же год попал в похвальный лист декана! А теперь мы ему предлагаем бросить учебу в «Чоуте» и перебраться в Швейцарию – представляешь?

– Лидочка, ну мы же ему не абы что предлагаем. Это одна из лучших школ в Европе. Ты не беспокойся, я поговорю с ним, и он все поймет.

– Только давай не будем его огорчать заранее.

– А зачем? Сообщим, когда он приедет на летние каникулы. Пока пусть доучится.

LXXI

Близился конец учебного года. Маша оканчивала второй курс МГУ, готовилась к сессии. Они с Ларисой жили в квартире на улице Гастелло. Лариса работала главным врачом в поликлинике Черкизовского завода. А Людочка с бабушкой жила с нами на Арбате и ходила в ту же английскую спецшколу, в которой до отъезда за рубеж учился Женя.

Для Люды это был последний, 11-й класс. Пора бы, решил я, поговорить с ней о будущем.

– Люда, через месяц ты простишься со школой. Начнется взрослая жизнь. Пора определиться и понять, чего ты хочешь.

Люда молча смотрела на меня. Я продолжил:

– По большому счету, существует два варианта. Первый – ты получаешь образование и строишь свою карьеру, второй – выходишь замуж и занимаешься только семьей. Второй вариант, безусловно, проще, он требует гораз-

до меньше усилий и уж точно меньше ответственности: за тебя все решают, тебя всем обеспечивают. Не приходится заботиться о средствах к существованию, переживать из-за карьерных взлетов и падений, работать на износ. Минус в этой ситуации только один. Но зато какой! Ты на всю жизнь попадаешь в зависимость. И тот, и другой варианты имеют право на существование. Ты должна решить, что тебе ближе.

– Я буду учиться, – твердо ответила Люда.

– Хорошо. Чем ты хотела бы заниматься?

Племянница растерянно улыбнулась и пожала плечами.

– Что ж, могу тебе предложить изучать финансы. Это направление сейчас приобретает особую значимость, оно будет очень востребованным, поверь. Я могу поспособствовать твоему поступлению в Финансовую академию. Это бывший советский Московский финансовый институт – престижное учебное заведение, многие мечтают в нем учиться.

Так и было решено: Люда начинает готовиться к поступлению в Финансовую академию.

Через несколько дней со мной завел разговор отец:

– Игорь, я слышал, ты Люду будешь пристраивать в Финансовую академию?

– Да, пап. А что?

– Да понимаешь, Наум у нас без дела болтается. Непонятно, куда его приткнуть. Можешь помочь?

– О чем разговор, пап. Это же сын Алика. Скажи ему – пусть берет документы и приезжает ко мне.

Я решил нанести визит ректору Финансовой академии Алле Грязновой.

– Игорь Алексеевич! Какими судьбами? – воскликнула она, увидев меня.

– Рад вас видеть, Алла Георгиевна!

– Как дела у производственников? – с улыбкой поинтересовалась Грязнова.

– Алла Георгиевна, вот скажите как специалист: когда эта банковская вакханалия кончится? Ну ведь просто душат своими конскими процентами по кредитам! Невозможно ничего сделать, я связан по рукам и ногам! Все уходит на обслуживание долга.

– Игоречек, при такой инфляции это закономерно. Банку ведь тоже нужно на что-то жить. Деньги, которые они вам выдали сегодня, завтра уже ничего не стоят. Отсюда и такие дорогие кредиты. Пока приходится строить такую финансовую модель, при которой предприятие в состоянии нести высокую долговую нагрузку. Впрочем, не мне вас учить, Игорь Алексеевич. Судя по тому, что «Черкизово» буквально гремит, дела на самом деле не так уж и плохи.

– Надо признать, куда-то я эту телегу тащу, – усмехнулся я. – Понять бы еще куда.

– Главное, что завод известен, продукция нарасхват. Остальное – дело ума и техники, – лучезарно улыбалась Грязнова.

– Алла Георгиевна, самое важное в моем деле – это кадры, знаете ли. Вот сейчас думаю направить к вам поступать племянницу и племянника.

– Это очень хорошо, что думаете. Значит, они поступят и будут учиться, – ответила Алла Грязнова.

В дальнейшем у нас сложились очень добрые и теплые отношения, ни одну из ее просьб я старался не оставлять без внимания. Через несколько месяцев Люда и Наум стали студентами Финансовой академии.

LXXII

Последние дни учебы пролетели незаметно, и в начале лета 1993 года ребята вернулись домой.

Мальчики впервые увидели обновленную арбатскую квартиру и подивились ее теперешним размерам.

– Ну ничего себе, пап! Такая огромная! Двухуровневая! Американские домики мне теперь покажутся клетушками, – удивлялся Сергей.

О пребывании в Чикаго у Бадала он вспоминал с восторгом:

– Это какие-то совершенно особенные люди. С ними так интересно! Мне кажется, нет такой вещи, явления или исторического события, о которых господин Бадал не знал бы. Мы разговаривали все вечера напролет!

В это верилось сразу. Лучшего собеседника для Сережи с его пытливым умом и представить было невозможно.

Лида с пристрастием расспрашивала Женю о «Коллеж дю Леман». Он говорил о школе с такой теплотой, что

в мою душу даже закралось сожаление: неужели придется его оттуда забирать?

– А помнишь, – смеялась Лида, – как ты умолял не оставлять тебя там? Вот скажи теперь: правильно мы сделали, что отправили тебя в эту школу?

– Еще бы, мам! – отвечал Женя. – Я же не знал тогда, как там здорово.

Мы с Лидой переглянулись: как же повзрослели мальчики за этот год!

Я решил не откладывая поговорить с Сережей о переходе в другую школу.

– Сережа, ты отлично окончил год в Америке, я тебя поздравляю. Мы с мамой тобой очень гордимся. Так приятно было слышать похвалы от учителей и директора!

– Пап, как же здорово, что мне удалось попасть в эту школу!

– Я вот о чем хотел с тобой поговорить. Ты знаешь, Женечка учится в «Коллеж дю Леман». Нам с мамой кажется, что он еще мал для самостоятельной жизни. Вы учитесь на разных континентах, очень редко видите. Мы долго думали и решили перевести вас обоих в школу «Розенберг» в Швейцарии.

Сережка молчал, но по лицу было видно, что он не в восторге от этой идеи.

– Сынок, я съездил туда. Это отличная американская школа. Там отменные условия, прекрасные преподаватели. И аттестат этой школы принимается по всему миру.

– Пап, я очень хотел бы остаться в «Чоуте». Но раз вы так решили, значит, поеду в «Розенберг», – печально ответил он.

– Сереж, ты не расстраивайся, – утешал я сына. – Я очень доволен школой «Чоут». Как только Женя подрастет, станет немного самостоятельнее, ты сможешь туда

вернуться. Уверяю: если захочешь, проблем с твоим возвращением не будет.

– Скорее, будут проблемы с тем, чтобы забрать меня оттуда сейчас, – улыбнулся Сергей.

Отчасти он оказался прав.

Я перечислил на счет школы «Чоут Розмари Холл» сто тысяч долларов в качестве благотворительного взноса и в сопроводительном письме сообщил директору, что мы переводим Сергея в другое учебное заведение. Я попросил переслать его документы в швейцарскую школу «Розенберг» в Санкт-Галлене. Эдвард Шэнахан тут же связался со мной по телефону и принялся уговаривать:

– Что вы делаете?! Сережа очень способный парень. Ему тут самое место. Он прекрасно адаптировался, это лучший ученик среди иностранцев! Он окончит нашу школу с отличием и сможет поступить в американский университет – а это откроет ему все двери в мире!

Мы же стояли на своем. После того как документы переслали, мы сообщили Сереже и Жене, что в сентябре они отправятся в Швейцарию.

– Главное, теперь вы будете вместе и мы с мамой сможем чаще вас навещать.

LXXIII

Летом, пока мальчики были в Москве, все свободное время я старался посвятить общению с ними. Мы все так же бегали, занимались спортом, играли в теннис – только теперь уже на наших отличных кортах на Черкизовском комбинате и в Жаворонках.

Вместе с Сережей и Женей я облазил весь завод, показал им буквально все до последнего закоулка. Перемены не прошли незамеченными.

– Пап, теперь здесь прямо как в Италии! Помнишь, нас возили на заводы? – восхищался Женя.

– Это ведь оттуда привезли машины! – припомнил Сережа.

– Да, как раз в той поездке я и договаривался о поставках оборудования, – кивнул я.

Мне хотелось показать сыновьям, как разительно отличается Черкизовский завод от остальных московских мясокомбинатов, и я решил отвезти их в «Останкино».

Его директор Эдуард Арушанов давно зазывал меня к себе. Он планировал выйти из бизнеса, продать все, и рассматривал меня как потенциального покупателя.

Воспользовавшись давним приглашением, мы с ребятами приехали на комбинат. Я провел детей по цехам: грязь, смрад, антисанитария...

– Пап, как такое может быть? – удивлялись Сережа и Женя.

– Вы, наверное, уже не помните, а ведь когда я пришел на Черкизовский завод, он примерно так и выглядел. За пять лет удалось его превратить в европейское предприятие.

Да что дети – мне и самому уже не верилось, что так было.

Я таскал мальчишек с собой везде, где только было возможно. Показал им и стройки, которые я затеял, – Каширу и Валдай.

Если до сих пор на комбинате функционировала централизованная система охлаждения – аммиачная компрессорная, – то на новых заводах планировалось установить более современные и безопасные локальные автономные фреоновые холодильные камеры. Проектированием и монтажом вентиляционного и холодильного оборудования на «Черкизово» занимался австриец по имени Герольд. В Каширу и на Валдай он ездил вместе с нами. Я познакомил его с ребятами, они мгновенно нашли общий язык.

– Игорь, а что, мальчики все лето будут сидеть в городе? – поинтересовался как-то Герольд.

– Да нет, Герольд, – ответил я. – У нас запланировано две небольших поездки, но немного позже: сейчас на комбинате дел невпроворот, я никуда двинуться просто не могу.

– А давайте, пока вы тут разбираетесь с делами, я их возьму с собой в Австрию недели на три. Мы с ними отлично поладили, покажу им страну.

– А что, это мысль, – согласился я. – Надо обсудить с Лидой.

Лиде предложение понравилось.

– Им же с осени предстоит учиться в немецкой части Швейцарии, так что немного попрактиковаться, я думаю, будет очень кстати.

У Сережки глаза загорелись сразу.

– В Австрию?! Это здорово! – обрадовался он. Своим энтузиазмом он заразил и Женю.

Поездку откладывать не стали, и уже через неделю сыновья под водительством Герольда отправились в Австрию.

Когда через три недели ребята вернулись, мы с Лидой отметили, что они успели нахвататься немецких фраз и довольно бойко пользовались ими в обыденной жизни.

– Молодцы – все схватывают на лету! – вынес вердикт Герольд. – Единственная проблема – не знают грамматики. Теперь надо бы позаниматься системно. Структурировать то, чего стихийно нахватались.

– Да, они уже начали, – кивнул я. – С самого приезда в Москву занимаются с преподавателем.

Еще весной, готовясь к возвращению Сережи и Жени из школ, мы выбрали для них репетитора по немецкому по имени Зинаида. Она с легкостью установила контакт с мальчиками, и они приступили к занятиям. Правда, через некоторое время после поездки в Австрию пришлось сделать перерыв еще на неделю – получив огромный межправительственный кредит, итальянцы так расчувствовались, что преподнесли нам роскошный подарок – устроили выезд в великолепнейший отель «Форт Вилладж» в Сардинии на всю семью: мы с Лидой, Сережей и Женей, Лариса с Машей и Людой, отец с Валеи и Скавронский с дочерьми. Ну и поездка выдалась! Все – от мала до велика – были в восторге.

LXXIV

Жене пока было рановато, а Сережу я нередко брал с собой на переговоры. Думал: пусть смотрит, вникает – пригодится.

Как-то мне позвонил Кобзон и попросил заехать к нему в гостиницу «Интурист» – он арендовал там офис. Я вошел, когда над ухоженной, изнеженной рукой Иосифа Давыдовича трудилась маникюрша. В другой руке он держал сигарету «Мальборо» и, со смаком затягиваясь, выдыхал кольца дыма.

– Игорь, проходи. Сейчас закончу наводить марафет и буду весь в твоем распоряжении.

Маникюрша принялась за другую руку.

– Спасибо, милая, – поблагодарил ее Кобзон. Потом взглянул на меня: – Ты посмотри, какая умница. Старательная! В такую и влюбиться не грех.

Раздался стук в дверь, в комнату вошел человек.

– Знакомься, Игорь, – представил гостя Кобзон. – Это Отари Квантришвили, мой хороший друг. Пока надо мной трудится эта очаровательная фея, пойдите побеседуйте. Вам есть о чем поговорить.

Мы перешли в другое крыло здания, в офис Квантришвили.

– Игорь Алексеевич, – обратился ко мне Отари, – я время от времени слышу, что у вас на комбинате то машину с грузом угонят, то отберут выручку у водителя. Что там у вас происходит?

– Да, есть такая проблема, – признал я. – Криминал разошелся не на шутку.

Меня удивила его осведомленность. У нас действительно был случай – машину выездной торговли захватили, когда весь товар уже был распродан, выручку похитили, а водителя вывезли за город и оставили привязанным к столбу, слава богу, что не убили. Случалось всякое.

– Если надо, могу помочь. Я создал охранный бизнес, у нас все официально, лицензия имеется. Уверяю вас, если мы возьмемся, больше никто близко подойти не посмеет. Мы работаем профессионально. Дайте только возможность – и все проблемы будут решены.

– Спасибо. Буду иметь в виду ваше предложение.

Мы обменялись визитными карточками и договорились обсудить этот вопрос позже.

Я вернулся к Кобзону.

– Игорь, я вот о чем хотел поговорить, – начал он. – Тут произошла накладка – твои сотрудники забраковали партию мяса. Мои друзья обратились ко мне с просьбой. Ты можешь разрулить?

– Иосиф Давыдович, я разберусь и перезвоню.

Вернувшись на завод, я вызвал Мишу Мамиконяна:

– Миша, что произошло с забракованной партией?

– Игорь Алексеевич, они прислали не мясо, а какой-то мусор. Там вышкой и не пахнет.

– И что в этой ситуации можно сделать? – спросил я.

– Уценку. Мы назовем реальную цену того, что они нам поставили.

– Какой разрыв там получается?

– Примерно шестьсот пятьдесят – семьсот тысяч долларов.

– Да ты что?

– Так в том-то и дело. Деньги немаленькие. Пусть либо возвращают, либо поставят на эту сумму качественное мясо.

– Понимаешь, здесь не все так просто. Это Кобзон просит. Мне не совсем удобно будет ему отказать. Мы можем это как-то закрыть?

– Ну, если надо, закроем, конечно. Но это прямые убытки.

Сказать, что я был удивлен, – ничего не сказать. Вечером по пути домой я снова заехал в «Интурист».

– Иосиф Давыдович, возвращаясь к вашему сегодняшнему вопросу. Те, кто поставил нам это мясо, вне всякого сомнения, непрофессионалы. Абсолютно случайные люди в этом бизнесе. Наши убытки от этой партии – около семисот тысяч долларов. Это очень серьезно.

– Игорь, – вздохнул Кобзон. – Это мои близкие друзья. Наверное, действительно мало что понимают в этом. Взялись за незнакомое дело и напортачили. Я тебя очень прошу: если можешь, реши как-нибудь эту проблему.

– Иосиф Давыдович, я на это закрою глаза, но сделаю это только ради вас.

– Игорь, большое тебе спасибо!

Мы обнялись, и я уехал.

Спустя пару недель Кобзон попросил меня о встрече. Я приехал вместе с Сережей.

Мы обнялись.

– Твой сын? – спросил Кобзон.

– Да, старший.

– Что ж, весь в папку! Игорь, это тебе в знак благодарности.

С этими словами он открыл лежавший на столе дипломат. В нем были плотно уложены пачки долларовых купюр.

– Что это?

– Это тебе, – он чуть пододвинул ко мне дипломат. – Двести тысяч. Чтобы закрыть ту историю с мясом.

– А-а, – протянул я. – То есть вы хотите сказать, что у меня фактически украли семьсот тысяч, а теперь любезно возвращают двести? Знаете, я в такие игры не играю. Я эти деньги не возьму.

– А что мне с ними делать?

– Иосиф Давыдович, это ваша проблема. Мы с вами договорились, я эту тему закрыл. И больше к этому вопросу я не вернусь.

– Как знаешь, Игорек. Я хотел как лучше. Ну хоть в ресторан позволишь пригласить вас с сыном? – примирительным тоном произнес Кобзон.

– Конечно, с удовольствием, – ответил я.

Мы спустились в ресторан гостиницы «Интурист». Кобзон подвел нас к одному из столов, за которым уже сидел человек.

– Знакомься, Игорь. Алимжан Тохтахунов. Но мы все зовем его просто Алик.

Алик? Я слышал, что этого человека называли иначе – Тайванчик. Пообедав, мы с Сережей поехали дальше. В машине он спросил меня:

– Пап, а что за история с этими деньгами, которые тебе Кобзон предлагал?

Я рассказал Сереже, как все было.

– Знаешь, – задумчиво проговорил Сережа, – этот Алик, или, как там его, Тайванчик какой-то... Ну, с бегающими глазками. Мне кажется, это он все и организовал.

– Да, сынок, тут сомнений быть не может. Это дело его рук, – с ухмылкой согласился я.

Что же касается предложения Квантришвили о профессиональной охране, то я и сам затруднился бы ответить, почему оно меня не привлекло. Какое-то шестое чувство подсказало: лучше пойти своим путем. Мы и правда периодически теряли машины, продукцию, деньги. Разгул криминала в начале 90-х годов Черкизовский завод ощутил в полной мере. Но, видно, моя привычка строить все самостоятельно перевесила и на этот раз.

Профессиональная охрана действительно была необходима – в этом Отари был прав. Поэтому я создал собственную службу безопасности, в которую вошли бывшие сотрудники КГБ-ФСБ. В то время множество комитетчиков теряли работу, оставались практически без средств к существованию. От опасного сближения с Квантришвили – фигурой очень неоднозначной – меня всячески отговаривал Альберт Мирошников. Он набрал в нашу службу безопасности отличных профессионалов. Это были высококвалифицированные люди, на которых можно было положиться. Как показала жизнь, я был прав. Отари Квантришвили через пару лет застрелили в Москве на выходе из Краснопресненских бань. Как сообщали СМИ, его убийство было результатом передела сфер влияния в криминальном мире.

LXXV

В конце августа мы решили все вместе съездить на швейцарский курорт Санкт-Мориц. На лыжах в это время, конечно, не покатаешься, не сезон, но в тех местах и помимо слалома можно замечательно отдохнуть. Взяли с собой и преподавательницу немецкого Зинаиду.

Легендарный отель «Бадрутт’с Палас» с более чем столетней историей держал марку: дворецкий у каждого номера, семь ресторанов высокой кухни, великолепный спа-центр, огромный бассейн, фитнес-центр – все на высочайшем уровне.

Неожиданно для нас роскошь фешенебельного пятизвездного отеля произвела на Зинаиду гнетущее впечатление. Ей явно было не по себе, она отчаянно стеснялась всего на свете, стушеввалась, даже как-то ссутулилась – казалось, ей хочется спрятаться, надеть шапку-невидимку. В ответ на мой вопрос нехотя объяснила:

– Я чувствую себя не в своей тарелке среди здешней публики. Меня все это просто убивает. Тело, как говорится, к выносу готово.

Публика действительно впечатляла.

Как-то вечером, после ужина, мы с Лидой поднимались в лифте. На одном из этажей в кабину вошла очень немолодая женщина. Она была ослепительна. Высокая, сухоощавая, с тонкими запястьями и узкими длинными пальцами, на плечах – нежнейший норковый палантин. Бриллиантов не много, но какие! Крупные, чистейшие, как слеза. Лаконичное вечернее платье, горделивая посадка головы, сдержанные выверенные движения – все в ней говорило об аристократизме. На поводках она держала двух маленьких собачек. Дама стояла к нам вполоборота и на наше присутствие никак не реагировала. А вот собачки взглянули на нас с Лидой так высокомерно-пренебрежительно, что будь на нашем месте бедняжка Зинаида, она бы, наверное, провалилась сквозь землю.

– Боже, Лида, ты видела, как смотрели на нас ее собачки? – расхохотался я, едва мы вышли из лифта. – Умели бы говорить, наверняка прогавкали бы: а ну вон отсюда!

Смех смехом, но воспоминание о встрече с незнакомкой в лифте осталось со мной на всю жизнь.

Наша поездка в Санкт-Мориц возымела довольно неожиданные последствия: насмотревшись на жизнь на дорогом курорте, Зинаида сделала свои выводы. Она решила, что раз мы можем позволить себе такие траты, то надо бы попросить прибавку. За занятия с мальчиками она затребовала удвоенную цену да вдобавок еще и высказала пожелание, чтобы я оплатил ей ремонт квартиры. Пришлось вежливо отказаться от ее услуг.

Отсюда, из Санкт-Морица, мы отвезли Сережу и Женю в Санкт-Галлен. В сентябре дети приступили к занятиям в школе «Розенберг».

Это была новая веха в их жизни. Для Сережи все было в новинку: по сравнению с американским размахом, к которому он успел привыкнуть за год в «Чоуте», здесь даже здания казались игрушечными. Европейцы не склонны к гигантомании, все в этой школе было гораздо более скромных размеров, но безупречно продумано и организовано.

Особенно радовало нас с Лидой здоровое питание. Мальчишкам-то, конечно, до этого не было никакого дела, а у нас просто отлегло от сердца: наконец-то дети избавлены от вездесущего американского фастфуда. По крайней мере, за их здоровье теперь можно было не волноваться.

Убедившись, что сыновья чувствуют себя в новой школе вполне комфортно, мы улетели в Москву.

